

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2024**

4

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, академик РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Academician, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2024-4

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (224) 2024 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (224) 2024*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Сорокин Г.В., Ерошенко Т.И. Философский анализ проблем современной науки 5

Sorokin G.V., Eroschenko T.I. Philosophical Analysis of Modern Scientific Problems 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Аганов А. А. Становление Общества друзей воздушного флота на Юго-Востоке РСФСР в 20-е годы XX века (по архивным материалам) 12

Aganov A.A. Formation of the Society of Friends of the Air Fleet in the South-East of the RSFSR in the 20s of the 20th Century (Based on Archival Materials) 12

Агеева В.А., Жбанникова М.И., Асташев А.А. Акты комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков как источник по теме угона мирного населения Ростовской области на принудительные работы в нацистскую Германию 17

Ageeva V.A., Zhbannikova M.I., Astashev A.A. Acts of Commissions for the Establishment and Investigation of the Crimes of the German-Fascist Invaders as a Source on the Topic of the Hijacking of the Civilian Population of the Rostov Region for Forced Labor in Nazi Germany 17

Димитренко Н.В. Организация работы Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по подготовке «Свода памятников истории и культуры Пензенской области» 28

Dimitrenko N.V. Work Organization of the Penza Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments on the Preparation of the “Code of Historical and Cultural Monuments of the Penza Region” 28

Егоров А. А., Пашченко Э. К. Битва народов в освещении британской прессы 34

Egorov A.A., Pashchenko E.K. The Battle of Nations in the Coverage of the British Press 34

Казаров С.С. К вопросу о «древности» Додонского оракула 40

Kazarov S.S. On the Question of the “Antiquity” of the Dodonian Oracle 40

Марченко А. Н. Протест и революционная деятельность в семинарской среде в начале 60-х годов XIX века (на материале Пермской духовной семинарии) 46

Marchenko A.N. Protest and Revolutionary Activities in the Orthodox Seminary Environment in the Early 1860s (Based on the Material of the Perm Theological Seminary) 46

Мачульский А.Н. Отдельные аспекты эволюции инсигний в контексте развития основ государственной идеологии в период становления Русского государства	55	Machulsky A.N. Some Aspects of the Evolution of Insignia in the Context of the Development of the Foundations of State Ideology During the Formation of the Russian State	55
Огорельцев П.А., Пономарева М.А. Донская периодическая печать и ее роль в формировании общественных настроений в первые месяцы Великой Отечественной войны	59	Ogoreltsev P.A., Ponomareva M.A. Don Periodical Press as an Actor in the Formation of Public Sentiments in the First Months of the Great Patriotic War	59
Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Борьба с детской беспризорностью и забота о детях-сиротах в начальный период существования Советского государства как одно из направлений социальной политики (1917–1930 годы)	65	Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Tsymlyanskaya O.A. Combating Child Homelessness and Caring for Orphans in the Initial Period of the Existence of the Soviet State as One of the Directions of Social Policy (1917-1930)	65
Подольников В.П. Роль Анвара Садата в ухудшении советско-египетских отношений в 1971 – первой половине 1972 года (по воспоминаниям)	72	Podolnikov V.P. The Role of Anwar Sadat in the Deterioration of Soviet-Egyptian Relations in 1971 - First Half of 1972 (According to Memoirs)	72
Полчаева Ф.А. Чанка и чанка-беки: социальное положение и правовой статус (XVIII – первая половина XIX века)	80	Polchaeva F.A. Chanca and Chanca-Beks: Social Situation and Legal Status (18th - First Half of 19th Century)	80
Талтангов Л. Понимание пролетарского интернационализма в документах ВЛКСМ в 1950–1960-е годы	86	Taltangov L. Understanding of Proletarian Internationalism in the Documents of the All-Union Leninist Communist Youth Union in 1950-1960s	86
Цечоев А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII–XIX веках	93	Tsechoev A.Ya. Economic Differentiation and Social Stratification of the Ingush in the 18th-19th centuries	93
Шадрина А.В. Инициатива Русского географического общества середины XIX века и ее реализация в творчестве донского протоиерея Григория Левитского	100	Shadrina A.V. The Initiative of the Russian Geographical Society in the Mid-19th Century and Its Implementation in the Works of the Don Archpriest Grigory Levitsky	100
Эмирханов И.А. Производственная повседневность рабочих и служащих промышленных предприятий Дагестана в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)	107	Emirkhanov I.A. The Daily Routine of Workers and Employees of Dagestan Industrial Enterprises in the Conditions of the Great Patriotic War (1941-1945)	107

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боровская М.А., Грановская М.В., Масыч М.А., Афанасьев А.А. Международное гуманитарное сотрудничество в формирующемся многополярном мире: основные тенденции	114
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Баталпашинские чтения – 2024», посвященная 110-летию начала Первой мировой войны (Черкесск, 5–6 октября 2024 г.)	125
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Агафонов А.И., Кислицын С.А., Трут В.П. Выдающийся ученый и педагог высшей школы В.Н. Ратушняк (к 85-летию)	129
--	-----

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2024 году	134
---	-----

ECONOMIC SCIENCE

Borovskaya M.A., Granovskaya M.V., Masych M.A., Afanasyev A.A. International Humanitarian Cooperation in the Emerging Multipolar World: Key Trends	114
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Ratushnyak O.V., Ratushnyak T.V. 5th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Batalpashin Readings - 2024”, Dedicated to the 110th Anniversary of the Beginning of the First World War (Cherkessk, October 5-6, 2024)	125
---	-----

OUR PERSONS

Agafonov A.I., Kislitsyn S.A., Trut V.P. Outstanding scientist and teacher of higher education V.N. Ratushnyak (to the 85th anniversary)	129
---	-----

Index of Materials, published in the Journal “Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science” in 2024	134
--	-----

Редколлегия и коллектив редакции сердечно поздравляют главного редактора нашего журнала Марину Александровну Боровскую с присвоением звания академика Российской академии образования и желают ей дальнейших творческих успехов в научной и общественной деятельности, новых достижений на благо отечественной науки и образования, реализации намеченных планов, а также крепкого здоровья и семейного благополучия!

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 101.1

doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-5-11

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Геннадий Вениаминович Сорокин^{1✉}, Татьяна Игоревна Ерошенко²

^{1,2} Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Институт водного транспорта им. Седова – филиал Государственного морского университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова, Ростов-на-Дону, Россия

¹ gennadi-sorokin@yandex.ru ✉

² eroschenko-1970@mail.ru

Аннотация. Рассматривается громадная роль эволюции науки, которая может быть представлена в виде совокупности моральных, правовых, политических, философско-мировоззренческих и эстетических ценностей. Ценности регулируют жизнедеятельность государства, общества, различных общественных групп и личности, интегрируют их в единое целое, консолидируют общество, ведут к общепризнанным в данном обществе целям, тем самым вскрывая и неразрешимые противоречия, которые являются продуктом исторической эпохи. Развивается мысль о том, что само современное общество с определенным типом культуры поставляет смыслы в науку, не разрешимые на современном уровне ее развития, так как только философия может представить положения, разрешающие и проясняющие эту ситуацию.

Ключевые слова: наука, ценности, антропный принцип, парадокс Ферми, превосходящий разум, общество, законы, эволюция научного знания

Для цитирования: Сорокин Г.В., Ерошенко Т.И. Философский анализ проблем современной науки // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 5–11.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF MODERN SCIENTIFIC PROBLEMS

Gennady V. Sorokin^{1✉}, Tatiana I. Eroschenko²

^{1,2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

² Sedov Water Transport Institute - a branch of the Ushakov State Maritime University, Rostov-on-Don, Russia

¹ gennadi-sorokin@yandex.ru ✉

² eroschenko-1970@mail.ru

Abstract. The enormous role of the evolution of science, which can be presented as a set of moral, legal, political, philosophical, ideological and aesthetic values, is being actualized. Values regulate the life of the state, society, various social groups and individuals, integrate them into a single whole, consolidate society, lead to generally recognized goals in a given society, thereby revealing unresolvable contradictions that are a product of the historical era. The idea is being developed that modern society itself with a certain type of culture supplies meanings to science that are unresolvable at the current level of its development, since only philosophy can present provisions that resolve and clarify this situation.

Keywords: science, values, anthropic principle, Fermi paradox, superior to reason, society, laws, evolution of scientific knowledge

For citation: Sorokin G.V., Eroschenko T.I. Philosophical Analysis of Modern Scientific Problems. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(4):5-11. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Актуальность науки и её эволюции в современном мире очевидна. Но одновременно она порождает проблемы, неразрешимые в современной научной парадигме. Это проявляется не только дефицитом знаний научных, но и недостаточностью правовых, политических, философско-мировоззренческих и эстетических подходов и установок. Одним из признаков проходящей научной революции, по мнению Т. Куна, является наличие неразрешимых на этом уровне науки проблем [1]. **Цель нашей статьи** – расширить научный подход до культурного универсального значения. Общеизвестно, что наука существует в определённом типе общества и является элементом соответствующей ему культуры. Мы будем развивать мысль о том, что само современное общество с определённым типом культуры поставляет смыслы в науку, не разрешимые на современном уровне ее развития, и представим положения, разрешающие эту ситуацию.

Что элиминировано из научного знания или является проблемой сегодня?

1. Представление о превосходящем разуме.
2. Этическая интерпретация вселенских законов.
3. Антропный принцип.
4. Парадокс Ферми.
5. Что такое компьютер?
6. Диалектика марксизма.

После определения «элиминированных», неудобных для науки положений попробуем сделать развёрнутый их философский анализ.

Результаты философского осмысления проблем, «элиминированных» из научного дискурса

1. Превосходящий разум. Всё ещё значительна роль религий в массовом сознании и социальных отношениях. Но в самом передовом знании, науке практически не содержится положений, утверждающих божественное вмешательство. В то же время на протяжении практически всей истории человечества существовало положение о бытии превосходящих человека духов, богов, полубогов, магов, героев. Сформировалась проблема начала научного знания, «нормальной науки». Т. Кун и большинство исследователей считают, что это Европа XVI–XVII вв. Однако, в целом соглашаясь с этим подходом, необходимо отметить, что история науки имеет предысторию. И невозможно представить появление столь совершенного метода познания из ничего.

Коренным переломом представляется эпоха Возрождения. Естественно, возникает интерес к античной культуре, особенно античной науке и философии. В то же время остается прочный фундамент средневекового религиозного знания, имеющий собственное мировоззрение. Но и в Античности, и в Средние века существование богов или бога скорее признавалось. Количество агностиков (софисты) или полных атеистов (Диагор Мелосский) в Античности было, скорее всего, небольшим. Про Средние века особо говорить не приходится.

Правда, как в Античности религия древних греков и её философская интерпретация были «природны», так и в развитой схоластике бог своеобразно «трансцендентен». Такой столп католической мысли, как Фома Аквинский, предполагает некоторые ограничения для Бога. Бог у него всемогущ только в отношении потенциально возможного. Логика является ограничителем творческих способностей Бога, можно даже отменить физику в некоторых случаях, но невозможно поменять прошлое [2]. Вопрос в этой связи, представляет ли схоластика Бога тоже «природно», ибо логика вытекает из природного порядка вещей?

Современная наука основана на некоторых важных принципах, как, например, бритва Оккама. Поэтому потенциально не допускает серьёзных размышлений о превосходящем разуме. Но

они содержатся в науке или латентно – представление о бесконечном пути познания, следовательно, количественно и качественно усиливают наши знания и интеллект. Или в качестве научно обоснованных гипотез, представлений о внеземных цивилизациях и искусственном интеллекте. Возможен ещё пример «полунауки» футурологии.

Причём весьма могут отличаться представления о сверхразуме. Например, С. Хокинг видел большую опасность в искусственном интеллекте [3].

Астрофизик А. Панов, высказывая предположение о сверхразуме, считает это новым качественным скачком, сродни отличия разума от биологических форм. По его мнению, проявления сверхразума будут восприниматься нами или как чудо, или как нечто совершенно обычное [4]. Отметим, как подтверждение нашего предположения, что сходным образом трактовался Бог как творец мира в Средние века.

Начиная с периода Возрождения основной тенденцией в становлении светской культуры и науки была тенденция «высвобождения» тех или иных областей из-под юрисдикции или объяснения церкви. Собственно, только понятие Бога в строгом смысле там и осталось. *Возможно ли переосмыслить это понятие и как-то включить в научное и культурное поле более рационализированным и продуктивным образом?*

2. Этическая интерпретация вселенских законов. Нет необходимости говорить о том, насколько современное общество выработало более совершенную систему моральных законов, являющуюся неотъемлемой частью его функционирования.

Но возникает вопрос «что было раньше – курица или яйцо?». Наиболее известная интерпретация М. Вебера – протестантская этика приводит к капитализму [5]. Маркс бы сказал о первичности материального производства, над которым «надстраивается» необходимое духовное производство (этика в том числе). Можно привести даже далёкие от официально научного статуса построения Н. Рериха. У него «ведут» цивилизацию некие махатмы, великие души. Не прибегая к строгому рассмотрению этих положений, отметим прослеживающуюся явную связь подструктур общества.

Поэтому, то ли в угоду «махатмам», то ли в необходимости самораскрытия человека как морального существа, моральные принципы общества нужно совершенствовать хотя бы для того, чтобы избежать самоуничтожения, а в перспективе – для становления на более высокую стадию развития.

3. Антропный принцип. Недостаточно глубокое представление о его механизмах. Антропный принцип даёт не только представление о разуме, но о разуме, управляющем законами Вселенной. Почему так? Формально термин впервые предложил в 1973 г. английский физик Б. Картер, но сама идея высказывалась и ранее физиком А. Л. Зельмановым в 1955 г. и историком Г. М. Идлис на Всесоюзной конференции по проблемам внегалактической астрономии и космологии (1957). Ещё ранее в той или иной форме – философами, например Н.Ф. Фёдоровым. Можно также опознать здесь древнюю проблему соотношения материального и идеального и вспомнить систему Г.В.Ф. Гегеля [6].

Известно, как критикуя саму концепцию, разграничивают антропный принцип на слабый и сильный. Но, на наш взгляд, в этих случаях бритва Оккама неэффективна. Ставится вопрос о существовании разума, но разум не только становится существующим. Он оказывает влияние на материю, находится в тесном взаимодействии, диалектическом единстве. В этом принципиальное отличие человеческого разума от компьютера, который в своих действиях опосредован.

Взаимодействие разума, например, содержится латентно в классификации астрофизика Кардашёва. Он делил цивилизации на три типа: 1) использующие энергию собственной планеты; 2) использующие энергию материнской звезды; 3) контролирующие энергию всей Галактики. В наше время классификация дополнена: 4) цивилизация контролирует энергию Вселенной; 5) цивилизация контролирует энергию Мультивселенной. Интересно, что Кардашёв строил свою шкалу для того, чтобы можно было внеземные цивилизации обнаружить. 1-й тип трудно-обнаружим, 2-й и 3-й типы вполне, а вот предполагаемые 4-й и 5-й – принципиально сейчас необнаружимы, если существуют [7].

Вообще занятие наукой предполагает латентное согласие как с антропным принципом, так и с другими парадоксами взаимодействия мышления и сознания.

4. Парадокс Ферми. Где все? Мы не будем исследовать все возможные предположения. Только отметём отрицательные, типа «великого фильтра». Нам кажутся подобные решения нигилистическими, упрощенческими, «а на нет и суда нет». Тогда становится ясным, что впереди нас ждут не ракеты и базы на чужих планетах, а нечто качественно иное.

5. Что такое компьютер? Он мыслит? Несомненным является рассудочно-логическая деятельность этих машин, причем намного превосходящая человеческие возможности. Но достигнут ли уровень разума компьютерными сетями? Страшилки про «восстание роботов».

6. Диалектика марксизма. После сознания-разума есть виток? Или сверхразум возвращается в основание? Сахаров считал, что сверхцивилизации нам могут подавать знаки после «схлопывания вселенной».

Гипотетические положения. Какие же дальнейшие перспективы нашей познавательной деятельности, неотделимой от сферы исторической практики?

1) научная революция, которую можно охарактеризовать как переход от неклассической к постнеклассической науке, продолжается, мы не выходим на период «нормального» течения науки;

2) необходимо более глубокое, системное развитие диалектического подхода в соотношении философии и науки. Общество развивается как цельная система, включая науку;

3) проблемы, которые должны быть триггером изменения научной картины мира, уже ясно очерчены. Это антропный принцип, парадокс Ферми, вопрос о Большом взрыве.

4) отдельной глубокой проблемой представляется неявно сформулированный закон сохранения информации по аналогии с законом сохранения материи и энергии. Так, вопрос сохранения информации является одним из ключевых в физике чёрных дыр. Данная проблематика весьма важна в контексте нашего исследования.

Сама наука, в свою очередь, просто элиминирует некоторые проблемы из своей области в силу своей специфики [8–10]. Таким образом, только философское знание берёт на себя трудную задачу – попытку целостного знания о взаимоотношении человека и культуры, человечества и Вселенной.

Обсуждение в философии объекта и предмета познания

В различных философских учениях объект и предмет знания понимаются по-своему. Материализму XVII–XVIII вв. характерна созерцательная позиция: субъект – это индивид, пассивно воспринимающий объект, который существует независимо от него. В идеалистических учениях предмет считался активным и творческим принципом. Субъективные идеалисты, например Беркли, Юм, под субъектом понимали сознание индивида, создавая объект в виде комбинаций, комплексов ощущений. Для объективных идеалистов это был сверхчеловеческий субъект – Бог, дух мира, который создал и испытал реальность.

Оригинальная интерпретация роли субъекта в познании была предложена К. Поппером. Свою теорию он назвал теорией познания без предмета, которая основана на его собственной доктрине третьего мира. К. Поппер постулировал существование трех миров: первый – физический, второй – психический (мир различных состояний сознания), третий – мир научных знаний («мир объективного содержания мысли»). Под этим он понимает теории, аргументы, научные проблемы, знания, которые содержатся в книгах и журналах. Этот мир рождается при взаимодействии первого (физического) мира со вторым (психическим). Третий мир появляется как побочный продукт человеческой деятельности, связанной с разрешением проблем биологического выживания в первом мире. Необходимым условием его появления выступает язык. Поскольку третий мир существует независимо, а содержащиеся в нем знания не зависят от субъекта, субъект исключается из познавательной деятельности [11, 12].

В современной теоретической физике одним из фундаментальных гипотетических предположений является концепция «мультивселенных». Она допускает существование, помимо нашей Вселенной, бесконечного множества других с иным набором физических параметров. Также разрабатывается концепция «антропного принципа». Существование множества вселенных может обосновать «слабый антропный принцип» – только наша подходит по физическим параметрам для жизни человека. Но в нашей Вселенной человек проникает в законы таким об-

разом, что способен творить то, что мы называем культурой. То есть человек не только сам появляется, но подобен некоему организующему звену Вселенной.

Экстраполируя развитие предыдущих картин мира, видим их кардинальное изменение, следовательно, и нынешняя изменится с весьма большой вероятностью. Но даже первые мифологические представления содержали некоторые гениальные догадки, вошедшие затем в религиозную, философскую и даже научную мировоззренческие системы.

В истории развития научной картины мира можно констатировать качественные скачки в представлении о Вселенной и нашего места в ней. Как основные этапы отметим такие:

- физика Аристотеля, Бог как «Великий геометр»;
- Коперник, Галилей, формируют гелиоцентрическую систему, а затем и «звёзды – далекие солнца» (Дж. Бруно) XVI–XVII вв. Он представляет Вселенную бесконечной;
- в XVIII в. И. Кант высказал предположение, что звезды объединены в системы (млечные пути). Кроме того, он выдвигал идеи о многомерности пространства;
- XIX в. – идея всеобщего представления о развитии, в том числе материи в результате естественного процесса в биологическое и социальное состояние;
- XX в. – наконец наука признает «звездные системы» – галактики. Астрофизика становится всеволновой. Хаббл открывает «красное смещение» – теория Большого взрыва. Искривление пространства в четвертом измерении фиксируется. Антропный принцип;
- XXI в. – интересны наблюдения телескопа «Джеймс Уэбб», расходящиеся с теорией Большого взрыва.

Европейская наука XVI–XVII вв. вырастает из другого типа культуры, где научная рациональность, мягко говоря, не приветствуется. Однако если это происходит, значит, некоторые установки этому там предшествуют? Отметим, что Античность предложила не геоцентрические системы мироздания (пифагорейцы, Аристарх Самосский), т. е. произошло определённое возвращение к тезису в духе Гегеля. Антитезис – средневековое представление о центральном положении Земли на основе опять-таки античной системы физики Аристотеля. Но средневековое представление – это не просто утверждение террацентризма, а утверждение его как истины и установление противоположных посылок как заблуждения.

О. Конт критикует теологические и философские установки как плохо отражающие истину, но незаметно сам попадает под их влияние. Так движущие силы прогресса у него – идеалистические (интеллект и духовность человека), подобно движителю истории Богу-Духу. Клеймя философию за необоснованные абстракции, он «проглатывает» категориально-понятийное деление «теология», «метафизика», «наука». Это есть как раз выработанное в философском знании качественное различие в системах знания, а Конт против необоснованного применения качественных определений.

Возможно ли и в плане функционирования знания в истории культуры делать скорее количественное, а не качественное определение?

Тогда развитие этапов мировоззрения приобретает как более древнюю, так и более широкую интерпретацию. Ни в коем случае не разделяем позицию, в каком-либо виде антинаучную (религиозную, магически-мистическую, паранаучную и т. п.). Но считаем необходимым подход к пониманию линии «демаркации» как главное условие эффективности научного знания и его лучших позиций функционирования.

Мораль выступает регулятором и скрытого механизма культуры [13, 14]. Как уже было отмечено, научный прогресс, технологии и техника – производные от всеобщего состояния и развития общества. В соответствии с этим и основания нового типа научной рациональности (вероятно, и более радикального преобразования) возможны только в новом типе общества.

Что может быть предложено для радикального изменения культуры, качественного перехода? Революционные изменения предполагали технологический прогресс, повышение уровня жизни, индекс счастья. В то же время содержание массового сознания представляет собой в том числе целевые всеобъемлющие ценности – утопии, мечты, желания. Если с некоторыми наука и современное общество, основанное на научно-техническом прогрессе, вполне успешно справляются, то более фундаментальные остаются пока далёкими мечтами.

Какие же вожделенные представления людей мы можем отметить? А именно это будет двигать общественный прогресс и социум. В мифологии, религии и магии – обладание сверхкачествами. Это сверхсила, бессмертие, возможность исполнения любых желаний. Среди этих желаний есть постепенно исполняемые – например, потреблять. Только это исполняется не с помощью божественных сил или магических заклинаний, а с помощью развития наук и технологий. Особняком стоит желание бессмертия. Оно представляется настолько трудно достижимым, что присутствует в современной культуре в виде почти только религиозных представлений. Но они занимают до сих пор ядро культуры, проецируя смыслы и ценности, нормы и обряды. Если отвести религиозные истоки культуры, можно отметить, что и в рациональных представлениях о культуре индивиды «физически и духовно творят друг друга».

Выводами философского обсуждения является утверждение, что культура в широком смысле – это переработанная человеком среда, сам человек, созданные отношения между людьми (социальные институты), сотворённая идеальная (духовная) сфера общества. Всё это результат труда, вольного или невольного, озарения, стремления к чему-то людей. По сути, все феномены и артефакты культуры – часть некоей личности, ставшей бессмертной. Сократ когда-то хотел не читать бесстрастный монолог, записанный кем-то в книге, а вести живую беседу. Но люди смертны, и мы довольствуемся этим, только небольшой стороной человеческой судьбы.

Конечно, в социуме существуют механизмы памяти и благодарности, ритуалы и коллективная память. Но это только малая толика возможного. Постановка вопроса о реальном воскрешении всех людей мировой истории, наиболее радикально и системно поставленная Н.Ф. Фёдоровым, возможно прорывная точка культуры. *Наука как часть человеческой деятельности может быть эффективной только тогда, когда обслуживает самые высокие человеческие помыслы и когда существует как средство для морального разума.* Таким образом, взаимоотношение науки и философии остается актуальным и после ее отпочкования от философского знания. Именно философия сделала науку полем своего размышления в антропологическом аспекте. Смысл философского познания состоит в том, чтобы увидеть за эмпирически фиксируемой, внешней, формальной стороной его внутреннюю содержательную сторону, определяющую сущность происходящего. В результате философского обсуждения необходимо заключить, что основными философскими положениями, которые позволяют разрешить противоречия науки, порождаемые самой культурой, путем ее развития выступают: осмысление места и роли субъекта в познании и культуре; единство и противоположность абстрактно-теоретического и актуально-практического в науке; роль ценностного измерения в познавательной деятельности человека.

Список источников

1. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
2. Аквинский Фома. Сумма теологии. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/25> (дата обращения: 02.03.2024).
3. Хокинг С. Искусственный интеллект – угроза человечеству. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger (дата обращения: 02.03.2024).
4. Панов А. Парадокс Ферми и теория «Темного леса». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZZbjjJZchfo&t=4952s> (дата обращения: 02.03.2024).
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. И. Левиной, П. П. Гайдено, А. Ф. Филиппова. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
6. Гегель Г.В. Философия права : пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Кардашёв Н. С. Космология и цивилизации // Древняя астрономия: небо и человек : тез. докл. Междунар. науч.-метод. конф. М., 1998. 308 с.
8. Черникова И.В. Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 71–78.
9. Чешков М.А. «Новая наука», постмодернизм и целостность современного мира // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 24–34.
10. Клейбурн А., Доэрти Дж., Харви Дж., Уингейт Ф. Чудеса паранормального мира / пер. с англ. У.В. Сапциной. М.: РОСМЭН, 2001. 126 с.

11. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: избр. работы : пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
12. *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992.
13. *Мигушов К.А.* Философско-этический анализ понятий «мораль», «нравственность», «этос» // Изв. Тульского гос. ун-та. Гуманит. науки. 2017. № 4. С. 160–166.
14. *Апресян Р.Г.* Профессиональная, прикладная и практическая этики. URL: <http://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/apr.html?ysclid=m3griprauie254233797> (дата обращения: 02.03.2024).

References

1. Kun T. *The structure of scientific revolutions*. Transl. from English by I.Z. Naletov; general. ed. and afterwords by S.R. Mikulinsky and L.A. Markova. Moscow: Progress Publ.; 1975. 288 p. (In Russ.).
2. Akvinsky Foma. *Sum of theology*. Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/25> [Accessed 2nd March 2024]. (In Russ.).
3. Hoking S. *Artificial intelligence - a threat to humanity*. Available from: https://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger [Accessed 2nd March 2024]. (In Russ.).
4. Panov A. *The Fermi paradox and the theory of the "Dark forest"*. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=ZZbjjZchfo&t=4952s> [Accessed 2nd March 2024]. (In Russ.).
5. Veber M. *Protestant ethic and the spirit of capitalism*. Transl. from German by M.I. Levina, P.P. Gaidenko, A.F. Filippov. 2nd ed., suppl. and corrected. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2006. 648 p. (In Russ.).
6. Hegel G.V. *Philosophy of law*. Transl. from German. Moscow: Mysl' Publ.; 1990. 524 p. (In Russ.).
7. Kardashev N.S. Cosmology and civilizations. *Ancient astronomy: heaven and man*. Abstracts of the report of the International Scientific Methodical Conference. Moscow, 1998. 308 p. (In Russ.).
8. Chernikova I.V. Typology of science in the context of contemporary philosophy of science. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2011;(11):71-78. (In Russ.).
9. Cheshkov M.A. "New Science", postmodernism and the integrity of the modern world. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1995;(4):24-34. (In Russ.).
10. Clayburn A., Doherty J., Harvey J., Wingate F. *Wonders of the paranormal world*. Transl. from English by U.V. Sapsina. Moscow: ROSMEN Publ.; 2001. 126 p. (In Russ.).
11. Popper K. *Logic and the growth of scientific knowledge: selected works*. Transl. from English. Moscow: Progress Publ.; 1983. 605 p. (In Russ.).
12. Popper K. *The open society and its enemies: in 2 vols*. Transl. from English under the general ed. by V.N. Sadovsky. Moscow: Feniks Publ.; 1992. (In Russ.).
13. Migushov K.A. Philosophical and ethical analysis of the concepts of "morality", "ethos". *Izv. Tul'skogo gos. un-ta. Gumanit. nauki = Bulletin of Tula State University. Humanitarian Sciences*. 2017;(4):160-166. (In Russ.).
14. Apresyanyan R.G. *Professional, applied and practical ethics*. Available from: <http://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/apr.html?ysclid=m3griprauie254233797> [Accessed 2nd March 2024]. (In Russ.).

Информация об авторах

*Г.В. Сорокин – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и мировых религий.
Т.И. Ерошенко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии,
ДГТУ; профессор кафедры английского языка и социально-гуманитарных дисциплин, ИВТ ГМУ.*

Information about the authors

G.V. Sorokin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and World Religions.

T.I. Eroschenko – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies, DSTU; Professor of the Department of English Language and Social-Humanitarian Disciplines, SWTI USMU.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94(47).084
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-12-16

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА НА ЮГО-ВОСТОКЕ РСФСР В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Андрей Анатольевич Аганов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
aganoff.a@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс становления Общества друзей воздушного флота на Юго-Востоке РСФСР в 1923 г. на основе неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области и Центре документации новейшей истории Ростовской области. Эти источники впервые вводятся в научный оборот. Данная проблема прежде не анализировалась историками. Появилось отделение Общества друзей воздушного флота на Юго-Востоке РСФСР после создания в Москве аналогичной союзной организации. Главной ее целью был сбор денежных средств советских граждан для строительства самолетов через проведение агитационных мероприятий и пропаганды идей авиастроения. Костяк организации составили представители региональных партийных структур и военные деятели. За короткий промежуток времени руководство общества сумело создать качественную организационную структуру, а также установить отношения с другими авиатранспортными организациями. Показано, что отделение общества имело определенную автономию от союзного и не всегда выполняло его распоряжения, но своей цели – привлечь средства советских граждан и юридических лиц – оно достигло.

Ключевые слова: авиация, Общество друзей воздушного флота, организация, пропаганда, самолеты, становление, РСФСР, Юго-Восток

Для цитирования: Аганов А. А. Становление Общества друзей воздушного флота на Юго-Востоке РСФСР в 20-е годы XX века (по архивным материалам) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 12–16.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FORMATION OF THE SOCIETY OF FRIENDS OF THE AIR FLEET IN THE SOUTH-EAST OF THE RSFSR IN THE 20s OF THE 20th CENTURY (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Andrey A. Aganov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
aganoff.a@yandex.ru

Abstract. This article examines the process of formation of the Society of Friends of the Air Fleet in the South-East of the RSFSR in 1923, based on unpublished archival materials stored in the State Archives of the Rostov Region and the Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region. These sources are introduced into scientific circulation for the first time. This problem has not previously been considered by historians. The formation of the branch of the Society of Friends of the Air Fleet in the South-East of the

RSFSR began after the creation of a similar union organization in Moscow. Its main goal was to collect funds from Soviet citizens for the construction of aircraft through campaigning and propaganda of aircraft construction ideas. The backbone of the organization was made up of representatives of regional party structures and military leaders. In a fairly short period of time, the leadership of the Society managed to create a high-quality organizational structure, as well as establish relations with other air transport organizations. It has been proven that the branch of the Society had a certain autonomy from the Union branch and did not always carry out its orders, and also managed to attract funds from Soviet citizens and legal entities.

Keywords: aviation, Society of Friends of the Air Fleet, organization, propaganda, airplanes, formation, RSFSR, South-East

For citation: Aganov A.A. Formation of the Society of Friends of the Air Fleet in the South-East of the RSFSR in the 20s of the 20th Century (Based on Archival Materials). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(4):12-16. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В 2025 г. исполняется 100 лет со дня выполнения авиационными структурами Дона первого пассажирского рейса из Ростова-на-Дону. Цель настоящего исследования – рассмотрение процесса становления Общества друзей воздушного флота (далее – ОДВФ) на Юго-Востоке РСФСР. Поднимаемая нами проблема является актуальной по причине того, что историки практически не занимались изучением процесса становления ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР и гражданской авиации на территории Северного Кавказа.

В.С. Кравец в своем исследовании рассмотрела первый этап зарождения авиации на Дону. Она пришла к выводу, что «самоорганизация и самоотверженная работа донских военных лётчиков во время Первой мировой и Гражданской войн послужили основой для формирования профессиональной и материальной структуры авиационных сил» [1].

Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края рассматривались Ю.А. Лазуревской [2]. Создание гражданской авиации на территории региона, по ее мнению, произошло благодаря коммуникации Совета по гражданской авиации РСФСР с руководством Северо-Кавказского края.

А.В. Кравченко в своем исследовании [3] изучил становление оборонных организаций в Карачае и Черкесии, в том числе и работу местного отделения ОДВФ. Он обратил внимание на то, что деятельность данного общества в основном носила агитационно-пропагандистский характер.

Наше исследование создано на основе неопубликованных архивных документов, хранящихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области и Государственном архиве Ростовской области. Методологическая основа базируется на принципах историзма и объективности.

Важнейшим элементом жизни общества советского периода являлось наличие большой сети общественных организаций, которые находились под полным контролем правящей Коммунистической партии, работали в полном соответствии с заданным идеологическим вектором и вносили важный вклад в развитие страны. Укреплению обороноспособности молодого Советского государства способствовали общества оборонно-спортивной направленности, куда входило и ОДВФ.

После завершения Гражданской войны страна столкнулась с катастрофической нехваткой самолетов. Для усиления обороноспособности страны требовалось в кратчайший срок наладить производство новых самолетов. В условиях послевоенной разрухи у государства не было возможности профинансировать в необходимом объеме их выпуск. Для решения проблемы руководство партии и правительства решило привлечь граждан, которые должны были жертвовать свои средства на строительство сильного воздушного флота. Результатом работы советского руководства по оказанию добровольной помощи со стороны граждан страны стало создание в марте 1923 г. ОДВФ, которым занимались государственные, партийные и военные деятели. Стать другом воздушного флота мог любой желающий, который оказал ему финансовую помощь, что позволило привлечь дополнительные средства со стороны советских граждан и укрепить обороноспособность страны.

Одновременно с созданием в Москве союзного ОДВФ на территории страны появились его отделения. Так, 2 мая 1923 г. состоялось совещание [4, л. 30], посвященное созданию отделения

ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР. Руководил совещанием помощник командира войск Северо-Кавказского военного округа М.К. Левандовский. На заседании присутствовал член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) Н.Ф. Гикало и другие представители региональных органов власти. После рассмотрения вопроса о создании отделения ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР на совещании было принято решение учредить временное бюро, которое должно было взять на себя управление данной организацией до формирования его полноценной организационной структуры. Председателем бюро был назначен Левандовский, а в состав вошли местные партийные работники.

Как было указано выше, ситуация с привлечением в руководство подобных образований партийных деятелей и военных специалистов была характерной на всей территории СССР. Помимо этого, на совещании было решено создать организационную и агитационную секции в составе будущей организации. Первая должна была в трехдневный срок разработать устав отделения ОДВФ. За его основу взяли устав союзного ОДВФ СССР. Кроме того, организационной секции было поручено войти «в связь со всеми краевыми и донскими организациями для привлечения их в члены Общества» [4, л. 30]. Именно представители краевых и донских организаций должны были 9 мая 1923 г. избрать членов постоянного бюро отделения ОДВФ и рассмотреть проект устава организации. Фактически с этого момента началось создание организационной структуры отделения ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР.

Одновременно общество приступило к сбору пожертвований с привлечением в свой состав новых членов. В докладе для учредительного собрания [4, л. 31] членов ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР (председатель собрания – командующий войсками СКВО К.Е. Ворошилов), которое состоялось 16 июня 1923 г., М.К. Левандовский констатировал, что численность общества выросла почти до 1000 человек, а также сообщил, что организации удалось собрать 159 772 рубля (членских взносов – 13 772 р., пожертвований – 140 000 р. и доходов от полетов в размере 6000 р.) [4, л. 31]. На том же совещании был утвержден предложенный организационным бюро устав общества, который еще предстояло зарегистрировать в Народном комиссариате внутренних дел РСФСР и центральном ОДВФ при содействии К.Е. Ворошилова [4, л. 32].

Согласно уставу, организацией должен был руководить совет общества в количестве 21 чел. и президиум, в который могло входить до 7 чел. [4, л. 32]. На совещании были выбраны члены совета общества. В его состав вошли А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, М.К. Левандовский и др. Помимо пожертвований со стороны граждан, ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР установило для учреждений и крупных хозяйственных организаций, желающих внести свой вклад в развитие авиации, особый членский взнос в размере 60 рублей в год. При этом совету общества на совещании было поручено подумать об установлении «особого членского взноса для фабрично-заводских комитетов и мелких организаций, вступающих в О-во в качестве юридических лиц» [4, л. 32]. Фактически за небольшой промежуток времени общество смогло приступить к осуществлению своей главной задачи, несмотря на отсутствие четкой организационной структуры.

В дальнейшем руководители ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР продолжили заниматься формированием единой организационной структуры. 20 июня 1923 г. на заседании совета общества было одобрено предложение В.Г. Филова и Семенова о создании в организации трех секций: организационной, агитационно-пропагандистской и научно-технической [4, л. 32] и одновременно было принято решение о разработке плана работ секций на ближайшее время. Позже была создана финансовая и военная секции [5, л. 2].

Координировать свою работу организация должна была с союзным ОДВФ, отправлять в Москву протоколы заседаний и разрабатываемые инструкции [4, л. 33]. С завершением работ по созданию организационной структуры руководство ОДВФ на Юго-Востоке приступило к составлению плана проведения пропагандистских мероприятий с целью привлечения пожертвований со стороны советских граждан и различных учреждений.

Так, на одном из заседаний совета было принято решение начать подготовку к проведению в Ростове-на-Дону и Нахичевани-на-Дону «Недели помощи воздушному флоту» [4, л. 32], а на другом [4, л. 37] – к проведению праздника «красного воздушного флота». В рамках подготовки планировавшегося [4, л. 35] на 5 августа 1923 г. праздника воздушного флота и Общества друзей воздушного флота руководство отделения запланировало ряд пропагандистских мероприятий. Так, помимо парада самолетов [4, л. 37] и награждения летчиков, руководство организации при

помощи управления пропаганды и агитации Донского комитета РКП(б) решило провести собрания на предприятиях и в учреждениях, посвященных воздушному флоту, а также распространить во время их проведения авиационную литературу.

Для сбора пожертвований ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР использовало местную печать, которая должна была посвятить одну из страниц выпускаемого 5 августа номера воздушному флоту, а также отметить соседние деревни, которые выделили «20 пудов зерна в пользу воздушного флота с каждого сельского комитета взаимопомощи» [4, л. 35]. Другим источником пожертвований рассматривалась продажа марок [4, л. 42]. Руководство ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР заключило договор с издательством Всерокомпома [4, л. 32]. Чтобы привлечь внимание советских граждан, оно приступило к изданию собственного журнала «Авио Юго-Востока» [4, л. 48]. Фактически руководство организации для привлечения пожертвований советских граждан и пропаганды авиационного дела организовывало различные мероприятия, которые проходили и на территории других регионов страны.

Уже в первые месяцы своего существования ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР сумело установить [4, л. 34] отношения с Укркрымвоздухом, занимавшимся сбором пожертвований на территории УССР. Поначалу руководство ОДВФ разрешило создать Укркрымвоздуху ряд контор в Ростове-на-Дону для распространения авиационной литературы, значков и открыток [4, л. 34] и приняло решение о заключении соглашения с ним и заказе через него значков и иностранной литературы. Но после рассмотрения временного проекта договора совет ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР решил отказаться от заключения соглашения с Укркрымвоздухом по причине того, что считал «неудобным и неприемлемым привлечение на территорию Юго-Востока контрагентств по распространению печати» [4, л. 37].

В действительности организация боялась возможной конкуренции на территории региона и в связи с этим желала сохранить свое монопольное положение. Но при этом совет общества принял решение закупить у Укркрымвоздуха «2000 штук разных изданий авиа-литературы» [4, л. 37] для распространения их на территории региона в пропагандистских целях. В рамках обмена инструкциями, уставами и материалами организация стремилась к взаимодействию с Обществом друзей воздушного флота Украины, Сибири и др. [4, л. 39]. ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР стремилось к взаимодействию и с другими организациями – «Добролётом», «Юнкерсом», а также с военно-воздушным флотом СССР [4, л. 39]. В рамках сотрудничества с «Добролётом» ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР оказало ему существенную поддержку. Из-за отсутствия у этой организации на территории Юго-Востока РСФСР представительств региональное ОДВФ помогло распространить акции «Добролёта» на сумму 200 тыс. р. золотом через свои отделения на территории региона [4, л. 46]. На Юго-Востоке РСФСР ОДВФ сумело наладить сотрудничество с различными организациями, которые занимались авиационными вопросами, но при этом общество не допускало на территорию региона конкурентов и сохраняло свое монопольное положение.

Одновременно с этим на территории Юго-Востока РСФСР стали появляться ячейки общества в Новочеркасске [4, л. 33], Пятигорске [4, л. 34], Грозном [5, л. 3]. Были созданы и областные отделения – Донское [4, л. 35], Ставропольское, Кубанское, Терское [5, л. 3]. При этом областные отделения должны были контактировать с ОДВФ СССР только через региональную организацию [4, л. 39].

Необходимо отметить, что ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР имело определенную независимость от союзного и далеко не всегда исполняло его решения. Так оно не стало исполнять его циркуляр, в котором ОДВФ СССР обратилось к своим отделениям в автономных республиках и областях «о скорейшем изыскании» [4, л. 52] средств на именные самолеты для эскадрильи «Ультиматум». Решение о создании данной эскадрильи было принято советским правительством в ответ на ультиматум министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона, который требовал от руководства Советского Союза прекращения антибританской пропаганды и подрывной деятельности.

Руководство ОДВФ Юго-Востока РСФСР потребовало от союзной организации отмены распоряжения с учетом слабости экономического и финансового положения региона, а также в связи с тем, что его выполнение и перевод денежных средств в Москву нарушало общий план работ из-за того, что автономные республики и области были бы выделены «в особую группу» [4, л. 52].

На самом деле руководство регионального отделения не хотело, чтобы областные отделения контактировали напрямую с Москвой и тем самым нарушали бы иерархическую систему управления. Именно из-за этого оно не всегда исполняло решения центра, хотя областные организации действительно стремились контактировать с ОДВФ СССР напрямую [5, л. 4].

Подводя итог становлению ОДВФ на Юго-Востоке РСФСР, можно сделать вывод, что за довольно короткий срок оно сумело сформировать достаточно качественную организационную структуру и приступить к осуществлению своей основной задачи, заключающейся в сборе пожертвований для создания современного советского военно-воздушного флота путем активной пропаганды среди населения региона.

Список источников

1. *Кравец В.С.* О становлении авиации на Дону // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 1. С. 48–52.
2. *Лазуревская Ю.А.* Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 158–162.
3. *Кравченко А.В.* Становление оборонных организаций в Карачае и Черкессии и основные направления их деятельности в 1920-е – первой половине 1930-х гг. // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 4 (309). С. 25–34.
4. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.Р-12. Оп. 5. Д. 166.
5. Государственный архив Ростовской области. Ф.Р-3758. Оп. 1. Д. 570.

References

1. Kravets V.S. On the formation of aviation on the Don. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences.* 2024;(1):48-52. (In Russ.).
2. Lazurevskaya Yu.A. Stages of development of civil aviation in the North Caucasus region. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture.* 2022;(8):158-162. (In Russ.).
3. Kravchenko A.V. The formation of defense organizations in Karachay and Cherkessia and the main areas of their activities in the 1920s - first half of the 1930s. *Vestn. Adygeiskogo gos. un-ta. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = Bulletin of Adyghe State University. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies.* 2022;(4):25-34. (In Russ.).
4. *Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region.* Fund R-12. In. 5. File 166. (In Russ.).
5. *State Archives of the Rostov Region.* Fund R-3758. In. 1. File 570. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Аганов – преподаватель кафедры документоведения и языковой коммуникации.

Information about the author

A.A. Aganov – Lecturer of the Department of Documentation and Language Communication.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-17-27

АКТЫ КОМИССИЙ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ТЕМЕ УГОНА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В НАЦИСТСКУЮ ГЕРМАНИЮ

Валентина Анатольевна Агеева^{1✉}, Марина Исмаиловна Жбанникова²,
Алексей Александрович Асташев³

^{1, 2, 3} Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия

¹ ageewa.75@mail.ru ✉

² mzhbannikova@yandex.ru

³ astashev-aleksej@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ актов Чрезвычайной государственной комиссии и Ростовской областной чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам как значимых источников, позволяющих системно исследовать одно из главных преступлений Третьего рейха против человечности – увод в рабство гражданского населения. В рамках комплексной источниковедческой реконструкции существенную роль играют личные заявления потерпевших граждан и выявленных очевидцев, в которых зафиксирована ценная информация, позволяющая восстановить общую последовательность и содержательные особенности значимых событий, происходивших на оккупированной территории рассматриваемого региона. Исследовательская практика, опирающаяся не только на сохранившиеся исторические свидетельства, но и на масштабную историографическую традицию, позволяет сформировать адекватную коллективную память о многочисленных жертвах нацистского оккупационного режима среди мирного населения Дона. В методологическом измерении предлагаемая статья опирается на базовые тренды современной микроистории, ориентированной на последовательное выявление не только обобщающих закономерностей, но и антропологических феноменов, имеющих общественное значение. Представленный анализ отчетливо демонстрирует не только реальный масштаб преступной деятельности нацистских оккупационных властей, но и трагические судьбы отдельных советских граждан, ставших невинными жертвами немотивированного террора.

Ключевые слова: Ростовская область, ущерб, угон на принудительные работы, акты комиссий, нацизм, архивные документы, оккупация, историческая память

Благодарность: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>

Для цитирования: Агеева В.А., Жбанникова М.И., Асташев А.А. Акты комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков как источник по теме угона мирного населения Ростовской области на принудительные работы в нацистскую Германию // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 17–27.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ACTS OF COMMISSIONS FOR THE ESTABLISHMENT AND INVESTIGATION OF THE CRIMES OF THE GERMAN-FASCIST INVADERS AS A SOURCE ON THE TOPIC OF THE HIJACKING OF THE CIVILIAN POPULATION OF THE ROSTOV REGION FOR FORCED LABOR IN NAZI GERMANY

Valentina A. Ageeva^{1✉}, Marina I. Zhbannikova², Alexey A. Astashev³

^{1,2,3} Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics,
Taganrog, Russia

¹ ageewa.75@mail.ru✉

² mzhbannikova@yandex.ru

³ astashev-aleksej@mail.ru

Abstract. The article analyzes the acts of the State Extraordinary Commission and the Rostov Regional Extraordinary Commission for the Registration of Damage and Atrocities Inflicted by the Nazi Occupiers on Institutions, Enterprises and Citizens as significant sources that allow for a systematic study of one of the main crimes of the Third Reich against humanity - the enslavement of civilians. Within the framework of a comprehensive source study reconstruction, a significant role is played by personal statements of affected citizens and identified eyewitnesses, which contain valuable information that allows for the restoration of the general sequence and substantive features of significant events that took place in the occupied territory of the region in question. Research practice, based not only on surviving historical evidence, but also on a large-scale historiographical tradition, allows for the formation of an adequate collective memory of the numerous victims of the Nazi occupation regime among the civilian population of the Don. In the methodological dimension, the proposed article relies on the basic trends of modern microhistory, oriented toward the consistent identification of not only general patterns, but also anthropological phenomena of social significance. The presented analysis clearly demonstrates not only the real scale of the criminal activity of the Nazi occupation authorities, but also the tragic fates of individual Soviet citizens who became innocent victims of unmotivated terror.

Keywords: Rostov region, damage, forced labor hijacking, acts of commissions, Nazism, archival documents, occupation, historical memory

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>

For citation: Ageeva V.A., Zhbannikova M.I., Astashev A.A. Acts of Commissions for the Establishment and Investigation of the Crimes of the German-Fascist Invaders as a Source on the Topic of the Hijacking of the Civilian Population of the Rostov Region for Forced Labor in Nazi Germany. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):17-27. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Международный военный трибунал в ходе Нюрнбергского процесса признал одним из главных преступлений Третьего рейха против человечности увод в рабство гражданского населения. Ни в одном другом нацистском преступлении не было задействовано такое количество людей – жертв, преступников и свидетелей. В Нюрнберге были обнародованы данные о том, что с территории Советского Союза угнано на принудительные работы 4,978 млн советских граждан [1].

В справке Ростовской областной чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области, от 20.12.1944, отправленной в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (далее – ЧГК) было указано, что «...согласно 1810 актам по 9 городам и 54 районам угнано в немецкое рабство 84 030 человек...» [2, л. 2].

Акты ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР и ее региональных структур являются содержательным источником по теме угона на принудительные работы в Третий рейх населения Ростовской области в период немецко-фашистской оккупации.

Исследователи неоднократно обращали внимание на возможности использования документов ЧГК при изучении событий немецко-фашистской оккупации. В этом плане следует отметить труды Е.Ф. Кринко [3], А.И. Баканова [4], К.В. Сак [5], А.В. Гайдашева [6], С.Н. Ковалева, А.Н. Щербы [7].

Деятельности ЧГК по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края посвящено диссертационное исследование С.Г. Степаненко [8]. В профильных диссертациях Н.В. Филоненко [9] и Т.А. Павловой [10] акты ЧГК рассматриваются как один из приоритетных источников.

Документы Сталинградской и Ростовской областных комиссий содействия работе ЧГК легли в основу коллективного исследования М.В. Медведева, А.В. Перегудова и Ф.Л. Синицына, посвященного нацистской карательной политике на оккупированной территории Ростовской и Сталинградской областей в 1942–1943 гг. [11].

К.В. Ворониным опубликована подборка документов из фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области, отражающих создание, работу и итоги деятельности Ростовской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба на территории региона [12].

Вместе с тем нет исследований, где были бы детально рассмотрены акты ЧГК и Ростовской областной комиссии содействия работе ЧГК СССР применительно к теме угона мирного населения Ростовской области на принудительные работы в нацистскую Германию. Нами представлены материалы государственной и местной комиссий как многоаспектный исторический источник, позволяющий доказать на региональном примере, что увод в рабство Третьего рейха гражданского населения являлся одним из преступлений нацистов против человечности, а также раскрыть масштаб трагедии мирного населения Дона в условиях немецко-фашистского оккупационного режима.

Особая ценность данных документов в том, что многие из них составлены практически сразу после освобождения городов и сельских населенных пунктов области со слов очевидцев и жертв нацистских преступлений. Акты сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации и двух областных архивах: в Государственном архиве Ростовской области – в Ф. Р-3613 «Комиссия по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области»; в Центре документации новейшей истории Ростовской области – в Ф. Р-1886 «Ростовская областная чрезвычайная комиссия по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области».

Отправной точкой юридической фиксации последствий нацистского «нового порядка» на территориях Советского государства явился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [13].

Следует отметить, что в первых строках документа угон на принудительные работы в Третий рейх обозначался как одно из главных преступлений врага: «Вероломно напад на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершают на временно захваченной ими советской территории чудовищные преступления – пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод в иноземное рабство сотен тысяч советских граждан; всеобщее ограбление городского и сельского населения и вывоз в Германию личного имущества...» [13].

Государственной комиссии вменялось право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям гитлеровских оккупантов и их сообщников. Местные органы государственной власти обязывались оказывать ЧГК всемерное содействие в ее работе [13].

Возглавил комиссию секретарь Всесоюзного центрального совета профсоюзов Н.М. Шверник, а ее членами стали от Политбюро ЦК ВКП(б) – А.А. Жданов, от православной церкви – митрополит Киевский и Галицкий Николай, а также летчица В.С. Гризодубова, писатель А.Н. Толстой и целая группа академиков: Е.В. Тарле, Б.Е. Веденеев, Н.Н. Бурденко, Т.Д. Лысенко, И.П. Трайкин. Принят указ 2 ноября 1942 г., когда практически вся Ростовская область еще была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. По мере ее освобождения, как и в других регионах, уполномоченные ЧГК СССР возглавляли и контролировали работу по фиксации злодеяний немецко-фашистских захватчиков и ущерба от их «хозяйствования».

Освобождение Ростовской области от врага продолжалось с конца декабря 1942 г. до конца августа 1943 г. Перед частями Красной армии, освобождавшими Донской край, как и в других районах страны, представляли страшные картины страданий местного населения от карательных акций и преступлений, совершенных оккупантами, и разрушений, оставленных захватчиками. Представители военного командования при участии местных жителей устанавливали места массового уничтожения мирных граждан и начинали расследование нацистских преступлений, затем к их деятельности подключились представители органов власти – исполкомов местных советов, партийных организаций, органов внутренних дел, прокуратуры – и уполномоченные ЧГК.

По временному отрезку работа комиссий была разной. В одних городах и сельских населенных пунктах опрос свидетелей и актирование происходило в течение несколько дней, в других – растягивалось на месяц-полтора. Например, г. Ростов-на-Дону был освобожден 14 февраля, а уже через три дня, 17 февраля 1943 г., комиссией в составе и.о. председателя исполкома Ростовского-на-Дону горсовета депутатов трудящихся Бурменского, мастера артели «Метиз» И.М. Попова, управляющего домами Р.М. Саркисян, майора Я.Е. Донского, инженера пивзавода «Заря» И.С. Звезнюка, майора П.М. Седова, рабочего артели «Метиз» А.П. Диброва, уполномоченного поселка Новый город А.И. Макеева, инженера-химика Т.И. Крючкова, капитана А.К. Токарь, профессора Н.Н. Стасевича, профессора В.А. Карницкого, мастера Лензавода В.П. Бочарова, техника фабрики им. Микояна С.Д. Токарева был составлен акт № 1 [14, л. 1]. В п. 5 дано подробное описание принудительного вывоза проживающих на территории города мирных граждан на принудительные работы в Германию: «Согласно приказу коменданта города, все мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 15 до 50 лет были зарегистрированы, у большинства из них были отобраны паспорта, и под угрозой расстрела они были вывезены в Германию. Всего было отправлено 9 транспортов общим количеством около 50 000 человек. Связь с вывезенными людьми в Германию немедленно прекратилась. Отдельные письма, проникшие в Ростов от вывезенных в Германию людей, показывают, что они в буквальном смысле были обращены в рабство...» [14, л. 4].

Города Каменск-Шахтинский, Новочеркасск, Новошахтинск были освобождены 13 февраля, однако результаты работы комиссий появятся только в марте, причем по информативности в отношении заявленной в статье темы они очень отличаются. В акте № 85 о массовых расстрелах и уgone в Германию жителей г. Новочеркаска от 10.03.1943 комиссия, в которую традиционно вошли представители местной власти (городского комитета партии и городского совета) и частей Красной армии, констатировала, что за период «немецкой оккупации фашистские варвары в городе Новочеркасске зверски замучили и расстреляли следующих товарищей...» [15, л. 2–3]. И далее представлен подробный поименный список из 34 человек. В то время как по угнанным указана только сухая статистика: «...фашистские бандиты насильственным образом вывезли в Германию по данным биржи труда 3000 человек молодежи и взрослого населения...» [15, л. 6–7]. Акты составлялись в основном общие по географическому принципу, но встречаются и персонифицированные, их немного, но они были.

Отсутствие единой формы составления актов до марта 1943 г. привело к тому, что информация первичных комиссий предоставлялась где-то формально, где-то более развернуто и содер-

жательно. В первую очередь в документах, вполне закономерно, фиксировались зверства, факты насилия в отношении мирных жителей, военнопленных красноармейцев, партизан, при этом не всегда указывались Ф.И.О. жертв и виновники со стороны немецко-фашистских оккупантов и их пособников.

В то же время по мере освобождения территорий Советского Союза стал явно просматриваться объем материального ущерба, нанесенного как государству, так и гражданскому населению. Для уточнения и упорядочения данных о трагических последствиях вражеского нашествия Совет народных комиссаров СССР 16 марта 1943 г. принял Постановление «О работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», утверждающее ее положение и обязывающее в целях оказания содействия ее работе в регионах создать республиканские, краевые и областные комиссии [16, л. 2]. После этого в актах стали указывать фамилии ответственных за преступления против человечности и материальный ущерб – представителей оккупационных властей и их пособников.

На момент выхода постановления практически вся территория Ростовской области, кроме г. Таганрога Куйбышевского района (западная часть), Матвеево-Курганского и Неклиновского районов, была освобождена от немецко-фашистских захватчиков и на местах началась работа по уточнению и дополнению уже собранной ранее информации.

По своей информативности в отношении преступления по угону в рабство мирного населения Дона выделяется акт ЧГК г. Новошахтинска от 30.03.1943: «...Спустя месяц после оккупации города немцы начали кампанию по отправке советской молодежи в Германию. Появилась серия угрожающих приказов, в которых можно было прочесть: “Уезжайте на работу в Германию, не то будет поздно”. Затем начались принудительные регистрации юношей, девушек, даже детей 1928 года рождения. Лишь для формальности – “медосмотр”. Врач имел строгое указание, в явочной карточке больных и даже инвалидов ставил – гезунд (здоров). Так, с пометкой “гезунд” оказались известные многим жителям города инвалиды-юноши, проживающие по Сулиновской, 17 и 7: КУРКИН Николай (без глаза) и НИКИТИН Алексей (ранен осколком гранаты). Всех юношей, девушек, детей, признанных здоровыми на этом издевательском “медосмотре”, сажали в товарные вагоны, как рабочий скот, и под охраной полицейских целыми эшелонами отправляли на запад в Германию. Всего из Новошахтинска немцы насильно угнали шесть партий юношей, девушек, детей – свыше трех тысяч человек. Как известно из писем, попавших родителям отправленных в рабство, все они от тяжелого, продолжительностью 14–16 часов в сутки труда, избиений и голода обречены в Германии на мучительную смерть. 19 февраля 1943 года к отправке в Германию была подготовлена 7-я партия в 2 (две) тысячи человек, но успешно наступающие части Красной армии освободили от немецко-фашистских рабовладельцев две тысячи юношей, девушек, детей и спасли жизнь всем уцелевшим советским гражданам Новошахтинска...» [17, л. 23].

Таким образом, в данном документе подробно представлен процесс организации угона молодежи, обозначено содержание распорядительных документов оккупационных властей с угрозами за отказ повиноваться, приведены примеры вопиющих нарушений при проведении медицинского осмотра, описаны ужасные условия транспортировки жертв к месту принудительного труда и особенности рабского трудоустройства советских граждан, факты редкой переписки с родными. Следует отметить, что подобные акты позволяют наиболее полно реконструировать процесс угона мирных жителей Ростовской области в нацистскую Германию и их трагическую повседневность в Третьем рейхе. К сожалению, они скорее исключение из множества документов государственных и региональных комиссий по населенным пунктам донского региона, содержащих преимущественно статистику по исследуемому нами сюжету.

Особую ценность представляют акты, в которых указаны пофамильные списки. Как, например, акт № 813 о насильственном вывозе на работы в Германию населения ст. Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области от 31.03.1943 г.: «...П. Насильно уведены немцами в рабство: 1. Черкасов Василий Петрович – 1897 г. – медврач. 2. Черкасов Виктор Васильевич – 1921 г. 3. Золотарев Тимофей Алексеевич – 1918 г. – рыбак. 4. Акимов А.К. – 1889 г. 5. Золотарев Петр Ад[амович] – 1911 г. – колхозник...» [18, л. 47]. Подобные документы позволяют не только «оживить» статистику, но и установить возраст, социальное положение и др.

В оформлении ряда документов встречается традиционный донской казачий колорит. Особенно он прослеживается в актах местных комиссий Орловского района. Например, в акте от 20.01.1943, составленном на территории колхоза «2-я Пятилетка» спустя пять дней после его освобождения, списки угнанных ранжируются с обязательным делением на казаков и других [15, л. 44]. И если в данном акте указано просто разделение на колхозную молодежь и колхозную молодежь из казаков, то впоследствии в апрельских актах, составленных по ряду населенных пунктов этого района, появляется характерное дореволюционное деление по сословию и соответствующее разделение на казаков и иногородних [15, л. 45]. Апеллируя к тексту акта № 267 по пос. Куберле Орловского района: «Угнано в Германию: 250 человек (фамилии всех установить невозможно, так как учет не сохранился и большинство из них эвакуированные. Угнанные в Германию по сословию: украинцы, иногородние)...» [15, л. 57], можно предположить, что именно эвакуированных в казачьем Орловском районе в силу традиций причисляли к иногородним.

Большую роль в упорядочивании и организации полномасштабной работы по расследованию злодеяний нацистских оккупантов и их пособников, а также в оценке ущерба физическим лицам и народному хозяйству Донского края сыграла областная комиссия содействия ЧГК. В исторической литературе и архивных документах отмечается, что в Ростовской области начало работы комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, или, как ее еще называли в официальных письмах, комиссии содействия ЧГК [16, л. 29], положило совместное заседание 19 июня 1943 г. исполнительного комитета областного совета депутатов трудящихся и бюро областного комитета ВКП(б) [16, л. 29].

Возглавил эту комиссию секретарь обкома партии Б.А. Двинский, а ее членами стали председатель областного исполнительного комитета Кипаренко, начальник НКВД И.И. Горбенко, председатель Ростовской областной плановой комиссии Г.Д. Людмирский, директор Института переливания крови Г.С. Ивахненко, врио ректора РГУ и и.о. директора учительского института А.П. Резников. В итоговом постановлении данного заседания также указывалось: «...обязать заведующих отделами и начальников управлений облисполкома и председателей исполкомов районных и городских советов депутатов трудящихся в каждом предприятии, учреждении или организации местного подчинения, пострадавших от войны, немедленно создать комиссии по определению ущерба, причиненного немецкими захватчиками и их сообщниками...» [16, л. 29]. Следует отметить, что эти комиссии обязывались составлять акты, руководствуясь постановлением Совета народных комиссаров СССР от 07.05.1943 об инструкциях по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам [16, л. 6–17].

Первый секретарь Ростовского обкома ВКП(б), председатель Ростовской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Б.А. Двинский 7 июля 1943 г. направил письмо секретарям райкомов ВКП(б) и председателям горсовета депутатов трудящихся, где констатировалось, что «...после изгнания немецких оккупантов с территории Ростовской области на местах проводилась большая работа по учету зверств и ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям, колхозам, а также гражданам СССР и их имуществу. Составленные на местах акты о зверствах и убытках хоть и представляют большую ценность, однако в своем большинстве не соответствуют полученным инструкциям и формам Государственной чрезвычайной комиссии, утвержденным СНК СССР. В связи с этим указанная работа должна быть проведена вновь, в соответствии с полученными нами указаниями...» [19, л. 198]. Таким образом, руководителям местного уровня разъяснялось, зачем необходимо провести уточнение уже имеющихся данных и привести их в единообразную форму. Содержание актов в новом формате, несомненно, стало представлять и наибольший интерес с источниковедческой точки зрения. Так, в части акта, связанной с нацистскими злодеяниями, предполагалось «...по воз-

возможности, точное описание совершенных преступлений: времени, места и способов их совершения...». Кроме того, теперь к актам прилагались «...все относящиеся к делу документы: заявления советских граждан, протоколы опросов, заключения медицинских экспертов, фотографии, письма советских людей, угнанных в немецкое рабство, обнаруженные приказы и распоряжения оккупационных властей и др[угие] документы» [19, л. 198].

Огромную роль в установлении личностей граждан, насильно вывезенных на принудительные работы в нацистскую Германию, и расширении внимания к обстоятельствам угона сыграли указания председателя ЧГК Н. М. Шверника о составлении списков «...всех граждан, уведенных в немецкое рабство... с приложением к ним документов, подтверждающих, что это сделано насильственным путем... по чьим распоряжениям, какими методами и т.д.» [16, л. 31]. Эти указания были продублированы в протоколе № 1 заседания Ростовской областной комиссии от 09.07.1943, в п. 5е которого указывалось: «...должны быть составлены списки на всех граждан, уведенных в немецкое рабство, и соответствующие документы, подтверждающие насильственный характер увода...» [20, л. 5 об.].

И если ранее списки составлялись в свободной форме, то теперь стало складываться определенное единообразие в их оформлении в формате таблицы, включавшей столбцы с содержанием следующей личной информации: фамилия, имя, отчество (не всегда), год рождения, пол, домашний адрес. В некоторых списках прописывались профессия, место работы, социальное положение [15]. Примечательно, что общий «список граждан Орловского района, насильно угнанных на каторжные работы в Германию в 1942 году...» [15, л. 81] в ноябре 1943 г. был составлен уже по общей форме, без всяких «казачьих вольностей». Вместе с тем в списках, прилагаемых к актам, составленным по отдельным сельским населенным пунктам, столбец с домашним адресом мог отсутствовать.

Списки составлялись в основном на базе заявлений родственников, преимущественно родителей, которые прилагались к актам. Данные заявления представляют собой интересный, не исключенный эмоциональной окраски, разноплановый источник, в том числе позволяющий реконструировать процесс организации и методы угона, выделить задействованные в нем административные и военные структуры, сроки и др. Из заявления № 86 по г. Ростову-на-Дону от 25.10.1943: «...Прошу принять мою жалобу о том, что в 1942 г. во время оккупации города Ростова немцами была забрана моя дочь Надежда Григорьевна Антонова, рождения 1927 года 15 июня. Моя дочь скрывалась от мобилизации в Германию до ноября м-ца. В ноябре 1942 г. пришел на дом полицейский в 5 ч утра, забрал с постели и повел где находилась фашистская биржа труда, где просидела в подвале до 13 ноября, после этого их всех под конвоем повели на нахичеванский полустанок, погрузили в товарные вагоны и повезли в неизвестное нам место назначения. Моя дочь попала при отгрузке в 12-ю бригаду, что могут подтвердить свидетели, проживающие в нашем доме и квартире...» [21, л. 252].

Большая часть заявлений содержит закономерно ругательные, эмоциональные отрицательные оценки действий оккупантов и их пособников. Из заявления Р. Х. Мируковой от 29.11.1943 в райисполком Октябрьского района г. Ростова-на-Дону: «...в 1942 г. 24 июня во время оккупации города Ростова немецкими злодеями мой сын Мируков Леонтий Васильевич, рождения в 1921, 15 мая, был забран немецкими бандитами и куда делся это нам неизвестно. О чем мы вас ставим в известность о похищении моего родного сына...» [21, л. 264]. А.Г. Синявский из г. Ростова-на-Дону указывал: «...Дочь моя, Елизавета Артемьевна СИНЯВСКАЯ, рождения 1923 года, студентка 2-го курса Ростовского мединститута, была угнана в октябре 1942 года немецкими оккупантами на каторжные работы в Германию. На все наши старания и розыски о местонахождении дочери у бургомистра и биржи труда немецкие изверги отвечали нам отказом. И до настоящего времени нам ничего не известно о судьбе нашей дочери. Дочь была увезена с шестой партией по маршруту на Берлин. Больше за нее мы ничего не знаем. Просим принять возможные меры розыска нашей дочери...» [21, л. 250].

В ряде заявлений сами названия комиссии обозначались не в официальном формате, а в соответствии с оценкой, которую давали мирные жители Ростовской области оккупантам: «...В КОМИССИЮ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ УБЫТКОВ, НАНЕСЕННЫХ НЕМЕЦКИМИ МАРОДЕРАМИ от Лукьяновой Александры Гавриловны, проживающей: Сельская № 41. Заявление. Во

время оккупации г. Ростова-на-Дону немецкие мародеры увезли у меня насильно 3 детей – Лукьянова Таисия Андреевна, рождения 1922, Лукьянов Николай, рождения 1924, Лукьянов Федор, 1926...» [22, л. 262].

В заявлениях родственников зачастую содержится информация о временных отрезках формирования партий, групп населения для угона в Германию, что позволяет определить частоту акций, их масштабность и др. [21, л. 266]. Гражданка Е. Ф. Кочеткова указывала: «...со мною проживали мои дети: Кочеткова Тамара Дмитриевна, рождения 1921 года, Кочеткова Мария Дмитриевна, рождения 1924 г., Кочетков Михаил Дмитриевич, рождения 1925 г. При оккупации немцев гор. Ростова-на-Дону они были дома. В августе 1942 г. мои дети по приказу регистрации населения явились на биржу, после регистрации им были вручены повестки о выезде в Германию и 6-м транспортом 6 октября были увезены...» [21, л. 250].

Родители отождествляли насильственный угон в Третий рейх с воровством у них детей, лишением их свободы и истязанием рабским трудом. Из заявления в Орловский райисполком: «...мой сын Сигида Дмитрий Тихонович ... во время оккупации был насильно увезен немецкими бандитами на каторжные работы в Германию...» [15, л. 164]. Гражданка А.Р. Вакуменко в своем заявлении председателю Куберлевского сельсовета указывает: «...в ноябре 1942 года при временной оккупации немцами нашего поселка Куберле у меня были насильно угнаны в рабство в Германию мой сын Вакуменко Иван Пахомович, 1925 г. рождения 7.XI, и дочь Вакуменко Раиса Пахомовна, рождения 1927 г. II...» [15, л. 262]. Среди наиболее встречающихся в заявлениях родителей ругательных эпитетов, обращенных к оккупантам, выделяются следующие: «изверги», «фашистские псы», «немецко-фашистские каннибалы», «паразиты», «бандиты», «разбойники».

Собирательный образ родительской боли, отчаяния и естественного желания вернуть своих детей представлен в заявлении Н.И. Шпаковой в исполнительный комитет Орловского района: «...Заявляю я вам о том, что взят у меня сын Николай Яковлевич Шпак, рождения 1927. Взяли его немцы насильно, как мобилизовали на работы в 1942 году 22 ноября. Одна я осталась 2-й группы инвалидка. Прошу я вас всех чл. партии и т. Сталина и Молотова и всех союзников возвратить мне сына, которого я и кормила, и ждала, чтобы он был советским защитником родины...» [15, л. 262].

Таким образом, ЧГК и Ростовская областная комиссия содействия ЧГК проделали значительную работу по активированию и сбору источников о последствиях нацистской оккупации в регионе в целом и по одному из главных преступлений Третьего рейха против человечности – уводу в рабство гражданского населения в частности.

Под действием инструкций ЧГК акты о злодеяниях и ущербе, причиненных гитлеровцами, окончательно приобрели единую процессуальную форму. Гитлеровские злодеяния, к которым относился в том числе и угон в рабство, подлежали активированию в специальной форме и по особым правилам. Акты данной категории составлялись на основе заявлений граждан, данных опроса потерпевших, свидетельских показаний, врачебной экспертизы, а также осмотра места злодеяний. Инструкция ЧГК предписывала указывать выявленных виновников преступлений, подразделяя их по всем видам соучастия: на организаторов, подстрекателей, исполнителей, их пособников, причем с фамилиями, наименованиями воинских частей, учреждений и организаций. Актам надлежало содержать по возможности точное описание военных преступлений – их время, место и способы совершения. К ним прилагались все относящиеся к делу документы: заявления граждан, протоколы опросов, заключения экспертиз, фотоснимки, письма из германской неволи, трофейные документы, пофамильные списки угнанных.

Зачастую акты и материалы составлены сразу после освобождения Ростовской области и являются единственным значимым источником по теме угона мирного населения на принудительные работы в Германию. При этом важность имеют низовые материалы – в основном это заявления родственников, при этом нельзя отбрасывать и эмоциональную составляющую данных документов, выражающуюся в трагедии потери детей. В заявлениях родителей закономерно содержатся эмоциональные отрицательные оценки действий оккупантов и их пособников.

В целом угон населения Ростовской области на принудительные работы в Германию отражен во всех итоговых документах ЧГК, и фактически во всех низовых материалах в том или

ином населенном пункте. В них нашли отражение личная информация об угнанных, а также процесс организации угона молодежи, обозначено содержание распорядительных документов оккупационных властей с угрозами за отказ повиноваться, даны примеры вопиющих нарушений при проведении медицинского осмотра, описаны ужасные условия транспортировки жертв к месту принудительного труда и особенности рабского трудоустройства советских граждан, факты редкой переписки с родными и др.

Список источников

1. Земсков В.Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы» (о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг.) // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2013. Т. 15, № 1. С. 103–112.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886. Д. 22.
3. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Качество, 2000. 242 с.
4. Баканов А.И. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, совершённых немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на территории Золочёвского района: от составления протоколов допросов свидетелей до публикации сообщения // Электр. науч.-образ. журн. «История». 2020. Т. 11, вып. 6 (92). URL: [https:// history.jes.su/s207987840010254-8-1](https://history.jes.su/s207987840010254-8-1) (дата обращения: 10.03.2024).
5. Сак К.В. Сексуальное насилие на оккупированных территориях (по материалам ЧГК) // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России: к 75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне: материалы регион. науч.-практ. конф. (Симферополь, 7 мая 2020 г.). Симферополь: Ариал, 2020. С. 84–91.
6. Гайдашев А.В. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в период Великой Отечественной войны // Материалы Всерос. молодёжной конф. в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19–21 сентября 2012 г.): в 2 т. / под ред. П.Л. Карабушенко. Астрахань: АГУ, 2012. Т. 2. С. 106.
7. Ковалев С.Н., Щерба А.Н. Латвийские полицейские формирования в документах Политуправления Ленинградского фронта // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 2. С. 14–14.
8. Степаненко С.Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2010. 23 с.
9. Филоненко Н.В. Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах (июль 1942 г. – февраль 1943 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 26 с.
10. Павлова Т.А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации (июль 1942 г. – февраль 1943 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 25 с.
11. Медведев М.В., Перегудов А.В., Симицын Ф.Л. Нацистская карательная политика на оккупированной территории Ростовской и Сталинградской областей в 1942–1943 гг. // Белорусский исторический обзор. 2020. № 1(3). С. 158–168.
12. Воронин К.В. Документы о деятельности Ростовской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба // Русский архив. 2019. № 7(1). С. 57–79.
13. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. С. 322–326.
14. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 30.
15. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 7.
16. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 20.
17. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 96.
18. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 8.
19. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 27.
20. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 21.
21. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 13.
22. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 14.

References

1. Zemskov V.N. "Returnees" and "non-returnees" (on the fate of Soviet displaced persons in 1944-1956). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013;15(1):103-112. (In Russ.).
2. *Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (hereinafter CDCHRR)*. Fund R-1886. File 22. (In Russ.).
3. Krinko E.F. *Life behind the front line: Kuban under occupation (1942-1943)*. Maykop: Kachestvo Publ.; 2000. 242 p. (In Russ.).
4. Bakanov A.I. Activities of the Extraordinary state commission for the investigation of crimes committed by the nazi invaders and their accomplices in the Zolochevsky district: from drawing up protocols of witness interrogations to publishing a message. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" = Electronic Scientific and Educational Journal "History"*. 2020;11(6). Available from: [https:// history.jes.su/s207987840010254-8-1](https://history.jes.su/s207987840010254-8-1) [Accessed 10th March 2024]. (In Russ.).
5. Sak K.V. Sexual violence in the occupied territories (based on the materials of the Extraordinary State Commission). *Current issues in the history, historiography, and source studies of Russia: on the 75th Anniversary of the Victory of the soviet people in the Great Patriotic War*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference (Simferopol, 7th May 2020). Simferopol: Arial Publ.; 2020:84-91. (In Russ.).
6. Gaydashev A.V. Activities of the Extraordinary State Commission for the establishment and investigation of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices during the Great Patriotic War. *Proceedings of the All-Russian Youth Conference within the framework of the Science Festival (Astrakhan, 19th – 21st September 2012)*. In 2 vols. Ed. by P.L. Karabushchenko. Astrakhan: Astrakhan State University Press; 2012;2:106. (In Russ.).
7. Kovalev S.N., Shcherba A.N. Latvian police formations in the documents of the Political Directorate of the Leningrad front. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. 2023;11(2):14-14. (In Russ.).
8. Stepanenko S.G. *Activities of the Extraordinary State Commission of the USSR to identify war crimes of Nazi Germany in the Krasnodar Territory*. Dissertation Thesis. Maykop, 2010. 23 p. (In Russ.).
9. Filonenko N.V. *The Nazi Regime in the temporarily occupied territory of the Voronezh region and its collapse (July 1942 – February 1943)*. Dissertation Thesis. Voronezh, 2003. 26 p. (In Russ.).
10. Pavlova T.A. *Civilian population of the Stalingrad region under German occupation (July 1942 – February 1943)*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 2007. 25 p. (In Russ.).
11. Medvedev M.V., Peregodov A.V., Sinityn F.L. Nazi punitive policy in the occupied territory of the Rostov and Stalingrad regions in 1942-1943. *Belorusskii istoricheskii obzor = Belarusian Historical Review*. 2020;(1):158-168. (In Russ.).
12. Voronin K.V. Documents on the activities of the Rostov regional commission for the establishment and investigation of the atrocities of the Nazi invaders and the damage caused by them. *Russkii arkhiv = Russian Archives*. 2019;(7):57-79. (In Russ.).
13. *Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War: documents and materials*. Vol. 1: 22th June 1941 – 31st December 1943. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1946:322-326. (In Russ.).
14. *State Archives of the Rostov Region*. Fund R-3613. In. 1. File 30. (In Russ.).
15. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 7. (In Russ.).
16. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 20. (In Russ.).
17. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 9b. (In Russ.).
18. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 8. (In Russ.).
19. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 27. (In Russ.).
20. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 21. (In Russ.).
21. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 13. (In Russ.).
22. CDCHRR. Fund R-1886. In. 1. File 14. (In Russ.).

Информация об авторах

В.А. Агеева – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии.
М.И. Жбанникова – научный сотрудник.
А.А. Асташев – лаборант-исследователь.

Information about the authors

V.A. Ageeva – Candidate of Science (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology.

M.I. Zhbannikova – Researcher.

A.A. Astashev – Laboratory Assistant-Researcher.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94(470):(470-40)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-28-33

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПЕНЗЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПО ПОДГОТОВКЕ «СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»

Нина Васильевна Димитренко

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия
ninadim@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс организационных и научно-исследовательских мероприятий по подготовке «Свода памятников истории и культуры Пензенской области» в период 1966–1985 гг. как части многотомного энциклопедического издания «Свод памятников истории и культуры народов СССР», которому придавалась не только научно-справочная ценность, но и идейно-теоретический характер, показывающий место и роль культурного наследия народов СССР в истории мировой культуры. Исследуются направления деятельности и взаимодействия органов государственной власти, НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и широкой общественности в выявлении, учете, изучении и описании всех видов памятников на территории Пензенской области для последующей их систематизации и постановки на государственный учет с целью сохранения и эффективного использования исторического и культурного наследия. Источниковую базу исследования составили архивные документы Государственного архива Пензенской области и коллекция документов личного происхождения, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые; материалы периодических изданий; краеведческая литература; законодательные и нормативные акты СССР и РСФСР, отражающие вопросы сохранения историко-культурного наследия и подготовки «Свода памятников истории и культуры».

Ключевые слова: историко-культурное наследие, охрана памятников истории и культуры, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, выявление, учет, паспортизация, свод памятников, Пензенская область

Для цитирования: Димитренко Н.В. Организация работы Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по подготовке «Свода памятников истории и культуры Пензенской области» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 28–33.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

WORK ORGANIZATION OF THE PENZA BRANCH OF THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS ON THE PREPARATION OF THE “CODE OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS OF THE PENZA REGION”

Nina V. Dimitrenko

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia
ninadim@yandex.ru

Abstract. The process of organizational and scientific research activities for the preparation of the “Code of historical and cultural monuments of the Penza region” in the period 1966-1985 is considered as an integral part of the multi-volume encyclopedic publication the “Code of historical and Cultural monuments of the peoples of the USSR”, which was given not only scientific and reference value, but also ideological and theo-

© Димитренко Н.В., 2024

retical character, showing the place and role of the cultural heritage of the peoples of the USSR in the history of world culture. The directions of activity and interaction of government bodies, the Research Institute of Culture of the Ministry of Culture of the RSFSR, the Penza branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments and the general public in identifying, recording, studying and describing all types of monuments in the Penza region for their subsequent systematization and state registration in order to preserve and effectively use historical and cultural heritage are studied. The source base of the research was made up of archival documents of the State Archive of the Penza Region and a collection of personal documents, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time; materials of periodicals; local history literature; legislative and regulatory acts of the USSR and the RSFSR, reflecting issues of preserving the historical and cultural heritage and preparing the “Code of historical and cultural monuments”.

Keywords: historical and cultural heritage, protection of historical and cultural monuments, All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, identification, accounting, certification, code of historical and cultural monuments, Penza region

For citation: Dimitrenko N.V. Work Organization of the Penza Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments on the Preparation of the “Code of Historical and Cultural Monuments of the Penza Region”. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(4):28-33. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Охрана и использование памятников исторического и культурного наследия составляли одно из приоритетных направлений политики Советского государства. Принятые постановления и законы не только регулировали общественные отношения в области сохранности памятников истории и культуры и их эффективного использования, но и определяли дальнейшие действия как государственных органов, так и общественности в этой сфере [1, с. 5].

В числе наиболее важных мер по сохранению историко-культурного наследия – постановка памятников на государственный учет, предусматривающий отнесение их к категории памятников общесоюзного, республиканского или местного значения, после чего они получали юридический статус памятника и подлежали охране в соответствии с Законом РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [2, с. 53]. Так, в 1966 г. президиумом Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) было принято решение о необходимости издания «Свода (иллюстрированного каталога) памятников истории и культуры РСФСР». Надлежало образовать комиссию для разработки его программы и подготовки к изданию под председательством И.В. Маковецкого, которая в течение двухмесячного срока представила бы предложения на рассмотрение президиума ЦС ВООПИиК [3, л. 481–482].

Постановлением коллегии Министерства культуры СССР и Президиума Академии наук СССР от 02.10.1967 «в целях научного освещения и широкой пропаганды исторического и художественного наследия народов Советского Союза» академиям наук и министерствам культуры союзных республик было поручено рассмотреть вопрос об издании «Свода памятников культуры народов СССР» и представить в Институт истории искусств Минкультуры СССР предложения об организационных и научных мероприятиях, обеспечивающих его подготовку и издание. В свою очередь, Институту истории искусств предлагалось разработать к 1 января 1968 г. методические основы свода, его структуру и объем с привлечением заинтересованных учреждений [4; 5, с. 425; 6, с.10].

Для успешного выполнения вышеуказанного постановления приказом Министерства культуры РСФСР № 25 от 22.01.1968 Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры (И.В. Маковецкому), Институту музееведения и охраны памятников (А.С. Ханукову) предлагалось совместно с Центральным советом ВООПИиК изучить подготовленные материалы по «Своду памятников» и разослать их в органы культуры и все отделения общества. Данным приказом утвержден и редакционно-издательский совет по подготовке и изданию «Свода памятников истории и культуры РСФСР» под председательством В.М. Стриганова. Решение вопросов по организационным и научным мероприятиям возлагалось на региональные админи-

стративные, общественные и научные организации [7, с. 96]. Рекомендовалось привлечь научно-реставрационные мастерские, научно-исследовательские институты, вузы, республиканские добровольные общества охраны памятников истории и культуры, творческие союзы, видных ученых и наиболее опытных специалистов-практиков, занимавшихся изучением, охраной и реставрацией памятников [8, с. 22].

Согласно разработанным методическим основам, в свод включались памятники культуры, архитектурные и иные объекты, представлявшие собой историческую, научную и художественную ценность, охрана которых имела общественное значение: памятники археологии, истории, архитектуры и искусства, памятники революции и Великой Отечественной войны, мемориальные памятники. Структура каталога строилась исходя из географических принципов и административно-территориального деления. Процесс подготовки материалов включал в себя систематическую работу по полному выявлению, регистрации, изучению и описанию всех видов памятников истории и культуры вне зависимости, состоят ли они на государственном учете или нет. Важное значение придавалось хронологической и типологической систематизации полученных сведений о существовавших и вновь выявляемых памятниках истории и культуры, в связи с чем особое внимание направлялось на необходимость создания общегосударственной картотеки памятников культуры народов СССР, которая позволила бы не только обеспечить подготовку и издание «Свода памятников», но и стать основой формирования научного центра документации и информации по памятникам истории и культуры в СССР.

На состоявшемся в октябре 1970 г. III пленуме Центрального совета ВООПИиК подвели итоги работы общества за 1969–1970 гг. и наметили ряд основных направлений деятельности в 1971 г.: дальнейшее выявление и изучение памятников истории и культуры, в особенности истории революционной борьбы и социалистического строительства, трудовой и воинской славы советского народа, промышленной архитектуры; оказание содействия редакционным советам «Свода памятников» в подготовке научных материалов [9, л. 394].

Решение об участии Пензенского отделения ВООПИиК в работе по составлению «Свода памятников истории и культуры РСФСР и Пензенской области» было принято 6 апреля 1971 г. на заседании совета этого отделения. Президиум обратился с просьбой к Центральному совету «оказать всемерную помощь и консультацию со стороны Института истории искусства Министерства культуры СССР, Института истории Академии наук СССР, Института археологии Академии наук СССР» по составлению «Свода памятников» [10, л. 48–49].

В последующие годы Пензенское отделение ВООПИиК продолжало свою деятельность по выявлению, учету, изучению и описанию всех видов памятников, расположенных на территории Пензы и Пензенской области, дополняя ранее составленные списки памятников истории и архитектуры, археологических памятников, памятников монументального искусства. Например, в справке Пензенского отделения ВООПИиК, направленной в Центральный совет общества, отмечалось, что к 1980 г. на учете общества состояло 1137 памятников, включая 340 памятников архитектуры, 152 памятника археологии, 175 памятников истории, 470 памятников искусства. На госохране числилось 89 памятников, из них 16 – архитектуры, 20 – археологии, 34 – истории, 6 – искусства [11, л. 22].

В мае 1981 г. состоялся трехдневный семинар с участниками полевой работы по выявлению, описанию, фотофиксации и документированию памятников истории и культуры Пензенской области для работы над «Сводом памятников истории и культуры Пензенской области». В мероприятии приняли участие представители партийных и комсомольских органов, проректоры по учебной работе инженерно-строительного, политехнического и педагогического институтов, преподаватели и студенты, задействованные в обследовании и паспортизации памятников истории и культуры области, научные работники вузов, архивов, музеев, НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, работники ВООПИиК [12, л. 152–154].

В 1980–1983 гг. продолжалась интенсивная работа с научной документацией. При управлении культуры создали координационный совет по подготовке к изданию «Свода памятников истории и культуры по Пензенской области». Руководителем группы стал А.И. Дворжанский, старший методист Пензенского областного краеведческого музея, составлявший ежегодные информационные отчеты о ходе подготовки материалов.

Из числа студентов пензенских вузов под руководством опытных преподавателей скомплектовали комплексные студенческие группы, которые в течение 1980–1981 гг. обследовали памятники всех районов области, проводили камеральную обработку собранных материалов [13, с. 157]. Все это позволило значительно уточнить подготовленный сотрудниками НИИ культуры по литературным источникам предварительный список памятников истории и культуры Пензенской области; полученные в результате обследования исторические справки, фотографии, обмеры и т.д. затем частично использовали при подготовке паспортов и написании статей к «Своду памятников».

В 1980–1983 гг. Министерство культуры РСФСР приняло документацию на 350 памятников Пензенской области из 1650 числящихся по общему предварительному списку. Были подготовлены предложения для постановки 20 памятников на госохрану республиканского значения и 60 – местного. Одновременно с научной документацией велась работа по написанию статей к «Своду памятников истории и культуры Пензенской области». С этой целью в области сформировали большой авторский коллектив, в состав которого привлекли общественность, преподавателей вузов, архитекторов, журналистов и учителей, работников архивов, музеев, библиотек – всего около 100 человек. В подготовке статей по описанию памятников участвовали В.С. Годин, А.И. Дворжанский, В.П. Сазонов, Е.Я. Дмитрук, М.С. Полубояров, Л.С. Букатова, Д.А. Борунов и др. [14, с. 3].

Сроки проведения паспортизации всех видов памятников, написания статей и необходимое выделение средств для этих видов работ были отражены в перспективном плане завершения работ по паспортизации памятников истории и культуры Пензенской области и написания статей к «Своду памятников», окончание которых планировалось в 1986–1987 гг. При этом данный план не предусматривал окончания паспортизации памятников археологии, она, как отмечалось, «не будет завершена до выхода в свет “Свода памятников истории и культуры Пензенской области”» [15, с. 5].

Итогом лишь части проделанной работы стали вышедшие в 1985 г. труды НИИ культуры Минкульт РСФСР «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пензенская область» [14], рассказывающие только о памятниках, связанных с деятелями науки, литературы и искусства (93 памятника и памятных места). Издание сборника стало определенной знаменательной вехой в изучении и пропаганде памятников Пензенской области, поскольку впервые была сделана попытка собрать воедино и описать все сохранившиеся на территории области памятники истории и культуры. Вместе с тем, как отмечено А.И. Дворжанским, выпущенному сборнику присущи и некоторые недостатки. Ряд известных памятников, связанных с историческими личностями и деятелями литературы, не вошел в него. Вынужденное сокращение объема рукописи привело к уменьшению текста, количества фотографий, в результате чего многие статьи о памятниках оказались без иллюстраций. Часть статей пришлось изъять ввиду того, что за время подготовки материалов некоторые памятники были сломаны или утрачены. Кроме того, малый тираж издания (1000 экз.) не позволял осуществлять широкую пропаганду памятников истории и культуры среди населения Пензенской области.

Однако в ходе работы выявлен целый массив новых памятников, проведена их научная систематизация, получена информация о техническом состоянии памятников, определен ряд новых имен, связанных с Пензенским краем, исправлены распространенные в краеведческой литературе ошибки. Все это должно было послужить импульсом к дальнейшему изучению истории Пензенского края, поиску еще не выявленных памятников, а также способствовать принятию мер, направленных на сохранение и дальнейшее использование памятников истории и культуры Пензенской области.

В 1988 г. была подготовлена авторская рукопись «Свода памятников истории и культуры Пензенской области» для обсуждений, состоящая из четырех частей [16]. Смена идеологических и культурных парадигм в стране на рубеже 1980–1990-х гг. повлекла за собой критику и пересмотр деятельности государственных и партийных органов по выявлению, изучению и пропаганде историко-культурного наследия. Сокращение финансирования исследований в памятникоохранительной деятельности, отсутствие необходимого научного потенциала в регионе, технические затруднения приостановили процесс издания «Свода памятников».

Таким образом, проводимая масштабная работа по выявлению, обследованию, учету и описанию памятников не только была направлена на систематизацию полученных сведений для постановки на учет объектов отечественного историко-культурного наследия и дальнейшего их научного исследования, но и имела важное общественно-политическое и государственное значение в вопросе места и роли культурного наследия народов СССР как части общемировой культуры.

Список источников

1. К новым свершениям // Памятники Отечества. 1981. № 1. С. 4–7.
2. Свичкарь И. Г. Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960–1980 гг. // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Соц.-гуманит. науки. 2013. № 1 (13). С. 52–56.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 4.
4. И дольше века длится Свод. URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/i-dolshe-veka-dlitsya-svod/> (дата обращения: 04.10.2024).
5. Маринич А.А. О работе по составлению «Свода памятников истории и культуры» (на примере Иркутской области) // Баландинские чтения. 2020. Т. 15. С. 424–430.
6. Вибе П.П., Вибе Т.К. О подготовке Свода памятников истории и культуры Омской области // Изв. Омского гос. ист.-краевед. музея. 2000. № 8. С. 7–42.
7. Полякова М. Л. Охрана культурного наследия России. М.: Дрофа, 2005. 271 с.
8. Тихонов Ю.А. Съезды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Вопросы истории. 1984. № 10. С. 13–28.
9. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 7.
11. ГАПО. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 48.
12. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 692.
13. Мясников Г. В. Отчизна в сердце нашем. М.: Плакат, 1985. 208 с.
14. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пензенская область / науч. ред. и сост. А. Н. Дьячков. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1985. 181 с.
15. Информация о ходе подготовки материалов к «Своду памятников истории и культуры Пензенской области» // Личная коллекция документов А.И. Дворжанского.
16. ГАПО. Ф. Р-2378. Оп. 1. Д. 140.

References

1. Towards new achievements. *Monuments of the Fatherland*. 1981;(1):4-7. (In Russ.).
2. Svichkar' I.G. Activity of state bodies for the protection of historical and cultural heritage in the Russian Federation in 1960-1980. *Vestn. Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Sots.-gumanit. nauki = Bulletin of the South Ural State University. Social and Humanitarian Sciences*. 2013;(1):52-56. (In Russ.).
3. *The State Archive of the Penza region (SAPR)*. Fund R-2470. In. 1. File 4. (In Russ.).
4. *And the Code lasts longer than a century*. Available from: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/nasledie-rossii/i-dolshe-veka-dlitsya-svod> [Accessed 4th October 2024]. (In Russ.).
5. Marinich A.A. On the work on compiling the “Code of historical and cultural monuments” (on the example of the Irkutsk region). *Balandinskie chteniya = Balandinsky Readings*. 2020;15:424-430. (In Russ.).
6. Vibe P.P., Vibe T.K. On the preparation of a Set of historical and cultural monuments of the Omsk region. *Izv. Omskogo gos. ist.-kraeved. muzeya = Bulletin of the Omsk State Historical and Local History Museum*. 2000;(8):7-42. (In Russ.).
7. Polyakova M.L. *Protection of the cultural heritage of Russia*. Moscow: Drofa Publ.; 2005. 271 p. (In Russ.).
8. Tikhonov Yu.A. Congresses of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1984;(10):13-28. (In Russ.).
9. *SAPR*. Fund R-2470. In. 1. File 4. (In Russ.).
10. *SAPR*. Fund R-2470. In. 1. File 7. (In Russ.).
11. *SAPR*. Fund R-2470. In. 1. File 48. (In Russ.).
12. *SAPR*. Fund R-2357. In. 1. File 692. (In Russ.).
13. Myasnikov G.V. *The Fatherland in our heart*. Moscow: Plakat Publ.; 1985. 208 p. (In Russ.).
14. Dyachkov A.N., scient. ed. and comp. *Materials of the Code of historical and cultural monuments of the RSFSR: Penza region*. Moscow: Scientific Research Institute of Culture Press; 1985. 181 p. (In Russ.).

15. Information on the preparation of materials for the “Code of historical and cultural monuments of the Penza region”. *Personal collection of documents of A.I. Dvorzhansky*. (In Russ.).

16. *SAPR*. Fund R-2378. In. 1. File 140. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.В. Димитренко – старший преподаватель кафедры градостроительства.

Information about the author

N.V. Dimitrenko – Senior Lecturer of the Department of Urban Planning.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024; одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 19.10.2024; approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94 (410:430): 355.01 “1813”
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-34-39

БИТВА НАРОДОВ В ОСВЕЩЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

Александр Александрович Егоров^{1✉}, Эдуард Константинович Пащенко²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Центр развития образования (филиал) Луганского государственного педагогического университета, Луганск, Россия

¹ egorov_1799@mail.ru✉

² pashchenkoeduard@gmail.com

Аннотация. Анализируется освещение Битвы народов (сражения под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г.) в английской прессе. По результатам сражения, которое произошло на территории Саксонии, армия императора французов Наполеона Бонапарта потерпела поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции. К началу битвы Наполеон имел до 175 тыс. человек и 717 орудий, союзники – около 200 тыс. человек и 893 орудия. Потери Великой армии по итогам Лейпцигского сражения составили: 60 тыс. – убитыми и ранеными, 30 тыс. – пленными, среди которых было 20 генералов. 325 орудий достались союзникам как трофеи. Среди погибших был и маршал Понятовский, получивший маршальский жезл накануне сражения. Рассматриваются основные публикации, которые подробно освещали это историческое событие, а также подчеркиваются преобладающие настроения в британском обществе того времени. Важным источником информации для английских газетчиков послужила депеша генерала сэра Чарльза Стюарта, направленная министру иностранных дел Соединенного Королевства Р. Каспри. Английская пресса восторженно описывала поражение Наполеона, подчеркивая важность битвы для судеб всей Европы. Однако, несмотря на триумфальные заголовки и оптимистические выводы журналистов, некоторые факты, попавшие в газеты, были искажены или чрезмерно драматизированы. Статья иллюстрирует, как британская пресса формировала общественное мнение о событии, подчеркивая его значимость для дальнейшего хода Наполеоновских войн и будущего европейских государств.

Ключевые слова: Битва народов, Лейпциг, Наполеон, шестая коалиция, английская пресса, Чарльз Стюарт, Р. Каспри, британская журналистика, европейская история, Наполеоновские войны

Для цитирования: Егоров А. А., Пащенко Э. К. Битва народов в освещении британской прессы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 34–39.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE BATTLE OF NATIONS IN THE COVERAGE OF THE BRITISH PRESS

Aleksandr A. Egorov^{1✉}, Eduard K. Pashchenko²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Education Development Center (branch) of the Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

¹ egorov_1799@mail.ru✉

² pashchenkoeduard@gmail.com

Abstract. The coverage of the Battle of the Nations (the Battle of Leipzig on October 16-19, 1813) in the English press is analyzed. As a result of the battle, which took place on the territory of Saxony, the army of the French Emperor Napoleon Bonaparte was defeated by the allied armies of Russia, Austria, Prussia and Sweden. By the beginning of the battle, Napoleon had up to 175 thousand men and 717 guns, the allies had about 200 thousand men and 893 guns. The losses of the Grand Army following the Battle of Leipzig were:

© Егоров А. А., Пащенко Э. К., 2024

60 thousand killed and wounded, 30 thousand captured, including 20 generals. 325 guns went to the allies as trophies. Among the dead was Marshal Poniatowski, who received the marshal's baton on the eve of the battle. The article examines the main publications that covered this historic event in detail and highlights the prevailing mood in British society at the time. An important source of information for English newspapermen was the dispatch of General Sir Charles Stuart to the Minister of Foreign Affairs of the United Kingdom, R. Castlereagh. The English press enthusiastically described Napoleon's defeat, emphasizing the importance of the battle for the fate of all of Europe. However, despite the triumphal headlines and optimistic conclusions of journalists, some facts that made it into the newspapers were distorted or overly dramatized. The article illustrates how the British press shaped public opinion about the event, emphasizing its significance for the further course of the Napoleonic Wars and the future of European states.

Keywords: Battle of the Nations, Leipzig, Napoleon, Sixth Coalition, British press, Charles Stewart, R. Castlereagh, British journalism, European history, Napoleonic Wars

For citation: Egorov A.A., Pashchenko E.K. The Battle of Nations in the Coverage of the British Press. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(4):34-39. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Битва под Лейпцигом (16–19 октября 1813 г.) стала самым крупным сражением эпохи Наполеоновских войн и самым крупным сражением в истории до Первой мировой войны, в котором армия Наполеона потерпела поражение от объединенных сил шестой антифранцузской коалиции.

Несмотря на то что основным (в то время) для английской армии являлся испанский театр военных действий, в Лейпциге присутствовало британское подразделение. Это – одна батарея Королевской конной артиллерии, известная как «ракетная бригада» под командованием капитана Ричарда Боуга [1, с. 92]. Подразделение являлось экспериментальным, потому как имело на вооружении ракеты Конгрива и было придано личной охране шведского кронпринца Бернадота [2, с. 208–209].

Британская пресса подробно освещала ход кампании союзников в Германии. В целом тон газет Туманного Альбиона был патриотическим и победоносным. Газетчики описывали победу войск коалиции над Наполеоном как окончательную и решающую.

Потому как основным и, самое главное, официальным источником для корреспондентов британских газет является депеша генерала сэра Чарльза Стюарта, адресованная Каслри и отправленная из Лейпцига 19 октября, целесообразно взглянуть на неё подробно. Она опубликована целиком почти в каждой газетной статье за первую половину ноября 1813 г. (например, в *The Sun (London)* или *The Morning Chronicle*). Но она отсутствует в сборнике документов и в мемуарах Каслри (за соответствующий период) [3].

Депеша описывает решающую победу союзных армий над Наполеоном в битве при Лейпциге, которая произошла 16–19 октября 1813 г. Объединенные армии Богемии, Силезии и Северной Германии нанесли сокрушительный удар войскам Бонапарта. Французы потеряли 100 артиллерийских орудий и около 60 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Важную роль сыграло дезертирство всей саксонской армии, а также переход на сторону союзников частей Баварии и Вюртемберга, включая кавалерию, артиллерию и пехоту. Среди захваченных французских генералов были Ренье, Валари, Брюн, Бертран и Лористон.

19 октября Лейпциг был взят штурмом. Король Саксонии, его двор, французский гарнизон и 30 тыс. раненых попали в плен. Наполеону удалось бежать из города лишь в девять утра, за два часа до того, как союзные войска вошли в Лейпциг. Французская армия была полностью разгромлена и пыталась бежать в разных направлениях.

К моменту отправки сообщения союзники уже взяли 35 тыс. пленных, а официальные источники из Берлина сообщили о захвате 180 орудий. Маршал Макдональд и генерал Суам оказались в плену.

Ранее, 16 октября, генерал Блюхер атаковал французские корпуса на северной стороне Лейпцига, захватив 40 орудий, одно знамя и большое количество боеприпасов. Потери французов составили 12 тыс. убитыми и ранеными. Битва при Лейпциге стала крупным поражением Наполеона, значительно ослабив его армию [4].

В газетах депешу всегда сопровождает письмо Каслри, направленное мэру Лондона. В этом письме министр иностранных дел Великобритании передает ключевую информацию из донесения.

Несмотря на его достоверность, в документе есть некоторые неточности. Например, информация о том, что маршал Макдональд и генерал Суам были взяты в плен союзниками. На самом же деле им удалось уйти с поля боя [5, p. 210].

Неточности есть и в статье проправительственной газеты The Times от 5 ноября 1813 г. Тут приводится информация от участников Битвы народов. Перед тем как изложить содержание подробнее, корреспондент делает оговорку: «Мы не знаем точно, насколько это может быть подтверждено официально». Источником является информация, собранная неким бароном фон Хербертом (Baron Von Herbart) «на месте» (on the spot). В соответствии с данными маршалы Макдональд и Мармон были взяты в плен, «хотя, по словам сэра Ч. Стюарта, им удалось бежать». Однако в официальной депеше в Лондон Стюарт докладывает, что маршал Макдональд был взят в плен союзниками [6].

Любопытно, что депеша, адресованная Каслри, не опубликована полностью ни в одном выпуске The Times за вторую половину октября и за ноябрь 1813 г.

Пересказывая в своём подзаголовке ключевые данные из депеши, 3 ноября 1813 г. выходит проправительственная газета The Sun (London) с заголовком «Катастрофа тирана» (The Tyrant's catastrophe), описывая поражение Великой армии как фатальное. В подзаголовке эмоциональным тоном сообщается следующее: «Пленение почти всех французских генералов – Дезертирство саксонцев, баварцев, вюртембергцев – Взятие короля Саксонии и его двора – Бонапарт бежал неизвестно куда!». В этой статье сделан чрезмерно оптимистический вывод: «День, на который мы надеялись и за который мы молились, наконец-то наступил, Европа освобождена – её угнетатель свергнут». И в заключение присутствует исполненная энтузиазма фраза: «Ура навсегда!» [4].

В статье сделан ещё один духоподъёмный вывод: «Этот триумф над французами имеет гораздо большее значение, чем любой другой, который мог бы последовать за умиротворением, если бы таковое было заключено после отступления врага из России... обнаружено, что в военном искусстве он [Бонапарт] уступает своим противникам» [4].

Ниже в приведенной статье опубликовано письмо Каслри мэру Лондона, которое передает суть депеши и которое будет рассмотрено далее.

Следующая статья, опубликованная в газете The Star (London) от 3 ноября 1813 г., выходит с заголовком «Великолепные разведанные (Glorious intelligence). Полный разгром Великой французской армии в Саксонии». Далее написано следующее: «...За три дня он [Бонапарт] потерял более ста тысяч человек и всю свою артиллерию» [7].

Отличительной чертой этой газетной статьи от предыдущей является то, что здесь приведены «официальные данные» (Official Particulars). Их автор – лорд Джордж Каткарт, британский дипломат, в то время находившийся в главной квартире союзников и следовавший за ними до взятия Парижа в 1814 г. [8, с. 729]. Эти данные вкратце описывают битву и её исход. Здесь же опубликовано письмо Каслри мэру Лондона. В нем Каслри рассказывает о вышеупомянутой депеше от 19 октября (которую он получил от сэра Чарльза Стюарта) [7].

Далее в статье под подзаголовком «Правительственный бюллетень» (Government Bulletin) опубликована депеша [7]. Однако она отсутствует в газете Instructor and Select Weekly Advertiser [9] за это же число. В выпуске в основном рассказывается об испанском театре военных действий. Битве народов посвящена лишь небольшая заметка под заголовком «Разгром французской армии. Бегство Бонапарта» (Defeat of the French army. Flight of Buonaparte) [9], в которой на основе вышеупомянутого письма Каслри описывается ход битвы и её итоги.

Ниже корреспондент напрямую ссылается на источник информации – письмо Каслри мэру Лондона, которое тут пересказывается: «Только что поступили донесения от генерала Стюарта, содержащие сведения величайшей важности» [9]. Каслри в своем письме не объединяет события 16–19 октября, а, наоборот, разделяет их как бы на отдельные битвы: «...два сражения произошли 16-го и 18-го числа, Лейпциг был взят штурмом 19-го; было взято (в плен) тридцать пять тысяч человек и тридцать тысяч небоеспособных солдат было обнаружено в городе. Бона-

парт спасся бегством. Король Саксонии и весь его двор взяты в плен; все склады и магазины армии взяты, также взято сто восемьдесят пушек. Потери убитыми и ранеными огромны. Саксонцы и другие немцы дезертировали в битве, союзники преследуют французов, которые отступают к Вайсенфельсу» [9].

Письмо Каслри не отображено, однако, в газете *The Morning Chronicle* от 4 ноября 1813 г. Издание придерживалось принципов вигов и в глазах общественности выглядело ведущей оппозиционной газетой [10, p. 99].

Статья преимущественно основывается на упомянутой депеше (которая здесь опубликована целиком) и дает высокую оценку победы союзников над Наполеоном: «Союзники одержали знаменательную и решительную победу над всей французской армией, которой командовал лично Бонапарт, сам едва избежавший плена» [11].

Существенное отличие этой статьи от остальных в том, что она ссылается и на парижскую периодику, сообщавшую, что Бонапарт якобы не бежал из Лейпцига 19 октября, а во время битвы находился в Вайсенфельсе, в своей штаб-квартире. Однако тут же автор статьи приводит достоверные сведения, настаивая на том, что Бонапарт находился в Лейпциге 19 октября и бежал оттуда через Вайсенфельс по направлению к Рейну: «Бонапарт мог быть в Вайсенфельсе 19-го числа после своего побега из Лейпцига, но он был там беглецом (he was there a fugitive) с остатками своей армии, с трудом прокладывая себе путь к Рейну» [11].

Далее корреспондент обращает внимание на «письма» (letters) из Парижа, в которых говорится, что Бонапарт в сопровождении Бертье и небольшого эскорта прибыли в свою столицу. Однако автор статьи не может найти подтверждения этой информации: «Мы не можем найти никаких подтверждений этому слуху» [11]. Автору становится очевидно из последних французских газет, что новость, скрываемая от парижан, была там известна: «...без сомнения, были предприняты бесконечные усилия, чтобы скрыть ее от широкой публики» [11].

Не менее любопытно описание отступления императора французов из Лейпцига. Оно основывается на неофициальной, но подробной информации от некоего мистера Солли, входившего в окружение Р. Каслри (и который как раз и был выбран посыльным для передачи депеш из Лейпцига в Лондон, как отмечено в оппозиционной газете *The Oxford Journal*) [12]. Солли, который пользуется авторитетом у корреспондентов (поэтому его сведения считаются правдоподобными), дает следующую, отличающуюся от той, что в депеше, информацию: «...Бонапарт выступил в поход только с кавалерией, а остатки его армии, состоявшие исключительно из пехоты и не имевшие пушек, численностью в 60 000 человек (выстроенные в две колонны по 30000 человек каждая), подверглись преследованию и должны были понести огромные потери при бегстве» [11].

Ввиду того что победа над Великой армией описана как решительная и окончательная, корреспондент вполне правомерно ставит вопрос относительно будущего устройства Европы. Тут же в связи с тем, что Бонапарт навязывал свою волю побежденным народам, высказывается следующая точка зрения: «Было бы столь же несправедливо и пагубно для союзников диктовать свою волю народу Франции» [11].

Выпуск *The Sun* от 8 ноября 1813 г. выходит с таким заголовком: «Дальнейшее бегство Бонапарта во Франкфурт – Рассеивание остатков его сил – Эвакуация севера Германии – Успехи в Италии» [13]. В статье приводится очень подробное описание Битвы народов. Подводя итоги, снова делается чрезмерно оптимистическое заключение: «...гигантская мощь Бонапарта, уже подорванная и ослабленная, получила удар, уничтоживший её навсегда» [13].

Не менее победоносным выглядит заголовок статьи «Полное свержение Бонапарта и его армии» (*Total Overthrow of Bonaparte and his Army*) в газете *Derby Mercury* от 11 ноября 1813 г. Однако в самой статье, полностью основанной на депеше от 19 октября, ничего принципиально нового нет [14].

Выходившее еженедельно консервативное издание *The National Register* (London) от 7 ноября 1813 г. под заголовком «Великое поражение Бонапарта» (*Great Defeats of Buonaparte*) приводит интересное наблюдение: автор подчеркивает, «что Бонапарт проиграл великое сражение 18 октября, в годовщину того дня, когда его армия начала отступать из Москвы; и сам Бонапарт

покинул Москву 19-го числа, в тот же день, когда через двенадцать месяцев он бежал из Лейпцига» [15].

Битва народов (Völkerschlacht) под Лейпцигом стала крупнейшим сражением войны шестой коалиции и крупнейшим сражением эпохи Наполеоновских войн. Великой армии был нанесен серьезный урон. По окончании битвы в распоряжении Бонапарта, отступившего за Рейн, числилось всего 100 тыс. человек пехоты, из которых 15 тыс. совсем не имели оружия, и 12 тыс. кавалеристов. Оставалось также только 300 орудий [1, с. 100].

После победы союзных войск ликование в Лондоне, отраженное в британской прессе, было полным. Главным, однако не единственным источником в освещении этого события являлась депеша Стюарта, направленная Каслри, от 19 октября. На ней основывается большинство материала британских газет тех дней.

Исход битвы предопределил распад Рейнского союза [16, р. 681] и обусловил возрождение Пруссии как великой державы [17, с. 570]. Влияние Франции значительно уменьшилось на Европейском континенте. Однако французский император, каким бы победоносным ни был тон английских газетчиков, все еще оставался серьезным противником.

Список источников

1. *Breton de la Martinière Ж.-Б.Ж.* Кампания Бонапарта 1812, 1813 и 1814 гг., вплоть до его отречения, по официальным бюллетеням союзников и французов. 1814 г. М.: Русский Мир, 2024. 280 с.
2. *Базен К.* Жан Батист Бернадот. Гасконский кадет на шведском троне. СПб.: Крига, 2014. 344 с.
3. *Castlereagh R.* Correspondence, despatches, and other papers of Viscount Castlereagh. L.: William Shoberl, 1852. Vol. 9. 573 p.
4. *The Sun (London).* 1813. November 3.
5. *The Encyclopedia Britannica a dictionary of arts, sciences, literature and general information.* 11th ed. N. Y.: Encyclopaedia Britannica Inc., 1911. Vol. 17. 1020 p.
6. *The Times.* 1813. November 5.
7. *The Star (London).* 1813. November 3.
8. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского.* СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1895. Т. XIVА. 960 с.
9. *The Instructor and Select Weekly Advertiser.* 1813. November 3.
10. *Barker H., Burrows S.* Press, Politics and the Public Sphere in Europe and North America, 1760–1820. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 274 p.
11. *The Morning Chronicle.* 1813. November 4.
12. *The Oxford Journal.* 1813. November 6.
13. *The Sun (London).* 1813. November 8.
14. *The Derby Mercury.* 1813. November 11.
15. *The National Register (London).* 1813. November 7.
16. *Lentz T.* Nouvelle histoire du premier empire: L'effondrement du système napoléonien, 1810–1814. P.: Fayard, 2004. 681 p.
17. *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: Центрполиграф, 1999. 693 с.

References

1. *Breton de la Martinière J.- B.J.* *Bonaparte's campaigns of 1812, 1813 and 1814, up to his abdication, according to the official bulletins of the Allies and the French. 1814.* Moscow: Russky Mir Publ.; 2024. 280 p. (In Russ.).
2. *Bazen K.* *Jean Baptiste Bernadotte. Gascon Cadet on the Swedish Throne.* St. Petersburg: Kriga Publ.; 2014. 344 p. (In Russ.).
3. *Castlereagh R.* *Correspondence, despatches and other papers of Viscount Castlereagh.* London: William Shoberl Press; 1852;9. 573 p.
4. *The Sun (London).* 1813. November 3.
5. *The Encyclopedia Britannica a dictionary of arts, sciences, literature and general information.* 11th ed. New York: Encyclopaedia Britannica Inc.; 1911;17. 1020 p.
6. *The Times.* 1813. November 5.
7. *The Star (London).* 1813. November 3.

8. Arsen'ev K.K., Petrushevsky F.F., eds. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. St. Peterburg: Типо-lithography by I.A. Efron; 1895;14a. 960 p. (In Russ.).
9. *The Instructor and Select Weekly Advertiser*. 1813. November 3.
10. Barker H., Burrows S. *Press, Politics and the Public Sphere in Europe and North America, 1760-1820*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 274 p.
11. *The Morning Chronicle*. 1813. November 4.
12. *The Oxford Journal*. 1813. November 6.
13. *The Sun (London)*. 1813. November 8.
14. *The Derby Mercury*. 1813. November 11.
15. *The National Register (London)*. 1813. November 7.
16. Lentz T. *New history of the first empire: The collapse of the Napoleonic system, 1810-1814*. Paris: Fayard Publ.; 2004. 681 p. (In French).
17. Chandler D. *Napoleon's Military Campaigns: The Conqueror's Triumph and Tragedy*. Moscow: Centrpoligraf Publ.; 1999. 693 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Егоров – доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений.

Э.К. Пащенко – соискатель кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений; методист Центра развития образования.

Information about the authors

A.A. Egorov – Doctor of Science (History), Professor, Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

E.K. Pashchenko – Competitor of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations; Teaching Methods Specialist of the Education Development Center.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 13.10.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 13.10.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94(3)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-40-45

К ВОПРОСУ О «ДРЕВНОСТИ» ДОДОНСКОГО ОРАКУЛА

Саркис Суренович Казаров

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ser-kazarov@yandex.ru

Аннотация. В политической и повседневной жизни древних греков оракулы играли важную роль. Не только накануне совершения самых простых поступков, но и перед принятием важных политических решений греки всегда вопрошали волю богов. Неслучайно практически в каждом районе Греции располагались святилища, посвященные различным богам, в которых можно было получить ответы на разнообразные вопросы. Самым древним и авторитетным из них был оракул Зевса в Додоне, который располагался в северо-восточной части Греции, в высокогорном и труднодоступном Эпире. Несмотря на проблемы коммуникаций – высокогорные хребты, топкие болота, быстрые горные реки, труднопроходимые ущелья, в святилище стремились паломники со всей Эллады. Авторитет Додонского оракула поддерживался так называемой древностью, которой славилось святилище и которая подкреплялась пассажами почитаемого в Греции поэта Гомера, обитанием здесь загадочного племени пеласгов, а также многочисленными археологическими находками, относящимися к минойской эпохе, а затем и к микенскому периоду. Символом святилища был священный дуб, который считался местом обитания владыки всех богов Зевса. Деятельность Додонского оракула продолжалась два тысячелетия и прекратилась с утверждением христианства в регионе.

Ключевые слова: древность, оракул, святилище, Додона, мифология, Эпир

Для цитирования: Казаров С.С. К вопросу о «древности» Додонского оракула // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 40–45.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE QUESTION OF THE “ANTIQUITY” OF THE DODONIAN ORACLE

Sarkis S. Kazarov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ser-kazarov@yandex.ru

Abstract. Oracles played an important role in the political and everyday life of the ancient Greeks. Not only before committing the simplest acts, but also before making important political decisions, the Greeks always asked the will of the gods. It is no coincidence that in almost every region of Greece there were sanctuaries dedicated to various gods, where one could get answers to various questions. The most ancient and authoritative of them was the oracle of Zeus in Dodona, which was in the north-eastern part of Greece, in the highland and hard-to-reach Epirus. Despite the problems of communications - high mountain ranges, swamps, fast mountain rivers, impassable gorges, pilgrims from all over Hellas flocked to the sanctuary. The authority of the Dodona oracle was supported by the so-called antiquity for which the sanctuary was famous, and which was supported by passages of the revered Greek poet Homer, the habitation of the mysterious Pelasgian tribe here, as well as numerous archaeological finds dating back to the Minoan era and then to the Mycenaean period. The symbol of the sanctuary was the sacred oak, which was considered the dwelling place of the ruler of all gods, Zeus. The activity of the Dodona oracle continued for two millennia and ceased with the establishment of Christianity in the region.

Keywords: antiquity, oracle, sanctuary, Dodona, mythology, Epirus

For citation: Kazarov S.S. On the Question of the “Antiquity” of the Dodonian Oracle. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):40-45. (In Russ.).

© Казаров С.С., 2024

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Древние греки, будучи по своему менталитету людьми набожными и мнительными, слепо доверяли разного рода предсказаниям, гаданиям и знамениям. Перед тем как решиться на какой-либо с их точки зрения ответственный шаг, они считали необходимым узнать волю богов. Характеризуя менталитет древних греков, американская исследовательница Э. Эйдинов писала, что, с одной стороны, греки были похожи на нас, но с другой – не были нам подобны [1, р. 9]. По этой самой причине вся территория Греции была полна различными святилищами, где жаждущие узнать свое будущее могли попытаться получить ответы на волнующие их вопросы. Несмотря на наличие в стране значительного числа таких оракулов [2, S. 158, 172, 179], самыми авторитетными и уважаемыми считались два – оракул Зевса в Додоне и оракул Аполлона в Дельфах. И даже среди этих двух приоритет отдавался первому, причиной чему служила его «древность» и загадочность, которая в глазах эллинов значительно повышала его авторитет. Добавим, что в понятие «древность» мы вкладываем не только сугубо временное/хронологическое содержание: это доисторическая эпоха, характеризующаяся наличием хтонических местных культов, когда миф ещё цепко держал историю в своих руках.

Чем обосновывалась эта «древность», из чего она проистекала? Вот те вопросы, на которые мы в силу наших возможностей попытаемся дать ответ в данной статье.

Важным фактором, определяющим «древность» или загадочность Додонского оракула, была сама природа. На необычные природные условия святилища Зевса указывали такие исследователи, как С. Дакарис [3, р. 6], С. Джонстон [4], Т. Курнов [5, р. 64], Н. Мустакис [2, S. 8], Д. Никол [6, р. 130] и др. Как отмечал шведский ученый М. Нильссон, дикая природа может быть красивой и благосклонной, но может также оказаться жестокой и угрожающей. Глухие чащи, неприступные горы, глубокие ущелья и бурные потоки вызывают в людях трепет. В этих местах человек ощущает себя игрушкой неизвестных ему и опасных сил [7]. С. Джонстон заметила, что каждый оракул был привязан к определенному месту, которое было связано с различными мифами, в той или иной мере обосновывающими его выгоду [4, р. 34].

Выбор места для основания древней Додоны на уступе долины вряд ли можно считать случайным. Это место имело естественную защиту от сильных северных ветров, которые часто здесь дули. Однако они в основном дули в сторону грубых восточных склонов и двух вершин горы Томар (ныне – Олитцика). Обрывистые верховья горных рек со временем дали развитие водяным мельницам и укрепили Лурос и Ахерон – две реки, которые впадали в Амбракийский залив и Ионическое море соответственно.

У подножия горы Томар на окраине Додонской долины отдельно от других деревьев росли знаменитые столетние дубы Додоны. Горный массив Томар и дубы у его основания создавали сильную шумовую активность, феномен которой, вероятно, и заметили ещё древние обитатели этого обширного региона. Очевидно, древнейшие поселенцы проживали здесь уже в неолитический период в горной пещере Гувес над современным поселением Мелигтои. Индоевропейский Бог-громовец, чье имя в Додоне было неизвестно в доисторический период, и культ дуба были широко распространены у индоевропейских племен, которые отличались от современных европейцев. Но тот же бог назывался Зевсом на территории Эллады в период, датированный временем создания гомеровского эпоса [8, р. 49].

«Древность» Додоны подтверждалась также рядом мифов, повествующих не только о ее основании, но и о ее истории в целом. И то, что эти мифы порой были взаимоисключающими, ни в коей мере не ставило под сомнение ее авторитет как самого древнего святилища. Первая версия об основании оракула в Додоне содержится у Плутарха в биографии царя Пирра. Согласно его рассказу, среди эпирского племени молоссов в древнейшие времена поселились Девкалион и Пирра, единственные представители человечества, которые спаслись во время Всемирного потопа и основали святилище в Додоне (Plut. Pyrrh.1).

Более развернутую версию основания Додонского оракула мы находим у Геродота, но самое интересное то, что по своему содержанию она полностью отличается от версии Плутарха. Геродот, который, по его словам, лично посетил Додону и беседовал с местными жрицами, сооб-

щает, что одновременно из египетских Фив вылетели две голубки, одна из которых прилетела именно в Додону. Обосновавшись на ветвях дуба, она человеческим языком повелела местным жителям (которыми на тот момент являлись именно пеласги) основать здесь оракул Зевса, что ими и было сделано (Herod. II. 55). Хотелось бы указать еще на одну немаловажную деталь рассказа Геродота: связи Додоны именно с Египтом не случайны – они должны были служить подтверждением той самой древности, которая окутывала образ Додоны [9, p. 87].

Нелишним для нас будет также происхождение названия того места, где возникло святилище. Оно, естественно, тоже связано с мифологией. Сама Додона была океанической нимфой, и именно она дала название протекающей в Эпире реке – Додон [6, p. 130].

И, что характерно, несмотря на коренные различия, ни первая, ни вторая версии основания Додонского оракула не вызывали у эллинов никаких сомнений в их достоверности. И причиной тому, как нам представляется, было то, что обе они как нельзя лучше служили подтверждением той самой «древности» Додонского оракула.

«Древность» Додоны подтверждалась также свидетельствами, сохранившимися у признанного авторитета древнегреческой литературы Гомера (примечательно, что о заочном конкуренте Додоны – Дельфах – слепой поэт нам не сообщает ничего), а затем и Гесиода. Пассажи Гомера, посвященные Додоне и ее обитателям, не столь многочисленны, но представляют для нас особую важность. Так, Гомер в «Илиаде» упоминает Зевса «пеласгийского Додонского, далеко живущего владыку» (Hom. II. XVI. 235), а также живущих вокруг племени селлов (или геллов), которые «ног не моют и спят на голой земле» (Hom. II. XVI. 233–235). С одной стороны, последнее обстоятельство прямо или косвенно указывает на то, что эти народы, лежащие спать на голой земле с грязными ногами, по сути были варварами, но с другой – сон на голой земле мог означать прямую связь с местными хтоническими силами, представляющими подземный мир [10, p. 27].

По словам Д. Никола, встречающийся у Гомера по отношению к Додонскому оракулу эпитет «пеласгический» может означать не более чем доисторический или доахейский [6, p. 130]. Но это не единственный пассаж Гомера, в котором упоминается Додона. Хитроумный, но, как выясняется, осторожный Одиссей отправляется в Додону, чтобы узнать у священного дуба, открыто или тайно вернуться ему на родную Итаку (Hom. Od. XIV. 325–330). Судя по контексту произошедших затем событий, Одиссей, по всей вероятности, получил совет от оракула вернуться на остров тайно, что он и сделал. И на этот счет возможно еще одно предположение: давая Одиссею правильный совет, оракул мог быть хорошо осведомлен о бесчинствах, которые творили потенциальные женихи Пенелопы на Итаке.

Единственное упоминание о Додоне Гесиода (VII в. до н.э.) весьма фрагментарно. В нем говорится о плодородной области под названием Геллопия, в которой пасутся множество быков и овец и где местные жители основали в Додоне оракул, куда являются те, кто желает узнать волю верховного бога (Hes. Fragm. 240). Свидетельство Гесиода для нас важно тем, что оно как бы продолжает и поддерживает версию о «древности» Додонского оракула.

Как можно заключить сначала из пассажей Гомера, а потом и рассказа Геродота (и не только его), что носителями упомянутой древности было первоначальное население Додоны – пеласги. Их древность также была связана с их загадочностью, ибо об их этнической принадлежности, языке и культуре неизвестно практически ничего. Некоторые исследователи называют этот народ «догреческим субстратом» [11].

За подтверждением нашего предположения мы вынуждены снова обратиться к свидетельствам «отца истории» Геродота, чей приведенный ниже пассаж имеет для нас принципиальное значение. Пеласги, которые, по его словам, совершали в Додоне жертвоприношения различным богам, еще не знали их имен. И опять же, имена большинства богов пеласги узнали в том же Египте. Но поскольку эти имена были позаимствованы у «варваров» (хотя и у «древних»), то пеласги спросили на это согласие у Додонского оракула. Последний дал утвердительный ответ, и с тех пор пеласги, а затем после них и эллины стали употреблять имена богов. И при этом Геродот делает важнейшее добавление: оракул в Додоне на тот момент был не только древнейшим, но и единственным во всей Греции (Herod. II. 52). Обнаруживаемая здесь связь Египет – пеласги – Додона – еще одно кажущееся убедительным свидетельство «древности» по-

следней. Вот только, к сожалению, как отмечает греческий археолог С. Дакарис, между Египтом и Додоной нет никаких археологических связей [3, р. 7].

И, наконец, важным, если не самым главным, подтверждением «древности» Додоны, является то божество, которое должно было стоять у самих истоков основания святилища. И как это ни удивительно, это был не Зевс. Испанский исследователь Д. Чапинал-Херас сделал осторожное предположение, что мы не имеем информации о том, что культ Зевса был почитаем здесь до VIII в. до н.э. [12, р. 19].

Более определенно на этот счет рассуждает С. Дакарис, имеющий под рукой некоторые археологические свидетельства. По его словам, ниже культурного слоя, представляющего культ греческого Зевса, существовал другой более ранний слой, который дает свидетельства существования некоего хтонического культа, связанного с Великой Богиней – божеством изобилия и плодородия, поклонение которой было широко распространено в Восточном Средиземноморье. Великая Богиня имела свое жилище у корней великого дуба (Hes. Fragm. 134), чьи жареные желуди служили пищей для людей. Такую репрезентацию богини растительного мира можно найти в золотом кольце микенской эпохи XV в. до н.э. Косвенное подтверждение этому С. Дакарис видит в двух группах предметов ручной керамики, представляющих греческий и догреческий этапы культа [3, р. 8].

Мнение относительно существования в Додоне местного хтонического культа, предшествующего появлению здесь культа Зевса, разделяют Л.Р. Фарнелл [13, р. 7–8] и М. Ригольозо [14, р. 140]. Более осторожен по отношению существования в Додоне доисторического хтонического культа Х. Клейстас, по мнению которого его наличие подтверждается отдельными находками, имеющими лишь косвенное значение.

Среди множества находок выделяются две вазы и статуэтка, имеющие явно символический характер. Первая – глиняная чашка ручной работы с одной ручкой. Наполовину она декорирована 4 наконечниками, похожими на ниппели. Символизм другого предмета тоже очевиден – он ассоциируется с высокой урожайностью и плодородием. Далее следуют фрагменты глиняной вазы ручной работы, у которой сохранилась верхняя часть. Это либо ваза для хранения с широким горлом, либо ритуальная ваза особой формы: поверхность её покрыта двумя извивающимися змеями, головки которых сходятся над обручком ручки. Змеи изображены нанесенными полосками из глины, верхняя поверхность которых плоская, в то время как их головы имеют выпуклые формы. Змея являлась символом возрождения, исцеления, знания и защиты, в то же время её часто связывают с хтоническими культурами [8, р. 57–58].

«Древность» Додоны подтверждается не только мифами и легендами, но и чем-то более существенным, а именно памятниками материальной культуры. Изначально преобладали в основном минойские элементы из горных святилищ, но со временем святилище приобрело микенский характер. Среди множества бронзовых находок выделяются мечи-кинжалы, наконечники копий и обоюдоострые топоры. Здесь поклонение местным культам продолжалось и развивалось уже в исторические времена. Появляются первые следы микенского присутствия или другого влияния, отдельные бронзовые артефакты внешнего происхождения встречаются в Додоне особенно и в Эпире в целом в позднеэллинистический период (или в XIV в. до н.э.).

В Додоне это несколько фрагментов микенской посуды и бронзовый «рогатый» меч. Микенское присутствие сильнее ощущается в Эпире и в Додоне в позднеэллинистический период (в XIII–XII вв. до н.э.), о чем свидетельствует микенская посуда, особенно бронзовые предметы. В то же время встречаются отдельные бронзовые артефакты внешнего происхождения (современная территория Италии и Румынии). До сих пор остается неизвестным, что это было за место, где культ, возможно, существовал на открытом воздухе, по крайней мере начиная с XIII в. до н.э. Не исключено, что основное место находилось поблизости от святилища Зевса. В раннем железном веке строения поддерживались, поселения сохранились, культ продолжал существовать и эволюционировать в этот конкретный период, поскольку его главной особенностью теперь было почти исключительное посвящение и символическое использование предметов из листовой бронзы.

Подводя итоги, можно сказать, что первые следы обитания человека в Додоне появляются в конце середины или в начале эпохи поздней бронзы в Эпире. Это несколько маленьких бронзо-

вых ножей, которые, возможно, выполняли утилитарные функции, а может, использовались и для ритуальных целей. До сегодняшнего дня даже специалисты-археологи не могут определить хронологические периоды в большом количестве самодельной посуды из Додоны и Эпира [8, p. 65].

Святынище (а позже оракул) додонского Зевса почти непрерывно функционировало два тысячелетия (1600 г. до н.э. – до 400 г. н.э.). И практически все это время его авторитет в Древней Греции был непререкаем. Его конец (скорее уже символический) наступил, когда срубили священный дуб и утвердился новая религия – христианство. Понадобилось почти 1500 лет, чтобы Додона вновь появилась в истории под своим настоящим именем.

Список источников

1. *Eidinow E. Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks.* Oxford: Oxford University Press, 2007. 534 p.
2. *Mustakis N. Heiligtümer als politische Zentren. Untersuchungen zu den multidimensionalen Wirkungsbereichen von polisübergreifenden Heiligtümern im antiken Epirus.* München: Herbert Utz Verlag, 2006. 245 S.
3. *Dakaris S. Dodona.* Athen: Archaeological Receipts Fund, 1996. 46 p.
4. *Jonston S.I. Ancient Greek Divination.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2008. 208 p.
5. *Curnow T. The Oracles of the Ancient World.* London: Bristol Classical Press, 2004. 256 p.
6. *Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome.* 1958. № 5. P. 128–143.
7. *Nilsson M.P. Greek Folk religion.* New York: Columbia University Press, 1940. 159 p.
8. *Kleitsas X.N. The Early Dodona (1500-800 B.C.). The Bronze Artefacts.* Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina, 2021. 178 p.
9. *Rachet G. Le sanctuaire de Dodone, origine et moyens de divination // Bulletin de l'Association Guillaume Bude.* 1962. P. 86–99.
10. *Chapinal-Heras D. Oracles and Sound – their importance at the Sanctuary of Dodona // Archaeacoustics: the Archeology of Sound.* Istanbul, 2015. P. 25–32.
11. *Lochner-Huttenbach F. Die Pelasger.* Wien: Gerold, 1960. 190 S.
12. *Chapinal-Heras D. Between the Oak and the Doves: Changes in the Sanctuary of Dodona Over the Centuries // Simple Twist of Faith.* 2017. P. 17–38.
13. *Farnell L.R. The Cults of the Greek States.* Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Bd. III. 476 p.
14. *Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece.* N.Y.: Palgrave and Macmillan, 2009. 292 p.

References

1. *Eidinow E. Oracles, Curses and Risk among the Ancient Greeks.* Oxford: Oxford University Press; 2007. 534 p.
2. *Mustakis N. Shrines as political centers. Investigations on the multidimensional fields of action of polis-suber-grabbing sanctuaries in Ancient Epirus.* München: Herbert Utz Verlag Press; 2006. 245 p. (In German).
3. *Dakaris S. Dodona.* Athen: Archaeological Receipts Fund Press; 1996. 46 p.
4. *Jonston S.I. Ancient Greek Divination.* Oxford: Wiley-Blackwell Press; 2008. 208 p.
5. *Curnow T. The Oracles of the Ancient World.* London: Bristol Classical Press; 2004. 256 p.
6. *Nicol D.M. The oracle of Dodona. Greece and Rome.* 1958;(5):128-143.
7. *Nilsson M.P. Greek Folk religion.* New York: Columbia University Press; 1940. 159 p.
8. *Kleitsas X.N. The Early Dodona (1500-800 B.C.). The Bronze Artefacts.* Ioannina: Ephorate of Antiquities of Ioannina Press; 2021. 178 p.
9. *Rachet G. The sanctuary of Dodona, origin and means of divination. Bulletin of the Guillaume Bude Association.* 1962:86-99. (In French).
10. *Chapinal-Heras D. Oracles and Sound – their importance at the Sanctuary of Dodona. Archaeacoustics: the Archeology of Sound.* Istanbul, 2015:25-32.
11. *Lochner-Huttenbach F. The Pelasgians.* Vienna: Gerold Press; 1960. 190 p. (In German).
12. *Chapinal-Heras D. Between the Oak and the Doves: Changes in the Sanctuary of Dodona Over the Centuries. Simple Twist of Faith.* 2017:17-38.
13. *Farnell L.R. The Cults of the Greek States.* Cambridge: Cambridge University Press; 2010:3. 476 p.
14. *Rigoglioso M. The Cult in Divine Birth in Ancient Greece.* New York: Palgrave and Macmillan Press; 2009. 292 p.

Информация об авторе

С.С. Казаров – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений.

Information about the author

S.S. Kazarov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 281.93
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-46-54

ПРОТЕСТ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕМИНАРСКОЙ СРЕДЕ В НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ)

Алексий Николаевич Марченко

Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. Кирилла и Мефодия, Москва, Россия
priest.amarchenko@doctorantura.ru

Аннотация. Рассматривается революционная деятельность преподавателей и воспитанников Пермской духовной семинарии под руководством А.И. Иконникова в период либеральных реформ Александра II и меры по ее пресечению. Анализируемые события являют пример рецепции в духовной школе революционных взглядов и складывания бунтарских традиций за полвека до революции 1905–1907 гг., когда протестное движение в семинарской среде развернулось полномасштабно. Революционные идеи находили понимание среди преподавателей и воспитанников в связи с бытовыми и организационными проблемами в духовных учебных заведениях, ростом самосознания духовенства и размыванием сословных границ в процессе реформ Александра II и запущенной ими модернизации 60–70-х гг. XIX в., повышением требований представителей духовного сословия к условиям своей жизни, учебы и служения. В семинарской среде недовольство выражалось неповиновением, бунтами и даже (хотя и нечасто в 1860-е гг.) революционной деятельностью. Движение на основе революционной идеологии в Пермской духовной семинарии прошло путь от легального кружка самообразования до тайного общества, осуществлявшего антиправительственную деятельность и ставшего своего рода филиалом более крупной и разнообразной по составу подпольной организации – Пермского кружка революционных просветителей.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Пермская духовная семинария, частная «библиотека Иконникова», нелегальная революционная организация во главе с А.И. Иконниковым, Пермское тайное общество, «Послание старца Кондратия», конспиративная революционная агитация, революционные прокламации

Для цитирования: Марченко А. Н. Протест и революционная деятельность в семинарской среде в начале 60-х годов XIX века (на материале Пермской духовной семинарии) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 46–54.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PROTEST AND REVOLUTIONARY ACTIVITIES IN THE ORTHODOX SEMINARY ENVIRONMENT IN THE EARLY 1860s (BASED ON THE MATERIAL OF THE PERM THEOLOGICAL SEMINARY)

Alexey N. Marchenko

St. Cyril and Methodius All-Church Postgraduate and Doctorate Studies, Moscow, Russia
priest.amarchenko@doctorantura.ru

Abstract. The article examines the revolutionary activities of teachers and students of the Perm Theological Seminary under the leadership of A.I. Ikonnikov during the liberal reforms of Alexander II and measures to suppress them. The events analyzed are an example of the reception of revolutionary views in a theological school and the formation of rebellious traditions half a century before the revolution of 1905–1907, when the protest movement in the seminary environment unfolded on a full scale. Revolutionary ideas found understanding among teachers and students in connection with everyday and organizational problems in theological

© Марченко А. Н., 2024

educational institutions, the growth of self-awareness of the clergy and the blurring of class boundaries in the process of reforms of Alexander II and the modernization of the 60-70s of the 19th century launched by them, increasing demands of representatives of the clergy on the conditions of their life, study and service. In the seminary environment, discontent was expressed through disobedience, riots, and even (though not often in the 1860s) revolutionary activity. The movement based on revolutionary ideology in the Perm Theological Seminary went from being a legal self-education circle to a secret society that carried out anti-government activities and became a kind of branch of a larger and more diverse underground organization - the Perm Circle of Revolutionary Educators.

Keywords: Russian Orthodox Church, Perm Theological Seminary, private “Ikonnikov Library”, illegal revolutionary organization headed by A.I. Ikonnikov, Perm Secret Society, “Message of Elder Kondraty”, conspiratorial revolutionary agitation, revolutionary proclamations

For citation: Marchenko A.N. Protest and Revolutionary Activities in the Orthodox Seminary Environment in the Early 1860s (Based on the Material of the Perm Theological Seminary). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):46-54. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Протестные движения в духовных учебных заведениях Русской православной церкви нечасто становятся предметом изучения современных историков, и этот пласт семинарской жизни остается недостаточно исследованным. В дореволюционной историографии попытки восстановления истории православных семинарий имели место, но тему протеста и брожений в семинарской среде авторы чаще опускали. Однако в некоторых работах упоминается о протестах и беспорядках XIX в. [1–3]. В советской же историографии рассмотрению конфликтов в семинарской среде внимание уделялось, хотя брожения и бунты в семинариях трактовались как часть движения революционных масс, аналогичное, например, движению учащихся светских учебных заведений – с целью показать организованность и развитую революционную сознательность семинаристов, которые, по мнению авторов, вели борьбу не только (и даже не столько) за улучшение быта и против несправедливых порядков в своем учебном заведении, но и против существовавшего строя вообще, против самодержавия [4–6]. Семинарское движение уподоблялось революционному, ряд советских историков пытались показать, что в развитии первого ведущую роль играли именно революционеры, особенно социал-демократы. Однако современные исследователи выявляют все больше источников, доказывающих необоснованность этих выводов. Среди воспитанников семинарий были члены политических партий, и их роль была заметной в деятельности тайных ученических кружков самообразования, но не была значительной в организации протестных выступлений [7, с. 19].

С середины 1990-х гг. исследователи разрабатывают тему протеста в духовных учебных заведениях РПЦ на новых основаниях – стремясь осмыслить феномен «бунтующей Церкви», учитывая принадлежность духовных лиц к интеллигенции, элите [8, с. 144; 9, с. 213], поскольку возрождается и неуклонно возрастает интерес именно к церковной истории, жизни и быту, социальному положению, развитию политического сознания духовенства и т.д. [10–17]. Однако данная тема на сегодняшний день не является широко исследуемой, и в ней масса лакун, особенно в рамках региональной истории, поскольку в каждой семинарии имели место особенности развития и реализации протестных настроений. При этом исследования в рамках проблематики необходимы для понимания во всей полноте внутренней жизни православных семинарий, а также истоков и процесса распространения кризисных явлений духовного порядка в русском обществе второй половины XIX – начала XX в. и революционализации российского общества. В этой связи тематика данной статьи представляется актуальной.

Отметим, что в советский период авторы обращали особое внимание на волнения семинаристов периода первой русской революции и, рассматривая их как часть революционного подъема вообще, не «вглядывались» в их специфику (учитывая, что изучение собственно истории Церкви советскими историками было фактически свернуто).

Но протестные движения учащихся православных семинарий 1905–1907 гг. были подготовлены задолго до начала XX в., и во многом предпосылки их коренились именно в специфических

чертах организации жизни в духовных учебных заведениях, в особенностях социального бытия представителей духовного сословия и влиянии на него церковных реформ 1860–1870-х гг.

Суровая регламентация семинарской жизни, многочисленные запреты, касающиеся досуга, непростые взаимоотношения воспитанников и наставников, отсутствие у ряда семинаристов искреннего желания получать богословское образование (сюда они поступали лишь потому, что происходили из духовного сословия) способствовали тому, что в семинарской среде зарождались протестные настроения, формировались нелегальные организации [7, с. 14]. А на заре 1860-х гг. начали появляться нелегальные кружки (кружки самообразования), организуемые и посещаемые наиболее активными и, как правило, успешными в учебе семинаристами [7, с. 15].

В исследовании Т.А. Павленко приводятся количественные данные, характеризующие протестное движение в семинариях Русской православной церкви XIX в.: на основе доступных сведений автор подсчитала, что в 1827–1904 гг. произошло 59 волнений, 39 бунтов, 14 забастовок, шесть демонстраций протеста, четыре уличные демонстрации и две похоронные, восемь покушений на представителей церковной власти и учебной администрации, несколько бойкотов, взрывов и поджогов (пострадали здания 14 семинарий); в период с 1860 по 1904 г. воспитанники семинарий замечены в составе 64 нелегальных организаций, семинаристами организованы 14 библиотек (частных, тайных), 21 журнал [7, с. 14–15].

Очень большое влияние на формирование протестных и даже революционных настроений в семинарской среде сыграла общая либерализация общественной жизни в период царствования Александра II, модернизационные процессы 60–70-х гг. XIX в. Церковная реформа была направлена, в частности, на то, чтобы сделать духовное сословие привилегированным и уважаемым, имеющим реальное влияние на массы (что было необходимо для обеспечения социально-политической стабильности), его представители соответствовали характеристикам элиты. Логично, что их самосознание росло, а вместе с повышением статуса духовенства и размыванием сословных границ, заявленными в качестве целей церковной реформы, вместе с допущением открытой дискуссии о проблемах и чаяниях духовного сословия повышались и его социальные требования, что выражалось в том числе в протестных настроениях и действиях семинаристов и их наставников.

Данная работа вносит вклад в изучение протестного, прореволюционного движения в Пермской духовной семинарии. Хронологические рамки исследования ограничены периодом с конца 1850-х гг., когда в Перми зародился либеральный кружок разночинной интеллигенции под руководством Д.Д. Смышляева, членом которого являлся А.И. Иконников, до 1862 г., когда была разгромлена нелегальная революционная организация во главе с последним.

Кружок Д.Д. Смышляева имел культурно-просветительскую направленность, был легальным и включал в себя представителей духовного сословия – преподавателей Пермской духовной семинарии. Неформальным лидером этой группы стал 25-летний преподаватель философии Александр Иванович Иконников – сын диакона, окончивший Пермскую духовную семинарию, а в 1855 г. успешно защитивший диссертацию и получивший степень магистра в Казанской духовной академии, коллежский асессор [3, ч. 3, с. 672].

Его популярность среди воспитанников семинарии была обусловлена демократичностью (так, например, один из семинаристов вспоминал эпизод, когда А.И. Иконников впервые вошел в класс и поклонился воспитанникам, что поразило их и привлекло, поскольку у наставников было не принято отвечать на поклоны учеников) [18]. И несмотря на то что А.И. Иконников в 1857 г. перешел на службу в канцелярию пермского губернатора, уволившись из духовного ведомства, он не порвал связи с семинарией, способствуя присоединению к кружку Д.Д. Смышляева ее молодых преподавателей, среди которых были выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия А.Н. Моригеровский, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии А.В. Стефановский, а также преподаватели А.Г. Воскресенский, А.П. Орлов, И.Я. Попов.

А.И. Иконников был одним из инициаторов проведения в Перми литературно-музыкальных вечеров. Совместно с преподавателем семинарии А.А. Воскресенским и членом Пермской духовной консистории Я.Ф. Поповым в начале 1859 г. он создал частную библиотеку, включавшую актуальную русскоязычную периодику. Для пополнения «библиотеки Иконникова» выписывались четыре газеты, включая «Санкт-Петербургские ведомости» (старейшая регулярная

российская газета, первый номер которой выпущен 2 января 1728 г. Академией наук, литературно-политическая газета), «Московские ведомости» (одна из старейших российских газет, основанная в 1756 г. как издание Московского университета и ставшая к началу XX в. ведущим органом правомонархического движения) и «Пермские губернские ведомости», а также 21 журнал в 32 экземплярах. Плата за пользование библиотекой составляла 5 рублей в год и считалась умеренной [19, с. 54–58].

Постепенно от совершенно легального, просветительского направления «церковно-семинарское» крыло кружка стало отходить, радикализируясь к окончанию 1850-х гг. В результате на его базе под началом А.И. Иконникова сформировалась нелегальная революционная организация, в рамках которой было принято решение о поддержке программы революционно-демократических преобразований, выработанной Н.Г. Чернышевским и его окружением. Образовался Пермский кружок революционных просветителей. А.И. Иконников и его соратники начали конспиративную революционную агитацию в рядах воспитанников Пермской духовной семинарии.

Она дала плоды, и в 1860 г. в семинарии появилось Пермское тайное общество – кружок, членами которого стали студенты старших классов: Иван Золотов, Феодосий Некрасов, Платон Рычков, Василий Тихомиров, Аркадий Топорков (философский класс) и Николай Вишневецкий, Илья Кудрявцев, Евгений Кыштымов, Геннадий Удинцев, Филитер Хитров (богословский класс). Юноши-семинаристы, мотивируемые старшими товарищами по тайному обществу, выражали недовольство и вступали в конфликты с начальством учебного заведения. А уже в марте 1860 г. от ректора семинарии архимандрита Палладия (Пьянкова) в семинарское правление последовало сообщение, что воспитанникам предоставляют недозволенные для чтения светские журналы и газеты, содержащие антиправительственные и антирелигиозные идеи. Таковую периодику среди воспитанников семинарии распространял один из наставников – Александр Воскресенский, который вскоре был уволен [3, ч. 4, с. 36–37].

Однако идеи, изложенные в изданиях, которые он давал читать семинаристам, нашли отклик в их среде. Об этом свидетельствовало, например, анонимное письмо, полученное ректором 17 ноября 1860 г. В нем семинаристы угрожали «разными потрясениями», в частности обещали разбить окна, а что особенно важно в свете изучения темы развития протеста и революционного брожения в семинарской среде, уже выдвигали целый ряд требований к начальству, которые предполагали реформирование правил внутренней жизни учебного заведения.

Автор письма и другие недовольные семинаристы, которых, как было указано в письме, насчитывалось 200 человек, требовали отказаться от практики использования информации донощиков из среды семинаристов и получать ее исключительно законным путем; не лишать воспитанников общения с «добрыми людьми», разрешить посещение вечерних светских собраний – литературно-музыкальных вечеров, театральных спектаклей; позволять семинаристам брать книги из общественной библиотеки; предоставить им право избирать «старших» большинством голосов; улучшить питание; сократить богослужения и не допускать «прибавлений против устава», отказаться от практики стояния в церкви по классам в рядах по-солдатски; обращаться с семинаристами вежливо и гуманно, принимать к сведению их оправдания при назначении им наказаний; «не преследовать костюм учеников» (кроме неуставной одежды). В случае игнорирования требований недовольные обещали жаловаться в Святейший синод [3, ч. 4, с. 36–37].

Назначенная ректором следственная комиссия установила, что многие из протестующих (которых было выявлено не 200, а 61, из них 13 студентов низшего отделения, 22 – среднего, 26 – высшего) до этого уже совершали дисциплинарные нарушения: пьянствовали, играли в карты, читали «Гавриладиу», «Диковинки» и прочие запрещенные сочинения, а в результате обысков на квартирах воспитанников семинарии были обнаружены картинки и стихи против начальствующих и монашествующих [3, ч. 4, с. 36–37].

Было также установлено, что в библиотеке А.И. Иконникова и других местах семинаристы – члены кружка встречались с личностями, находившимися под надзором полиции: студентом Романом Шиловским – «праздношатающимся вольнодумцем», «страстным оратором и агитатором», политическим ссыльным Петром Ефименко – исключенным из Казанского университе-

та, активным членом разгромленного полицией революционного общества, действовавшего в Харькове и Киеве [20, с. 74–75].

9 марта 1861 г. в Перми был получен Высочайший манифест об освобождении крестьян из крепостной зависимости. Однако пока общественность отмечала это событие, А.И. Иконников и его единомышленники продолжали деятельность, направленную против существующего политического строя, занимаясь перепиской и распространением прокламации «Послание старца Кондратия». Текст был написан от лица 108-летнего «благочестивого и богобоязненного» старца Кондратия, принимавшего откровения от Господа и видевшего пророческие видения.

Но в действительности автором первого варианта «Послания старца Кондратия» являлся бывший петрашевец В.А. Энгельсон, в 1854 г. прокламация была напечатана в лондонской типографии Герцена, а затем сотни экземпляров ее попали в Россию различными путями: через Константинополь, Белград и Балтийское море [21, с. 60–65]. В Пермь же прокламацию в 1857 г. привез А.Н. Моригеровский, обнаруживший один из экземпляров ее в комод на съемной квартире в Санкт-Петербурге [22, л. 13 об.]. Формально «Послание старца Кондратия» было адресовано старообрядцам, но фактически, судя по тексту, его аудиторией должна была стать широкая группа религиозных людей: автор не обращался непосредственно к старообрядцам, но говорил о православных людях, которые не кланяются «власти антихристовой» [22, л. 16 об. – 17].

В 1861 г. вышеназванный радикально настроенный преподаватель Пермской духовной семинарии самостоятельно трансформировал «Послание» в объемное произведение (писарская копия заняла 23 страницы). Учитывая, что в Пермской губернии было сосредоточено значительное число старообрядцев различных согласий, замысел прокламации вполне объясним. Переписыванием этого текста занимались пермский семинарист А. Попов и его единомышленники по революционному кружку [22, л. 15–26].

Автор «Послания» критиковал преследования властями старообрядцев, контроль за их религиозной жизнью с помощью «воинств» (полицейских чиновников). Но «Послание» выходило далеко за рамки критики отношения к старообрядцам и распространяло критику на весь общественный строй Российской империи. Императора называли антихристом, представителей власти – его слугами. Ссылаясь на библейские цитаты об антихристе, автор причислял к «козням врага» и назвал «лестью антихристовой» разделение на сословия, распространение разврата среди дворян, почитание государей, браки между представителями царствующего дома и «чужеземных» династий, «лживую видимость» заботы царя о народе. В прокламации содержались также прямые призывы объединяться и уничтожить «всяких повелителей и начальников», заменяя их на «верных слуг обществу». Также предлагалось обогащать свой разум познаниями, а прогрессивным людям – строить новое государство на началах разума, под управлением выборных людей [23, с. 61].

Представляется, что бунтари-семинаристы для себя «власть антихристову» трактовали как иносказательное обозначение власти пермского семинарского начальства. Доносчики из числа семинаристов выдали имена распространителей прокламации ректору, а начавшееся следствие позволило выявить всех членов тайного кружка. Замешанные в деле семеро воспитанников Пермской семинарии находились под арестом в течение месяца, после чего были отпущены на свободу. А.Н. Моригеровский, который также был арестован, в ходе следствия принес покаяние и был выслан в Тотьму [22, л. 34].

Затем и семинаристы, принимавшие участие в переписке и распространении «Послания», были исключены из учебного заведения. Однако на этом волнения в Пермской духовной семинарии не завершились. Разоблаченные бывшие семинаристы продолжили собираться при частной библиотеке А.И. Иконникова, через своих товарищей распространять радикальные идеи среди учащихся семинарии и провоцировать их на протестные действия.

В Великий пост 1861 г. ректору семинарии архимандриту Дорофею (Школьницкому) поступила новая «буйная записка», в которой семинаристы призывались к открытому бунту против семинарского начальства и предъявляли в том числе и более дерзкие требования по сравнению с теми, которые излагались в первой записке: отмена нравственного журнала (для записи дисциплинарных нарушений); замена старших; улучшение питания и лечения; разрешение курить табак и читать все книги; отмена всех наказаний [22, л. 41].

Архиепископ Пермский и Екатеринбургский Неофит (Соснин) докладывал 30 мая 1861 г. первенствующему члену Святейшего синода митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому и Финляндскому Исидору (Никольскому) о беспорядках в Пермской семинарии: «Долг пастырского попечения о духовном вертограде наук побуждает меня донести Вам, к сожалению, о внутреннем расстройстве в семинарии Пермской... 26 мая 1861 г. был арестован полицией по распоряжению губернатора учитель семинарии кандидат Моригеревский, сознавшийся при допросе в распространении возмутительных бумаг, которые давал переписывать ученикам с платою денег. О сем открытии таившегося зла господин начальник губернии донес и Государю Императору, и я не смею умолчать пред Вашим Высокопреосвященством» [Цит. по: 3, ч. 4, с. 33].

Министр внутренних дел граф П.А. Валуев в докладе царю давал следующую характеристику пермскому кружку Иконникова: «Кружок этот соединен между собою единством направления и участи. Часть исключенных из семинарии воспитанников, особенно преданных Иконникову, или родственников его, жила при библиотеке и содействовала главному деятелю этого кружка Иконникову как в распространении вредных сочинений, так и в приведении в исполнение... преступных замыслов его. Кружок этот сохранил связь с воспитанниками семинарии и через них старался действовать на население губернии и даже влиять вне оной на Казанский университет и духовную академию» [Цит. по: 18].

По предложению министра, которое в июне 1861 г. одобрил Александр II, А.И. Иконникову было сделано «строгое внушение», а Пермскому губернатору А.Г. Лашкареву поручено «наблюдать за его действиями и образом мыслей, и ежели он окажется вредным, то удалить из губернии». Тем не менее А.И. Иконников, служивший при губернаторе чиновником, смог убедить А.Г. Лашкарева в своей невинности, избежать наказания и вскоре даже получил повышение по службе (будучи в октябре 1861 г. назначенным старшим чиновником особых поручений при губернаторе). Пермское тайное общество, во главе которого находился А.И. Иконников, не завершило свою деятельность и даже активизировало ее через непродолжительное время. В Перми и Пермской губернии революционеры-разночинцы стали распространять запрещенные лондонские издания и прокламации собственного сочинения «Пора» и «Воля»; в конце 1861 г. бывший семинарист Н. Вишневецкий привез из Казани воззвание «К молодому поколению»; тиражировались и распространялись и другие листовки – с текстами деятелей революционного движения М.И. Михайлова, Н.П. Огарёва, Н.В. Шилгунова. По инициативе А.И. Иконникова для распространения революционных прокламаций были задействованы семинаристы, которые уезжали на рождественские каникулы: Александр Боголюбов, Михаил Констанский, Иван Коровин, Илья Пономарев и др. Появилась даже идея организации в Перми тайной типографии. Но действия распространителей прокламаций в Чермозе и Нытве были раскрыты, их арестовали, а о попытках изготовить литографический станок донес в полицию монархически настроенный солдат пермской батальонной типографии Семен Кулышев, задействованный для его изготовления [18]. Так была раскрыта революционная организация А.И. Иконникова.

В феврале 1862 г. по указанию пермского губернатора А.Г. Лашкарева для расследования дела «О распространении рукописей возмутительного содержания» была создана особая комиссия, которая обвинила А.И. Иконникова в том, что он способствовал распространению запрещенных сочинений, что в его квартире находились лица, служившие в этом деле посредниками, а сам он принимал участие в составлении сочинений вредного содержания. Деятельностью А.И. Иконникова и его тайного революционного общества решило всерьез заняться Министерство внутренних дел. В мае 1862 г. для проведения следствия в Пермь был направлен флигель-адъютант императора Александра II подполковник Н.В. Мезенцев. Ему и созданной им комиссии было предписано расследовать дело «об изготовлении литографического станка» и дело «о распространении злоумышленных сочинений и о библиотеке чиновника Иконникова». В результате действий следственной комиссии в июне 1862 г. частная библиотека А.И. Иконникова, ставшая в 1860–1861 гг. местом встреч революционно настроенной молодежи, была закрыта. Самому А.И. Иконникову угрожала каторга. 28 июля 1862 г. Александр II утвердил решение особого совещания, согласно которому взятого под стражу и уволенного со

службы А.И. Иконникова следовало «выселить на жительство в один из отдаленных городов Западной Сибири... без права поступления на службу и с учреждением над ним строгого полицейского надзора». А.И. Иконников был отправлен в ссылку в Березов, активные члены его революционной группы Ф. Некрасов, В. Тихомиров, Н. Вишневецкий также были сосланы в отдаленные места [18].

В августе 1862 г. губернатор А.Г. Лашкарев уведомил ректора Пермской семинарии архимандрита Вениамина (Карелина), что «Государь Император, по всеподданнейшему министра внутренних дел докладу исследования о злонамеренных действиях лиц Пермского кружка, открытых в изготовлении в Перми литографического станка для отпечатывания возмутительного сочинения, в распространении рукописей преступного содержания... повелел двоих наставников семинарии подвергнуть полицейскому надзору...» В свою очередь, начальник губернии просил ректора иметь за ними свой секретный надзор... Однако ректор не стал церемониться. Все подозреваемые в связях с революционерами преподаватели Пермской семинарии были уволены со службы «за вредное влияние на учеников» [3, ч. 4, с. 61].

Рассмотренные в статье события – наглядный пример рецепции в семинарской среде именно революционных взглядов за полвека до революции 1905–1907 гг., участие семинаристов в которой хотя и односторонне, но все же серьезно изучалось в советский период. Данный пример показывает, что уже задолго до начала XX в., времени, которое считается периодом расцвета семинарских бунтов, в духовной школе среди преподавателей и воспитанников находили понимание революционные идеи, складывались бунтарские «школы». И в семинарской среде они находили благодатную почву в связи с бытовыми и организационными проблемами, имевшими место в духовных учебных заведениях, ростом самосознания семинаристов и их недовольства по поводу отношения к ним наставников и руководства семинарии. Безусловно, и сами Великие реформы, среди которых была и церковная, модернизация и либерализация в эпоху Александра II, приведшие в движение различные слои жизни общества, в качестве побочного эффекта имели рост открытого недовольства представителей духовного сословия условиями своей жизни и служения, которое ощущали и дети духовенства, обучающиеся в семинариях. В их среде оно выражалось неповиновением, бунтами. Однако именно революционная составляющая не была характерна для семинарских движений до конца XIX в. Тем более интересно развитие движения на основе революционной идеологии в Пермской духовной семинарии, прошедшего путь от легального кружка самообразования до тайного общества, осуществлявшего антиправительственную деятельность и являвшегося по сути филиалом более крупной и разнобразной по составу подпольной организации – Пермского кружка революционных просветителей.

Список источников

1. История Санкт-Петербургской православной духовной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб.: Синодальная тип., 1885. 660 с.
2. *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии : в 2 т. Вып. 1–2. Вильна: Русский почин, 1908–1909.
3. *Иероним (Лаговский)*, архимандрит. История Пермской духовной семинарии : в 3 т. Ч. 1–4. 2-е изд. Екатеринбург: Изд. священника И.В. Шестакова, 1900–1901.
4. *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция: из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л.: Гос. изд-во, 1924. 166 с.
5. *Хуцишвили М.* Грузинский экзархат на службе колониальной политики царизма (1801–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972. 22 с.
6. *Зангиев Х.М.* Ардонская семинария : ист. очерк. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1965. 80 с.
7. *Павленко Т.А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период первой российской революции: 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 21 с.
8. *Усатая Н.Н., Артюхин О.А., Палкин В.В., Дудукалов Е.В.* Концептуальная модель профессионального пространства политико-административной элиты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 144–147.

9. Дудукалов Е.В., Федорова Н.В. Деятельность Русской православной церкви по восстановлению системы духовно-нравственного воспитания и взаимодействие с интеллектуальной и политико-административной элитами на региональном уровне (1990–2000-е гг.) // Стратегии развития общества и социальная работа : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (12–14 ноября 2019 г.). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2020. С. 210–217.
10. Конюченко А.И. Духовное образование в Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. 23 с.
11. Данилов А.Г. Интеллигенция Юга России в конце XIX – начале XX века. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2000. 358 с.
12. Герасимова Н.Е. Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 28 с.
13. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
14. Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX века) // Новый ист. вестн. 2017. № 2 (52). С. 39–56.
15. Попова О.Д. Протестное движение воспитанников Пермской семинарии // Уральский ист. вестн. 2019. № 1 (62). С. 87–95.
16. Shadrina A.V. Protest Movement in the Don Theological Seminary in 1901–1907 and Its Special Features // Russkaya Starina. 2018. № 9 (2). С. 146–158.
17. Шадрина А.В. История Донской духовной семинарии / отв. ред. Л.В. Мининкова. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. 480 с.
18. Иконников Александр Иванович // Революционеры Прикамья. URL: [https:// www.permgaspi.ru/db/revolutionaries/index.php?article=49](https://www.permgaspi.ru/db/revolutionaries/index.php?article=49) (дата обращения: 01.08.2022).
19. Пигалева С.В. Частные библиотеки с публичным доступом в 1850–1870-х гг.: коммерческий проект или общественная польза? (на материалах г. Перми) // Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2013. Вып. 3 (35). С. 54–58.
20. Корчагин П.А. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь, 2009. 126 с.
21. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый : док. публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археограф. центр, 1997. 570 с.
22. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 36. Д. 148.
23. Кириллов В.Л. О некоторых примерах использования религиозных мотивов в революционной пропаганде 1850–1860-х гг. // Изв. Иркутского гос. ун-та. История. 2014. Т. 9. С. 60–65.

References

1. *History of the St. Petersburg Orthodox Theological Seminary, with an overview of general regulations and measures regarding the structure of the seminary. 1809-1884.* St. Petersburg: Synodal Printing House; 1885. 660 p. (In Russ.).
2. Titlinov B.V. Theological school in Russia in the 19th century: in 2 vols. Vilna: Russkii pochin Publ.; 1908-1909;(1-2). (In Russ.).
3. Jerome (Lagovsky), Archimandrite. *History of the Perm Theological Seminary*: in 3 vols. Parts 1-4. 2nd ed. Yekaterinburg: Published by priest I.V. Shestakov; 1900-1901. (In Russ.).
4. Titlinov B.V. *Youth and revolution: from the history of the revolutionary movement among students of theological and secondary educational institutions. 1860-1905.* Leningrad: State Publishing House; 1924. 166 p. (In Russ.).
5. Khutsishvili M. *The Georgian Exarchate in the service of the colonial policy of tsarism (1801-1917).* Dissertation Thesis. Tbilisi, 1972. 22 p. (In Russ.).
6. Zangiev H.M. *Ardon Seminary: a historical essay.* Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House; 1965. 80 p. (In Russ.).
7. Pavlenko T.A. *Protest movement of students of Orthodox seminaries during the First Russian Revolution: 1905-1907.* Dissertation Thesis. St. Petersburg, 2009. 21 p. (In Russ.).
8. Usataya N.N., Artyukhin O.A., Palkin V.V., Dudukalov E.V. Conceptual model of the professional space of political and administrative elite. *Nauka i obrazovanie: hozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economics and National Economy; Entrepreneurship; Law and Management.* 2018;(12):144-147. (In Russ.).
9. Dudukalov E.V., Fedorova N.V. The activities of the Russian Orthodox Church to restore the system of spiritual and moral education and interaction with the intellectual and political-administrative elites at the regional level (1990-2000s). *Strategies for the development of society and social work.* Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (November 12-14, 2019). Rostov-on-Don, Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2020:210-217. (In Russ.).

10. Konyuchenko A.I. *Theological education in the Orenburg diocese in the second half of the 19th - early 20th century*. Dissertation Thesis. Chelyabinsk, 1996. 23 p. (In Russ.).
11. Danilov A.G. *The intelligentsia of the South of Russia in the late 19th - early 20th century*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House; 2000. 358 p. (In Russ.).
12. Gerasimova N.E. *Secondary theological education in the Yaroslavl and Kostroma provinces in the second half of the 19th - early 20th century*. Dissertation Thesis. Yaroslavl, 2001. 28 p. (In Russ.).
13. Leont'eva T.G. *Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the 19th - early 20th century*. Moscow: Novyi khronograf Publ.; 2002. 253 p. (In Russ.).
14. Popova O.D., Popova A.D. *Rebellious Seminary: protest movement in theological educational institutions (second half of the 19th - beginning of the 20th century)*. *Novyi istoricheskii vestnik = New Historical Bulletin*. 2017;(2):39-56. (In Russ.).
15. Popova O.D. *Protest movement of students of Perm Seminary*. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Bulletin*. 2019;(1):87-95. (In Russ.).
16. Shadrina A.V. *Protest Movement in the Don Theological Seminary in 1901-1907 and its Special Features*. *Russkaya Starina = Russian Antiquity*. 2018;(9):146-158. (In Russ.).
17. Shadrina A.V. *History of the Don Theological Seminary*. Ed. by L.V. Mininkova. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2019. 480 p. (In Russ.).
18. Ikonnikov Alexander Ivanovich. *Revolutionaries of the Kama region*. Available from: <https://www.permgaspi.ru/db/revolutionaries/index.php?article=49> [Accessed 1st August 2022]. (In Russ.).
19. Pigaleva S.V. *Private libraries with public access in the 1850s-1870s: commercial project or public benefit? (on the materials of the city of Perm)*. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2013;(3):54-58. (In Russ.).
20. Korchagin P.A. *Perm Society: the provincial era*. Perm, 2009. 126 p. (In Russ.).
21. Rudnitskaya E.L., ed. *Revolutionary radicalism in Russia: the 19th century*. Documentary publication. Moscow: Archaeological Center Press; 1997. 570 p. (In Russ.).
22. *State Archive of the Russian Federation*. Fund 109. In. 36. File 148. (In Russ.).
23. Kirillov V.L. *On some examples of the use of religious motives in the revolutionary propaganda of the 1850s-1860s*. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Proceedings of Irkutsk State University. History*. 2014;9:60-65. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Н. Марченко – протоиерей, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор, начальник отдела докторантуры.

Information about the author

A.N. Marchenko – Archpriest, Doctor of Science (History), Doctor of Church History, Professor, Head of the Doctorate Department.

Статья поступила в редакцию 09.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 09.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 930.251 [321]
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-55-58

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ИНСИГНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Александр Николаевич Мачульский

Научно-исследовательский институт полупроводникового машиностроения, Воронеж, Россия
e6811@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы развития акта инвеституры и сопровождающего его комплекса инсигний в контексте государственной идеологии в период становления централизованного Русского государства и влияние данного социально-политического феномена на формирование государственной символики России. Эволюция комплекса инсигний централизованного государства XV–XVII вв. дает возможность изучить исторический процесс становления, формирования и развития комплекса государственных регалий Русского государства во всей совокупности объективных фактов и источников, в их логической и хронологической последовательности. Представлены версии происхождения двуглавого орла. Эволюция комплекса инсигний и политически обоснованного акта инвеституры, имеющих глубокие исторические корни, с одной стороны, и стремление нашего государства к открытости и интеграции в мировое политическое пространство – с другой, является одной из важных проблем развития страны.

Ключевые слова: инсигнии, инвеститура, титулатура, гербы, геральдика, сфрагистика, идеология, государство

Для цитирования: Мачульский А.Н. Отдельные аспекты эволюции инсигний в контексте развития основ государственной идеологии в период становления Русского государства // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 55–58.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF INSIGNIA IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE FOUNDATIONS OF STATE IDEOLOGY DURING THE FORMATION OF THE RUSSIAN STATE

Alexander N. Machulsky

Research Institute of Semiconductor Machine Building, Voronezh, Russia
e6811@mail.ru

Abstract. The article examines certain issues of the development of the act of investiture and the accompanying complex of insignia in the context of state ideology during the formation of the centralized Russian state and the influence of this socio-political phenomenon on the formation of the state symbols of Russia. The evolution of the complex of insignia of the centralized state of the 15th-17th centuries make it possible to study the historical process of the formation, formation and development of the complex of state regalia of the Russian state in all its objective facts and sources, in their logical and chronological sequence. The versions of the origin of the double-headed eagle are presented. The evolution of the complex of insignia and the politically justified act of investiture, which have deep historical roots, on the one hand, and the desire of our state for openness and integration into the world political space, on the other, is one of the important problems of the country's development.

Keywords: insignia, investiture, titlature, coats of arms, heraldry, sphragistics, ideology, state

For citation: Machulsky A.N. Some Aspects of the Evolution of Insignia in the Context of the Development of the Foundations of State Ideology During the Formation of the Russian State. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(4):55-58. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Российская геральдика начала формироваться в последней четверти XVII в. во времена становления централизованного государства. Этот исторический период, «...продолжавшийся два с лишним столетия от завершения объединения русских земель до новой России времен царствования Петра Великого, на начальной стадии представлял типичное позднее средневековье, когда аналогичные объединительные процессы развертывались и в других странах Европы...» [1, с. 104].

В ходе исследования литературы, источников и архивных материалов были выявлены основные государственные регалии, составлявшие комплекс символов власти, используемых при инвеституре в период формирования централизованного государства. Во-первых, для русских князей определяющим фактором являлся не столько титул, венчание или священное помазание, сколько принадлежность к княжескому роду. Во-вторых, в XVI–XVII вв. коронационная литература упоминает Владимира Мономаха и его сына Всеволода как введших обычай наделения князей регалиями, которые современники связывали с Византией. В-третьих, к числу русских инсигний относились трон (изначально «стол»), скипетр (от греческого «скептрон» – посох, опора). К европейской традиции государственных регалий относятся венцы и короны, а для Руси характерна шапка Мономаха; держава или «яблоко великодержавное»; печать и меч. Вопрос о включении в число княжеских регалий так называемой кочь-мантии является дискуссионным. По мнению исследователей, атрибуты власти, участвующие в церемонии инвеституры, венчания или коронации главы государства, со временем превращались в носители государственной идеи [2, с. 289].

Средневековое Русское (Московское) государство имело свои эмблемы, но они в тот период времени не носили геральдического характера. Иными словами, не были постоянно в употреблении и не могли быть идентификатором того или иного исторического лица. Тем не менее существовала своего рода система эмблем, знаков, которую так или иначе можно отнести к системам, имеющим геральдические признаки, но каждый отдельный элемент ее не мог являться гербом, за исключением разве что «знаков Рюриковичей». На средневековых русских печатях и монетах, в особенности княжеских, можно было встретить разнообразные эмблемы, но они носили временный, пусть и неслучайный, характер. В частности, изображение всадника стало довольно распространенным среди московской княжеской династии. Совместно с этой эмблемой потомки Ивана Калиты использовали на своих печатях и монетах и другие символы.

Только с конца XV – начала XVI в. изображения всадника-змеборца и двуглавого орла стали постоянными элементами печатей великих князей московских и русских царей. Другими словами, эти символы получили определенный геральдический статус. Таким образом, истоки российской государственной геральдики восходят к концу XV в., эпохе правления Ивана III, периоду формирования централизованного Русского (Московского) государства. По крайней мере одна из государственных геральдических эмблем (всадник) произошла от династического символа. Термин «герб» в отношении русских государственных эмблем впервые официально зафиксирован в царском указе 1667 г. При этом следует отметить, что тогда понятия государственного герба и герба царского, т. е. герба самого монарха, не разделялись. Начиная с царствования Василия III в государственной символике Московского государства стала постоянной практика соединения изображений всадника и двуглавого орла. Это позволяет с уверенностью утверждать, что в тот период уже закладывались основы государственного герба России, хотя сам термин «герб» еще не использовался. Здесь нельзя обойти вниманием версии происхождения двуглавого орла на печати Иоанна III.

Одной из часто обсуждаемых версий происхождения двуглавого орла как государственного символа России является его заимствование из Византии. Данная версия основывается на браке великого князя Иоанна III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского импера-

тора Константина XI Драгаза [2] в 1472 г. Герб или знак рода Палеологов представлял собой изображение золотого двуглавого орла на красном фоне [3, с. 24]. При этом необходимо подчеркнуть, что знак рода Палеологов не был официальным гербом Византии. Использование этого символа в качестве государственной эмблемы на Руси позволило утверждать о преемственности византийской и русской культурных традиций [4, с. 116]. Данной точке зрения придерживаются многие зарубежные и отечественные историки, например Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов [5, с. 122] и др.

Существует версия, согласно которой появление двуглавого орла на русских печатях связано с осознанием русскими государями сходства атрибутов верховной власти в странах Западной Европы и на Руси. Эта версия опирается на символический опыт дома Габсбургов, из которого происходили императоры Священной Римской империи. В XVII в. в русских правительственных и церковных кругах получила распространение идеологическая и политическая доктрина «константинопольского наследия» («Москва – Третий Рим»). Эта доктрина имела явную политическую направленность, обосновывая растущую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире. Она утверждала преемственность России по отношению к Риму и Византии, определяя ее как центр православия после их падения [6].

По мнению ведущего специалиста в области государственной геральдики Г. В. Вилинбахова, двуглавый орел на русских печатях – одно из внешних проявлений данной политической идеи [7, с. 25]. Немецкий ученый М. Хелльманн поддерживает эту версию, настаивая на том, что двуглавый орел был непосредственно заимствован из Священной Римской империи [8, S. 332–338]. Это же мнение присутствовало в работах американского исследователя Г. Алефа, вышедших во второй половине XX в. [9]. В современной литературе по сфрагистике гипотеза Алефа – Хелльманна приобретает статус общепризнанной [10, с. 29–30].

Еще одна версия предполагает, что Русь заимствовала образ двуглавого орла у южнославянских народов [11]. Под влиянием Византийской империи этот символ был принят в качестве государственного Албанией, Болгарией, Валахией (Румынией), Сербией и Черногорией. В поддержку версии приводятся аргументы о территориальной близости, хронологической последовательности распространения двуглавого орла и тесных связях Руси с соседними странами [12, s. 21–22].

При рассмотрении этих основных версий наше мнение созвучно точке зрения Алефа – Хелльманна [13, с. 633], в которой не уделяется особого внимания трансформации фантастического образа двуглавого орла, а фокусируется на изображении «ездеца» на печатях и монетах того времени. Расположение эмблем на печати Ивана III 1497 г. имеет сходство с европейскими образцами того же периода.

В контексте изучения историко-культурных основ формирования российского института государственных регалий, по нашему мнению, особое значение имеет тезис, что герб, печать, скипетр, держава, корона, мантия и знамя составляли единый комплекс политических символов, олицетворяющих суверенитет Российского государства и единство его территорий.

В итоге на основе анализа отдельных аспектов эволюции инсигний в контексте развития основ государственной идеологии в период становления Русского государства, во-первых, изучены историческая литература, источники, архивные документы на предмет комплексного рассмотрения формирования и развития отечественного акта инвеституры и сопровождающего его комплекса инсигний в контексте развития основ государственной идеологии Русского государства в XV–XVII вв. как социально-политического феномена; во-вторых, сделан акцент на малоизученном периоде XV–XVII вв., оказавшем значительное влияние на развитие атрибутов власти; в-третьих, концептуальные идеи могут послужить базой для дальнейших научных исследований ряда существенных аспектов взаимопроникновения специальных исторических дисциплин.

Список источников

1. Мининкова Л. В. Рецензия на книгу: Козляков В.Н. Московское царство. СПб.: Наука, 2019. 261 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2020. № 2. С. 104–110. Doi: 10.18522/2687-0770-2020-2-104-110.

2. Комаровская Е. П., Мачульский А. Н. Исторические уроки формирования комплекса государственных инсигний России // *Власть*. 2024. № 3. С. 289–292.
3. Пчелов Е. В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV – XVII вв. М.: Старая Басманная, 2011. 204 с.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. Т. 2. 447 с.
5. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1963. 224 с.
6. Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика в России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 105 с.
7. Вилинбахов Г. В. Государственный герб России: 500 лет. СПб.: Славия, 1997. 167 с.
8. Hellmann M. Moskau und Byzanz // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1969. Bd. 17, H. 3. S. 321–344.
9. Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // *Speculum*. 1966. Vol. 41. P. 1–21.
10. Соболева Н. А. Русские печати. М.: Наука, 1991. 239 с.
11. Хорощкевич А. Л. Русско-славянские связи конца XV – начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов: материалы VII Междунар. съезда славистов*. М.: Наука, 1973. С. 405–422.
12. Solovjev A. V. Istorija srpskog grba. Sprska misao, 1958. 158 s.
13. Алеф Г. Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного // *Из истории русской культуры / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. М.: Языки рус. культуры, 2002. Т. 1, кн. 1. С. 621–641.

References

1. Mininkova L.V. Book review: Kozlyakov V.N. Muscovite Kingdom. St. Petersburg: Nauka Publ.; 2019. 261 p. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2020;(2):104-110. Doi: 10.18522/2687-0770-2020-2-104-110. (In Russ.).
2. Komarovskaya E.P., Machulsky A.N. Historical lessons of the formation of the complex of state insignia of Russia. *Vlast' = Power*. 2024;(3):289-292. (In Russ.).
3. Pchelov E.V. *Bestiary of the Muscovite Kingdom: animals in the emblems of Muscovite Rus from the end of the 15th to the 17th century*. Moscow: Staraya Basmannaya Publ.; 2011. 204 p. (In Russ.).
4. Klyuchevsky V.O. *Course of Russian history*. Moscow: Mysl' Publ.; 1987. Vol. 2. 447 p. (In Russ.).
5. Kamentseva E.I., Ustyugov N.V. *Russian sfragistics and heraldry*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1963. 224 p. (In Russ.).
6. Vilinbakhov G.V. *State heraldry in Russia*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 2003. 105 p. (In Russ.).
7. Vilinbakhov G.V. *State Emblem of Russia: 500 years*. St. Petersburg: Slaviya Publ.; 1997. 167 p. (In Russ.).
8. Hellmann M. Moscow and Byzantium. *Yearbooks on the history of Eastern Europe*. Wiesbaden, 1969;17(3):321-344. (In German).
9. Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View. *Speculum*. 1966;41:1-21.
10. Soboleva N.A. *Russian prints*. Moscow: Nauka Publ.; 1991. 239 p. (In Russ.).
11. Khoroshkevich A.L. Russian-Slavic relations of the late 15th - early 16th century and their role in the formation of national consciousness of Russia. *History, culture, ethnography and folklore of the Slavic peoples*. 7th International Congress of Slavists. Moscow: Nauka Publ.; 1973:405-422. (In Russ.).
12. Soloviev A.V. *History of the Serbian coat of arms*. Serbian thought; 1958. 158 p. (In Croatian).
13. Alef G. Borrowing of the double-headed eagle by Moscow: the point of view of the dissenter. *From the history of Russian culture*. Comp. by A.F. Litvina, F.B. Uspensky. Moscow: Yazyki rus. kul'tury Publ.; 2002;1(1):621-641. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Н. Мачульский – начальник Центра подготовки специалистов.

Information about the author

A.N. Machulsky – Head of the Specialist Training Center.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 02.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 02.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-59-64

ДОНСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Павел Александрович Огорельцев^{1✉}, Мария Александровна Пономарева²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ workpost.ogoreltzev@mail.ru ✉

² ponomariya@sfnedu.ru

Аннотация. Излагается историография и методология анализа периодики, выходившей на территории Ростовской области в начальный период Великой Отечественной войны. Для контент-анализа было задействовано более 100 электронных копий изданий из Донской электронной библиотеки. На основе авторской матрицы были выделены мотивационный и информационный аспекты текстов, описаны количественные и качественные закономерности формирования общественных настроений в поворотный исторический момент. Особое внимание уделено излагаемым фактам, событиям и персоналиям местного значения, на их основе сделаны выводы о вкладе донских СМИ в дело обороны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, периодическая печать, общественные настроения, Ростовская область, обзор прессы, история СССР, источниковедение, текстология

Для цитирования: Огорельцев П.А., Пономарева М.А. Донская периодическая печать и ее роль в формировании общественных настроений в первые месяцы Великой Отечественной войны // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 59–64.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DON PERIODICAL PRESS AS AN ACTOR IN THE FORMATION OF PUBLIC SENTIMENTS IN THE FIRST MONTHS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Pavel A. Ogoreltsev^{1✉}, Maria A. Ponomareva²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ workpost.ogoreltzev@mail.ru ✉

² ponomariya@sfnedu.ru

Abstract. The article presents the historiography and methodology of analysis of periodicals published in the Rostov region in the initial period of the Great Patriotic War. More than 100 electronic copies of publications from the Don Electronic Library were used for content analysis. Based on the author's matrix, the motivational and informational aspects of the texts were identified, quantitative and qualitative patterns of the formation of public sentiment at a turning point in history were described. Particular attention is paid to the presented facts, events and personalities of local significance, on their basis conclusions were made about the contribution of the Don media to the defense.

Keywords: The Great Patriotic War, periodical press, public sentiment, Rostov region, press review, history of the USSR, source studies, textual criticism

For citation: Ogoreltsev P.A., Ponomareva M.A. Don Periodical Press as an Actor in the Formation of Public Sentiments in the First Months of the Great Patriotic War. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):59-64. (In Russ.).

© Огорельцев П.А., Пономарева М.А., 2024

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

По мере рассекречивания архивных материалов, расширения научно-методологической и технической базы проводимых изысканий, а также актуализации идеологического нарратива в соответствии с потребностями настоящего времени по-новому повышается значимость истории Великой Отечественной войны в российском социуме. Именно периодическая печать как в середине XX в., так и в XXI в. является основным коммуникационным каналом между тылом и фронтом, гражданскими и военными. В годы Великой Отечественной войны газеты, журналы, листки были для большинства граждан единственным источником новостей с поля боя. Союзные и региональные печатные издания выпускались в разных форматах, на разных языках, выходили по собственному графику. Однако задача у них стояла общая – сформировать мнение, мотивировать народ на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами и таким образом успешно реализовать цели военного времени.

Очевидно, что в зависимости от статуса и локализации издания, варьировались семантико-лингвистические, смысловые и культурные особенности подачи текстов. Именно поэтому для формирования адекватного отпечатка эпохи, качественной передачи чаяний и устремлений населения важно не только рассматривать единичные примеры крупных партийных, государственных или отраслевых газет, но и обращать внимание на региональные комплексы изданий, так как в зависимости от степени вовлеченности территории в крупномасштабный конфликт были созданы уникальные примеры конструирования мотивационных стратегий на местах. Кроме того, малотиражные издания выступают в качестве неочевидной, но важной для анализа информации, которая в силу разных причин просачивалась сквозь сито местной цензуры. Поэтому картина реальности, конструируемая ими, далеко не всегда повторяет изложенную информацию в центральных изданиях.

В контексте данного исследования мы взяли за основу выпуски газет в Ростовской области. С точки зрения географической принадлежности они выступают интересным примером трансляции общественных нарративов. С содержательной точки зрения выпуски широкоинформативны, раскрывают различные сферы общественной жизни в военное время. Мотивационно-идеологический компонент наиболее полно отражен в партийной прессе. В выпусках прослеживаются обе функции военного времени: информационная и агитационная. Кроме того, отличительные особенности периодической печати Дона, а также способность южных газет сформировать и отразить локальные общественные настроения представляют большой научный интерес в свете празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Локальная периодическая печать Ростовской области в советское время характеризуется достаточно разветвленной сетью: практически в каждом населенном пункте имела собственная газета. Другой вопрос заключается в степени фактической доступности этих источников. На электронном ресурсе «Донская электронная библиотека» собран богатый материал, в том числе включающий в себя издания военного времени.

Нами сначала отбирались цифровые копии листов, вышедших в качестве рупора официальной власти. Альтернативная периодическая печать – издаваемые оккупационными властями, самиздат и подобные материалы – не вошла в сферу реализуемых задач настоящей статьи, хотя и представляет неменьший интерес.

В ходе анализа баз данных на основе географического, социального и тематического критериев были определены следующие наименования для исследования: «Красное Приазовье» (орган Азовского райкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), райсовета и горсовета депутатов трудящихся), «Большевик» (орган Семикаракорского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся), «Большевик Дона» (орган Багаевского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся) и «Колхозный Дон» (орган Верхнедонского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся).

При проведении исследования нами ставилась задача проследить методы, способы и варианты реализации мотивационной и информационной стратегий в избранных газетах в период с весны по зиму 1941 г. Методологически она реализовывалась через использование междисци-

плинарных компетенций с сочетанием теорий микроистории и локальной истории. Первый компонент раскрывается с помощью изучения отдельных выпусков как самостоятельных культурных единиц, причем как с содержательной, так и со структурной точек зрения. Метод насыщенного описания в полной мере позволяет погрузиться в жизнь социума через анализ декларируемых и подразумеваемых словесных конструкций. Второй компонент предполагает анализ конкретных фактов, судеб и событий, происходивших на территории области и её районов в военные годы.

Газеты как локальные агенты исторического действия на территории Донского края существенно отличались от «сестер» союзного масштаба, несмотря на использование общих идеологических и административных метанарративов. Именно поэтому бинарный подход является наиболее выигрышным вариантом, который позволяет приблизиться к объективной картине реальности на местах. Научная новизна этого исследования заключается в характеристике направлений информационного сопровождения локальных ростовских газет, оценке образов лидеров/героев на страницах местной печати, а также в демонстрации мотивационно-волевых установок в рамках декларируемого и скрытого пластов дискурса.

Историография проблемы достаточно широкоформатна. Имеются работы «ведомственного» характера, которые ценны благодаря использованию диахронного метода, например «Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» [1, с. 38–41]. Подобные издания, вышедшие в советское время, хотя и страдают определенной односторонностью трактовок и выводов, позволяют получить сведения, не имеющие аналогов в настоящее время. По мере открытия архивов и улучшения финансового обеспечения археографической деятельности в начале 2000-х гг. стали выходить сборники документов, в которых были скомпонованы в том числе фрагменты союзной печати [2, с. 5–7].

Для нас были важны используемые составителями способы раскрытия различных аспектов пропагандистской работы на оккупированных и освобожденных территориях, что актуально для Донского края. Наличествуют в научной среде новые материалы, которые посвящены феномену локальной периодики, в том числе в Северо-Западном регионе [3] и на территории Ростовской области [4, с. 11]. Здесь практический интерес представляют методы историко-системно-функционального анализа и синтеза, которые позволяют в полной мере зафиксировать переломные моменты, поворотные точки в просветительской и пропагандистской работе на протяжении второй половины 1941 г. Обращение к исследованиям, посвященным конкретным периодам военного конфликта и их отражению в периодической печати, позволяет оценить реакцию общества на фундаментальные события, схожие по эмоциональному значению с началом фашистского вторжения. Весьма показательными работами здесь выступают статья А.Р. Бормотовой о печати Курщины накануне и в период Курской битвы [5], исследование на базе свердловских газет, выходящих в мае 1945 г. [6, с. 184–185].

Так как источниковая база исследования представлена районными и городскими изданиями, не относящимися напрямую к областному центру, важно понимать, что в таких условиях газеты являлись ключевым источником информации для местных жителей. Ни полноценного радио, ни телевидения, ни проводной связи большинство поселений не имело, а потому оставалось надеяться только на устные и письменные (печатные) сообщения. Вторым отдавалось предпочтение, так как зафиксированные от имени правительства или руководителя партии положения, как правило, воспринимались населением без сомнений в их подлинности. Справедливости ради стоит отметить, что многие материалы из «Правды» или «Известий» перепечатывались в них дословно, но главной оставалась все же местная проблематика.

Нами был проведен контент-анализ 102 выпусков вышеуказанных газет за период с апреля по декабрь 1941 г. С началом войны существенно сместились масштабы повествования в количественном плане. Например, в одном из майских довоенных номеров газеты «Красное Приазовье» вопросам районного значения было посвящено 16 тем, а союзного и международного масштаба – 10 [7]. В начале августа вышел № 178, где соотношение изменилось и составило уже 3 к 11, далее оно стабилизировалось в пропорции 1:2, 1:3 [8]. Это произошло из-за добавления различных союзных сводок, нормативных документов и авторских колонок, посвящен-

ных борьбе с захватчиками, а также более широкого освещения международной политической обстановки и союзнических маневров.

Содержательное наполнение также претерпело изменения, отвечающие текущему вызову. Для выделения мотивационного и информационного компонентов в рассматриваемых выпусках была создана оригинальная система критериального отбора сведений, которая включала в себя разделение: а) по степени эмоциональной окраски лексики конкретного текста (коэффициент нейтральности); б) наличию числовых, схематических и иных данных логического (фактического) сопровождения; в) принципу авторства; г) местонахождению материала в структуре номера.

Важно использовать все критерии в совокупности, так как подбор только по одному-двум из них может привести к неверной интерпретации и выводам. В одном из осенних номеров «Большевика Дона» мотивационных статей и заметок было 3 («К женщинам всего мира», «1667 человек участвовало в воскреснике», «Патриот Шкрылев»), а информационных – 4 («Действующая армия», «От советского Информбюро», «Опровержение ТАСС», «Ученики на воскреснике») [9, с. 1–2], хотя при первоначальном беглом просмотре такая картина не наблюдалась.

В выпусках начального этапа войны ростовские издатели использовали разнообразный арсенал текстологических и психологических приемов для закрепления негативного образа врага, важности борьбы с ним и необходимости вклада каждого гражданина в общее дело обороны Родины. На листах изданий часто встречаются окрашенные конструкции, направленные на возбуждение гнева («кровавый фашизм», «прихвостни», «изверги»), единение («единодушно одобряет(ют)», «во всех»), положительную перспективу («разгромим», «будем работать», «нанесем удар»), реализацию общих целей и задач («должны подготовить», «повышать производительность», «сдадим»).

Кроме воздействия на основную целевую аудиторию в виде рядовых селян и горожан, газеты стали методологической основой в области уточнения текущего момента для партийных работников на местах. Наиболее экспрессивные оценки и события помещались, как правило, на первые страницы выпусков, были перепечатки союзных передовиц.

Они задавали тон и стиль для последующего изложения, а также создавали определенный психоэмоциональный настрой у читателей и слушателей. В августовском номере органа Верхнедонского районного комитета ВКП(б) на первой странице были помещены следующие ключевые материалы: указ «О присвоении звания Героя Советского Союза капитану Гастелло Н.Ф.», передовица «Правды» о железной воле к Победе, «Соглашение между СССР и Польшей» и свежие сводки Совинформбюро [10, с. 1]. Основные мотивы: «герои рядом», «мы не одни», «правда у нас». На второй странице демонстрировался подвиг других героев на поле боя, письмо с фронта и колонка патриотов-добровольцев из местной семьи. Подписи под заметками говорили сами за себя – младший политрук, армейский заместитель по политической части, заместитель директора МТС по политчасти. На с. 3–4 уже превалировали более «рациональные» материалы с обилием числовых значений по типу сводок из местных колхозов или сводок по потерям вражеских армий. Авторами здесь фигурировали несколько другие лица – бухгалтера, председатели колхозов, бригадиры, академики. Хотя в самом конце выпуска вновь была помещена журналистская статья про «Гитлера – лютого врага нашего народа».

Что касается информативности публикуемых сведений, весьма ценными для исследователя представляются данные, относящиеся к конкретным малым населенным пунктам. Именно они, а не общеизвестные цифры и сводки, перепечатанные со страниц «Правды» и «Известий», открывают новые перспективы в осмыслении феномена «локальной, или малой войны». Так как основу экономики Дона составляло сельское хозяйство, то публикации изобилуют конкретикой в данной сфере. В выпуске «Большевика» от 18 сентября 1941 г. помещена заметка «Самоотверженный труд – лучшая помощь фронту», где указано, что в Семикаракорском овощесовхозе передовые работницы смогли перевыполнить план в 3 раза, а именно собрать 22 т лука с 1 га [11, с. 2].

Трактористка Фекла Кужелева, работавшая в колхозе им. Ворошилова, получила свою долю внимания благодаря журналисту Астахову, изложившему результаты ее труда: ежедневное перевыполнение нормы на 50–100 %, а в отдельные дни – до 167 %, экономия – 10 л горючего в месяц. Подобные публикации появлялись и в довоенное время, но если ранее это демонстрировало преимущества советского строя, выступало средством награждения отличившегося со-

трудника и базового предприятия, то сейчас масштаб стал иным: необходимость показать жертвенность населения, которое трудится в сложнейших условиях не ради собственного благополучия или успехов рабочего коллектива, а на благо Родины.

Другой пример жертвенности населения приведен в колонке «Фонд обороны», где служащие колхозов и рабочие МТС Семикаракорского района отказались от доходов по облигациям. Председатель колхоза Литвинов сдал ценных бумаг на сумму 1120 р., колхозник Филеев – на 175 (примерная зарплата уборщицы), а товарищи Юрин и Шинкаренко – на более 490 р. каждый (месячная плата за труд рабочего). Был и некий Церелунга, отказавшийся от 2040 р. в пользу ассигнований на фронтовые нужды. Вновь можно отметить бинарность изложения: здесь отчетливо наличествует и мотивационный компонент, и агитационный [12].

К середине осени 1941 г. угроза со стороны Третьего рейха стала весьма ощутимой для местного населения – сначала враг вторгся на территорию области, а в конце ноября впервые подошел к Ростову-на-Дону и захватил город. Среди источниковой базы исследования наблюдается значительное сокращение количества цифровых копий по мере приближения к зиме. Это объясняется не только непосредственно влиянием боевых действий, но и перераспределением финансирования, отправкой многих журналистов и корреспондентов на фронт, перестройкой пропагандистско-агитационной работы в отдельных районах и городах.

Таким образом, первые месяцы войны стали первым экзаменом для местной периодической печати с точки зрения как отбора, проверки поступающей информации из разных каналов, так и методики трансляции сведений. Основные смысловые и текстологические штампы, которые будут сопровождать локальные и союзные газеты, формировались именно в этот период. В новой обстановке на страницах газет Дона получили свой первый «военный» опыт юнкоры и представители местных организаций.

Перестройка на военный лад произошла достаточно быстро: уже с августа наблюдается оформление структуры подачи материала, которая будет практически неизменной до конца Великой Отечественной войны. Использование матричного и контент-анализа авторами позволило получить концентрированный «слепок» эпохи и в полной мере решить задачу отражения логической и эмоциональной аргументации в текстах местных газет. Донская периодика внесла ключевой вклад в поднятие мотивации и духа граждан, формирование образа врага в глазах местного населения, так как во многих случаях являлась единственным стабильным источником информации о войне.

Местные газеты наряду с многотиражками создавали единую идеологическую платформу и текущую повестку. Числовые данные, размещаемые в периодической печати Ростовской области, позволяют получить актуальную картину в области сельскохозяйственного и промышленного производства во второй половине 1941 г., отражают степень вовлеченности населения в дело обороны Родины, а потому являются ценнейшим источником для многофакторного исторического анализа.

Список источников

1. Горохов Н.А., Попов Н.П. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Воениздат, 1981. 416 с.
2. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.): сб. док. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 398 с.
3. Красноженова Е.Е., Кулинок С.В. Советская периодическая печать на Северо-Западе России в период Великой Отечественной войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 47–56.
4. Жбанникова М.И. Роль местной печати Ростовской области в мобилизации населения на борьбу с врагом в начальный период Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2021. № 3. С. 5–11.
5. Бормотова А.Р. Печатная пропаганда и агитация Курской области накануне и в период Курской битвы // Учен. зап. Электр. науч. журн. Курского государственного университета. 2011. № 2(18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pechatnaya-propaganda-i-agitatsiya-kurskoy-oblasti-nakanune-i-v-period-kurskoy-bitvy/viewer> (дата обращения: 19.09.2024).
6. Огорельцев П.А., Ишмаев А.М. Региональная периодическая печать как исторический источник по истории оценки победы СССР в Великой Отечественной войне // Шаг в историческую науку: материалы XX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2020. С. 181–185.

7. Красное Приазовье. 1941. № 121 (2149). 31 мая // Донская электронная библиотека. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0015935/view/> (дата обращения: 10.10.2024).
8. Красное Приазовье. 1941. № 178 (2206). 5 авг. // Донская электронная библиотека. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0015937/view/> (дата обращения: 10.10.2024).
9. Большевик Дона. 1941. № 75 (844). 11 сент. // Донская электронная библиотека. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0016254/view/> (дата обращения: 03.10.2024).
10. Колхозный Дон. 1941. № 64 (1349). 3 авг. // Донская электронная библиотека. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0016408/view/> (дата обращения: 12.10.2024).
11. Большевик. 1941. № 73 (777). 18 сент. // Донская электронная библиотека. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0029300/view/> (дата обращения: 25.10.2024).
12. Большевик. 1941. № 69 (773). 4 сент. // Донская электронная библиотека. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0029297/view/> (дата обращения: 20.10.2024).

References

1. Gorokhov N.A., Popov N.P. *Soviet military press during the Great Patriotic War, 1941-1945*. Moscow: Voenizdat Publ.; 1981. 416 p. (In Russ.).
2. Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Soviet propaganda at the final stage of the War (1943-1945)*. Collection of documents. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2015. 398 p. (In Russ.).
3. Krasnozhenova E.E., Kulinkov S.V. Soviet periodical press in the North-West of Russia during the Great Patriotic War. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura = Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2022;(1):47-56. (In Russ.).
4. Zhbannikova M.I. The role of the local press of the Rostov region in mobilizing the population to fight the enemy in the initial period of the Great Patriotic War. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2021;(3):5-11. (In Russ.).
5. Bormotova A.R. Printed propaganda and agitation of the Kursk region on the eve and during the battle of Kursk. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2011;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pechatnaya-propaganda-i-agitatsiya-kurskoy-oblasti-nakanune-i-v-period-kurskoy-bitvy/viewer> [Accessed 19th September 2024]. (In Russ.).
6. Ogoreltsev P.A., Ishmaev A.M. Regional periodical press as a historical source for the history of assessing the victory of the USSR in the Great Patriotic War. *Step into historical science*. Materials of the 20th All-Russian Scientific and Practical Conference of young scientists. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press; 2020:181-185. (In Russ.).
7. Krasnoe Priazovje. 1941;(121). 31st May. *Don Electronic Library*. Available from: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0015935/view/> [Accessed 10th October 2024]. (In Russ.).
8. Krasnoe Priazovje. 1941;(178). 5th August. *Don Electronic Library*. Available from: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0015937/view/> [Accessed 10th October 2024]. (In Russ.).
9. Bolshevik of the Don. 1941;(75). 11th September. *Don Electronic Library*. Available from: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0016254/view/> [Accessed 3rd October 2024]. (In Russ.).
10. Kolkhozny Don. 1941;(64). 3rd August. *Don Electronic Library*. Available from: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0016408/view/> [Accessed 12th October 2024]. (In Russ.).
11. Bolshevik. 1941;(73). 18th September. *Don Electronic Library*. Available from: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0029300/view/> [Accessed 25th October 2024]. (In Russ.).
12. Bolshevik. 1941;(69). 4th September. *Don Electronic Library*. Available from: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0029297/view/> [Accessed 20th October 2024]. (In Russ.).

Информация об авторах

П.А. Огорельцев – магистрант Института истории и международных отношений.

М.А. Пономарева – доктор исторических наук, доцент, директор Института истории и международных отношений.

Information about the authors

P.A. Ogoreltsev – Master Student of the Institute of History and International Relations.

M.A. Ponomareva – Doctor of Science (History), Associate Professor, Director of the Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-65-71

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ЗАБОТА О ДЕТЯХ-СИРОТАХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1917–1930 ГОДЫ)

Евгений Александрович Паламарчук¹, Ирина Анатольевна Семенцова^{2✉},
Ольга Афанасьевна Цымлянская³

^{1,2} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону,
Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский юридический институт МВД РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru ✉

³ ipidorfii@yandex.ru

Аннотация. Анализируется комплекс мер по решению проблемы детской беспризорности и безнадзорности, оказанию государственной поддержки детям-сиротам, реализовывавшихся в рамках социальной политики органами советской власти на начальном этапе ее существования. Рассмотрены основные нормативные документы, составившие законодательную основу политики. В указанный исторический период, несмотря на ограниченность ресурсов, органам советской власти удалось добиться значительного снижения масштабов детской беспризорности в стране. При этом соответствующая политика, поначалу носившая ярко выраженные мобилизационные черты, постепенно приобрела системный характер. Данные исследования представляют интерес как для студентов, магистрантов, аспирантов, так и для тех, кого интересуют исторические аспекты такого важного направления отечественной социальной политики, как борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Ключевые слова: социальная политика, детская беспризорность, забота, дети-сироты, голод, воспитание, социальная сфера

Для цитирования: Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Борьба с детской беспризорностью и забота о детях-сиротах в начальный период существования Советского государства как одно из направлений социальной политики (1917–1930 годы) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 65–71.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

COMBATING CHILD HOMELESSNESS AND CARING FOR ORPHANS IN THE INITIAL PERIOD OF THE EXISTENCE OF THE SOVIET STATE AS ONE OF THE DIRECTIONS OF SOCIAL POLICY (1917-1930)

Evgeny A. Palamarchuk¹, Irina A. Sementsova^{2✉}, Olga A. Tsymlyanskaya³

^{1,2} Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

© Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А., 2024

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru ✉

³ ipidorfii@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a set of measures to address the problem of child homelessness and neglect, to provide state support to orphans, implemented within the framework of social policy by the Soviet authorities at the initial stage of its existence. The main regulatory documents that formed the legislative basis of the policy are considered. In this historical period, despite the limited resources, the Soviet authorities managed to achieve a significant reduction in the scale of child homelessness in the country. At the same time, the corresponding policy, which initially had clearly expressed mobilization features, gradually acquired a systemic character. These studies are of interest to both students, graduate students, postgraduates, and those who are interested in the historical aspects of such an important area of domestic social policy as the fight against child homelessness and neglect.

Keywords: social policy, child homelessness, care, orphans, hunger, upbringing, social sphere

For citation: Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Tsymlyanskaya O.A. Combating Child Homelessness and Caring for Orphans in the Initial Period of the Existence of the Soviet State as One of the Directions of Social Policy (1917-1930). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):65-71. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Как известно, Российская Федерация сегодня сталкивается с многочисленными внешними вызовами, часть которых порождена глобализационными процессами, другие же носят ярко выраженный рукотворный, целенаправленно антироссийский характер. В условиях экзистенциального противостояния коллективному Западу одной из важнейших задач, успешно решаемых российским государственным руководством, является сохранение и дальнейшее развитие социального характера РФ. В данном контексте представляется в высшей степени актуальным обратиться к соответствующему опыту советской державы, проводившей многофакторную, эффективную социальную политику, включавшую в себя в качестве одного из важнейших направлений борьбу с детской беспризорностью и заботу о детях-сиротах. Исторический период, оказавшийся в центре внимания авторов статьи, относится к числу наиболее сложных, но одновременно и наиболее характерных в указанном отношении для Советского государства.

Процесс становления института опеки и попечительства в России фактически завершился в XIX в. Основания и порядок устройства детей, оставшихся без попечения родителей, практически не изменились вплоть до 1917 г., начиная с которого можно говорить о повышении роли государства в решении всего комплекса соответствующих вопросов, в частности в увеличении числа учреждений для таких детей. Революции, политика «военного коммунизма» и Гражданская война вывели проблему на качественно иной уровень развития. Так, по официальным данным, в годы Гражданской войны в стране было не менее семи миллионов беспризорников [1, с. 21].

Оказавшись у власти, большевики, в полной мере отдававшие себе отчет относительно того, какое значение развитие социальной сферы имело для упрочения их власти, принимают ряд безотлагательных мер по борьбе с детской беспризорностью. Согласно ленинскому декрету от 31 декабря 1917 г., обязанность заботы обо всех имевшихся в стране детях возлагалась на государство [2, с. 126]. Уже в ноябре 1917 г. был создан Наркомат государственного призрения, переименованный в апреле 1918 г. в Наркомат социального обеспечения, главой которого становится А. М. Коллонтай [3, с. 80]. 17 мая 1919 г. был утвержден Декрет Совета народных комиссаров «О бесплатном детском питании». В нем речь шла о предоставлении права на бесплатное питание для всех детей «в возрасте до 14 лет включительно», вне зависимости от их классового происхождения («безотносительно к категории классового пайка их родителей») [4].

Не оставались в стороне и общественные деятели, не имевшие отношения к большевикам. Так, усилиями видного русского писателя В. Г. Короленко осенью 1918 г. в Полтаве была создана общественная организация – Лига спасения детей. Уже за первый год своего недолгого существования ею было образовано 14 колоний для детей, детские сады, клубы и даже санаторий. Однако большевики, с самого начала относившиеся к ней с подозрением, упразднили ее

после попытки ее членов добиться от советской власти разрешения на получение поддержки от заграничных кругов [5, с. 111]. Судьба лиги закономерна. Она была обусловлена независимым характером организации. К тому же наличие благотворительных объединений не вписывалось в логику нового режима, противореча его идеологическим и политическим установкам.

4 февраля 1919 г. был образован Совет защиты детей под председательством наркома просвещения А. В. Луначарского. В его состав также вошли представители народных комиссариатов здравоохранения, социального обеспечения и др. Задача совета заключалась в оказании всесторонней помощи беспризорным детям. В письме Совету народных комиссаров, датированном 22 августа 1919 г., Луначарский сообщает, что за первое полугодие существования совета благодаря финансовой поддержке со стороны Наркомпроса и Наркомздрава он «получил возможность развить относительно широкую деятельность по эвакуации детей в колонии, снабжению их продовольствием, одеждой, инвентарем». Однако, отмечает нарком, по мере расширения совета, перед которым встают все более масштабные задачи, возрастает и потребность в финансировании. В конце письма представлена смета требуемых расходов, составляющая по подсчетам Луначарского 80 600 000 р. [6, с. 118–119].

Свой вклад в усугубление проблемы внес голод начала 1920-х гг. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г., В. А. Антонов-Овсеенко коснулся катастрофической ситуации, сложившейся в Самарской губернии: «Есть сведения, как детей сносят в степи и оставляют там на смерть, как обезумевшие матери режут своих детей, чтобы они только не умирали на глазах» [2, с. 125]. Положение в других «голодных» регионах практически ничем не отличалось от вышеуказанного.

27 января 1921 г. Ф. Э. Дзержинский, возглавлявший Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем, становится также председателем образованной при Всероссийском центральном исполнительном комитете Комиссии по улучшению жизни детей «с контрольно-содействующими функциями», которая заменила Совет защиты детей. В комиссию вошли по одному представителю от Наркомпрода, Наркомпроса, Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции, Всероссийского центрального совета профессиональных союзов, Наркомздрава и ВЧК [7, с. 354–355]. Со свойственной ему кипучей энергией «железный Феликс» включился в работу. Говоря об ужасах детской беспризорности, он подчеркивал, что справиться с этой проблемой возможно лишь при мобилизации усилий всего общества. При этом именно Дзержинский настоял на введении детской карточки, дававшей право на ежедневное получение обеда из двух блюд [8, с. 104].

Среди прочих мер комиссией направлялись в регионы, в которых голод принял катастрофические масштабы, врачебно-питательные поезда, состоявшие из вагонов, оборудованных всем необходимым для оказания помощи нуждавшимся матерям и новорожденным, медицинского обследования детей и даже выпечки хлеба. В них были организованы кухни-столовые [9, с. 61]. Маршрут следования таких поездов предусматривал обязательные остановки на вокзалах крупных городов, узловых станциях и разъездах. Каждый такой состав мог ежедневно обеспечить питанием до 25 000 голодавших детей. В сентябре 1922 г. при Московском отделе народного образования была образована Чрезвычайная комиссия по борьбе с детской беспризорностью (ДЧК), члены которой активизировали соответствующую деятельность на улицах и вокзалах.

В целом в 1920-е гг. в стране была создана широкая сеть учреждений, предназначенных для приема детей-сирот. К ним относились детские приемники-распределители (ДПР), учреждения интернатского типа, такие как детские дома (их число для детей, не относившихся к категории трудновоспитуемых, возросло с 4052 в 1921 г. до 6412 в 1922 г.) [9, с. 62], дома ребенка, трудовые колонии, курировавшиеся наркоматами здравоохранения, просвещения, внутренних дел [10, с. 30]. При этом на состоявшемся в феврале 1921 г. I Всероссийском съезде по охране детства детские дома были названы очагами коммунистического воспитания, а на II съезде (ноябрь 1924 г.) один из основных акцентов был сделан на трех видах – общественном, трудовом и политическом воспитании [11, с. 115].

В адресованной председателю Тамбовской губернской ЧК Левину телеграмме от 14 апреля 1921 г. Дзержинский требует незамедлительно предпринять все возможные шаги в направле-

нии «полного оказания содействия и изыскания средств помощи губуполномоченному по улучшению жизни детей», не воздвигая препятствий на этом пути [12, с. 438].

31 марта 1923 г. Дзержинский, деятельность которого снискала ему славу «всероссийского попечителя о детях», со страниц газеты «Известия» призвал всех трудящихся включиться в дело помощи обездоленным детям, а в период с 30 апреля по 6 мая того же года по всей стране проводилась Неделя беспризорного и больного ребенка, которая ознаменовалась не только различными видами поддержки, оказанной населением детским учреждениям, но и взятием части детей-сирот на воспитание в приемные семьи [13, с. 172–173].

Следует отметить, что и Наркомат просвещения осуществлял активную агитационную деятельность, цель которой заключалась в том, чтобы побудить граждан советской республики и даже иностранцев к усыновлению беспризорных детей [14, с. 7].

Пик значимых постановлений в указанной сфере пришелся на 1926 г. 8 марта 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР специальным декретом утверждают Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР. Декрет делил беспризорников на две категории: детей, «нуждавшихся в полном обеспечении и воспитании» (круглые сироты; дети, утратившие связь с родителями и родственниками; подкинутые, а также «изъятые постановлением суда или комиссий по делам о несовершеннолетних из семьи, вследствие преступлений или порочной жизни их родителей или лиц, у которых они воспитывались, или вследствие злоупотребления их родительскими правами»), и детей, «нуждающихся в охране, в мерах временной или частичной помощи и воспитания», которые стали беспризорными вследствие того, что родители или лица, на воспитании у которых они находились, утратили возможность позаботиться о них из-за поразившей их тяжелой болезни или инвалидности, либо вследствие их «временного отсутствия» по причине предусмотренного законом лишения свободы или же нахождения на излечении в больнице, либо в связи с отсутствием у них необходимых средств. В последнем случае речь шла об одиноких матерях. Декрет предусматривал передачу подобных детей на попечение родственников или специализированных государственных учреждений, их трудоустройство, назначение над ними опеки и иные меры подобного рода [15].

5 апреля 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают декрет, устанавливавший порядок и условия передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи с целью их подготовки к крестьянскому труду. Каждому крестьянскому двору, принимавшему на воспитание детдомовца, на долю последнего выделялся дополнительный земельный участок из запасного земельного фонда (ст. 5), освобождавшийся на три года от уплаты единого сельскохозяйственного налога (ст. 6). При этом каждый двор имел право принять двух воспитанников [16].

Наконец, 13 августа 1926 г. ЦИК и СНК СССР издадут постановление о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью, содержавшее ряд налоговых льгот для учреждений и предприятий комиссий по улучшению жизни детей, действовавших при центральных исполнительных комитетах союзных республик и местных исполнительных комитетах. На нужды борьбы с детской беспризорностью устанавливалась целевая надбавка к акцизу с пива (как отечественного производства, так и ввозимого из-за границы) (ст. 2), к продажной стоимости игральные карт (ст. 3). Вырученные таким образом средства поступали в Центральную комиссию по организации и распоряжению фонда им. В. И. Ленина при Президиуме ЦИК СССР, которая должна была распределять их между союзными республиками с учетом количества беспризорных. Вводился льготный тариф по социальному страхованию кустарей и ремесленников, взявших на содержание и обучение беспризорных детей, в размере 5 % (ст. 7). Особое значение имела ст. 14 документа, обязывавшая центральные исполнительные комитеты и советы народных комиссаров союзных республик усилить «борьбу с детской беспризорностью путем трудовой подготовки беспризорных» [17].

Важное значение в социальной реабилитации беспризорных детей в указанный период времени отводилось детским трудовым коммунаам, именованным институтами трудового воспитания. На начало 1925 г. в одной лишь РСФСР насчитывалось около 200 учреждений подобного рода. Наиболее известной среди них стала коммуна им. Ф. Э. Дзержинского. 20 октября 1927 г. ее возглавил А. С. Макаренко, у которого за плечами уже был опыт руководства колонией им. М. Горького [10, с. 30]. В обоих учреждениях перевоспитание трудных подростков

базировалось на хозрасчетной трудовой деятельности, позволявшей воспитанникам полностью обеспечивать себя всем необходимым и приносить пользу государству [13, с. 173].

В целом к концу 1920-х гг. органам советской власти удалось добиться значительного сокращения числа беспризорников [18, с. 37]. Что касается конкретных данных, то они таковы: если в 1923 г. в стране насчитывалось 253 237 беспризорных детей, состоявших в 3971 специализированном учреждении, то к 1927–1928 гг. численность первых уменьшилась до 158 544, а вторых – до 1922 [11, с. 116]. В 1930-е гг. число беспризорных детей постепенно вновь нарастает как следствие голода, политики коллективизации, репрессий. Однако это тема отдельного исследования.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на ограниченность ресурсов, которыми в 1920-е гг. располагали большевики, ими с самого начала своего правления уделялось повышенное внимание неуклонному развитию социальной сферы. В рамках проводившейся социальной политики удалось если и не решить проблему детской беспризорности и безнадзорности в полном объеме, то кардинальным образом снизить ее масштабы. Большинство предпринимаемых в указанном направлении мер носило ярко выраженный мобилизационный характер. Им же удалось создать опирающуюся на соответствующую законодательную базу развернутую сеть специализированных учреждений для детей-сирот и беспризорников, в которых значительная часть последних перевоспитывалась и приобщалась к трудовой деятельности. В дальнейшем данный опыт был использован для формирования советской модели социального государства. При этом, несмотря на известные идеологические ограничители, уже на том этапе советская социальная политика в целом и рассмотренное нами ее направление в частности, поначалу носившие ярко выраженные мобилизационные черты, постепенно приобретают системный характер.

Список источников

1. Мишина Е. В. Государственная политика советского правительства по борьбе с детской беспризорностью (к 140-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского) // Вестн. Санкт-Петербургской юрид. академии. 2018. № 1. С. 20–24.
2. Потепалов Д. В., Днепров С. А. Благотворительная деятельность в СССР по преодолению массовой детской беспризорности (1917–1935 гг.) // Наука и школа. 2015. № 3. С. 124–130.
3. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1921 г. М.: РГГУ, 1995. 418 с.
4. Декрет СНК о бесплатном детском питании от 17 мая 1919 г. // Собрание узаконений. 1919. № 20. Ст. 238.
5. Межибовская Р. Г. Ликвидация детской беспризорности в Советском государстве (1917–1921). Становление системы государственных учреждений и общественных организаций // Закон и право. 2008. № 10. С. 110–112.
6. Луначарский – Ленину // Литературное наследство. 1971. Т. 80. С. 1–372.
7. Декреты Советской власти. Т. XII : Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М.: Политиздат, 1986. 428 с.
8. Беляева Ю. А. Правовые меры защиты беспризорных детей и детей-сирот в имперский и революционный периоды: исторический экскурс // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 3. С. 101–105.
9. Маслова О. Б. К вопросу о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в условиях голода и возросшей беспризорности в 1921–1922 гг. (на примере Ставрополя и Терека) // Науч. проблемы гуманитар. исследований. 2009. № 12-2. С. 59–64.
10. Тяпкина Т. Ю. Сиротство в СССР: причины и общее состояние проблемы // Евразийский союз ученых. 2015. № 4. С. 29–32.
11. Савельев А. Н., Костина Е. Ю. Проблема детской беспризорности в СССР в 20 – 30-е годы // Науч. исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 5. С. 114–116.
12. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. : сб. док. М.: Госполитиздат, 1958. 512 с.
13. Кузнецова О. А. Историко-культурные предпосылки решения проблемы детской беспризорности в XX веке // Вестн. МГУКИ. 2015. № 6. С. 170–176.
14. Костенко А. В. Беспризорность и безнадзорность в России: из истории вопроса // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. 2018. № 5. С. 2–9.
15. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 08.03.1926 г. «Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 19. Ст. 143.

16. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду». 5 апреля 1926 года // Известия. 1926. № 93. 23 апр. С. 168–169.

17. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 13.08.1926 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» // Собрание законов СССР. 1926. № 56. Ст. 407.

18. Бендер Е. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 187 с.

References

1. Mishina E.V. State policy of the Soviet government to combat child homelessness (to the 140th anniversary of the birth of F.E. Dzerzhinsky). *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2018;(1):20-24. (In Russ.).
2. Potepalov D.V., Dneprov S.A. Charitable activities in the USSR to overcome mass child homelessness (1917-1935). *Nauka i shkola = Science and School*. 2015;(3):124-130. (In Russ.).
3. Korzhikhina T.P. *Soviet state and its institutions: November 1917 - December 1921*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press; 1995. 418 p. (In Russ.).
4. CPC decree on free baby food of May 17, 1919. *Collection of Statutes*. 1919;(20):238. (In Russ.).
5. Mezhibovskaya R.G. The elimination of child homelessness in the Soviet state (1917-1921). Formation of the system of state institutions and public organizations. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2008;(10):110-112. (In Russ.).
6. Lunacharsky to Lenin. *Literaturnoe nasledstvo = Literary Inheritance*. 1971;80:1-372. (In Russ.).
7. *Decrees of Soviet power. Vol. 12: December 1920 - January 1921*. Moscow: Politizdat Publ.; 1986. 428 p. (In Russ.).
8. Belyaeva Yu.A. Legal measures to protect street children and orphans in the imperial and revolutionary periods: historical excursion. *Jurist-Pravoved = Lawyer-Pravoved*. 2015;(3):101-105. (In Russ.).
9. Maslova O.B. On the issue of the activities of the Commission to improve the lives of children under the All-Russian Central Executive Committee in conditions of hunger and increased homelessness in 1921-1922 (on the example of Stavropol and Terek). *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Scientific Problems of Humanitarian Research*. 2009;(12-2):59-64. (In Russ.).
10. Tyarkina T.Yu. Orphanhood in the USSR: causes and general state of the problem. *Evrasiiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*. 2015;(4):29-32. (In Russ.).
11. Savel'ev A.N., Kostina E.Yu. The problem of child homelessness in the USSR in the 20-30s. *Nauchnye issledovaniya i rasrabotki molodykh uchenykh = Scientific Research and Development of Young Scientists*. 2015;(5):114-116. (In Russ.).
12. *From the history of the All-Russian Extraordinary Commission. 1917-1921*. Document collection. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1958. 512 p. (In Russ.).
13. Kuznetsova O.A. Historical and cultural prerequisites for solving the problem of child homelessness in the 20th century. *Vestnik MGUKI = Bulletin of MSUCA*. 2015;(6):170-176. (In Russ.).
14. Kostenko A.V. Homelessness and neglect in Russia: from the history of the issue. *Nauka i obrazovanie: problemy, idei, innovatsii = Science and Education: Problems, Ideas, Innovations*. 2018;(5):2-9. (In Russ.).
15. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR "On approval of the Regulation on measures to combat child homelessness in R.S.F.S.R" dated March 8, 1926. *Collection of Statutes RSFSR*. 1926;(19):143. (In Russ.).
16. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the procedure and conditions for transferring children from orphanages to peasant families to prepare for agricultural labor". April 5, 1926. *Izvestiya = News*. 1926;(93):168-169. (In Russ.).
17. Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR "On measures to combat child homelessness" dated August 13, 1926. *Collection of Laws of the USSR*. 1926;(56):407. (In Russ.).
18. Bender E.A. *The fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920-1930s (based on materials from Leningrad and the Leningrad region)*. Dissertation. St. Petersburg, 2015. 187 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, РИ ВГУЮ; профессор кафедры гражданского права и процесса, Филиал МУ в г. Ростове-на-Дону.

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Филиал МУ в г. Ростове-на-Дону; доцент кафедры уголовного права и криминологии, РИ ВГУЮ.

О.А. Цымлянская – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Information about the authors

E. A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, RI ARSUJ; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the MU in Rostov-on-Don.

I. A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the MU in Rostov-on-Don; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ.

O.A. Tsymlyanskaya – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 327.5+327.8
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-72-79

РОЛЬ АНВАРА САДАТА В УХУЖДЕНИИ СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1971 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1972 ГОДА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ)

Владимир Павлович Подольников

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
podolnikov@list.ru

Аннотация. Рассматривается основанная на воспоминаниях советских и египетских политиков и дипломатов история ухудшения советско-египетских отношений в 1971 – первой половине 1972 г. Подчеркнут субъективный характер этого процесса, вытекающий из идейно-политических взглядов нового египетского президента, принявшего твердое решение сменить внешнеполитический вектор своего государства с просоветского на прозападный. Показаны методы реализации нового курса Садата, направленные на осложнение двусторонних отношений: распускаемые не без ведома президента, а зачастую и по его личной инициативе провокационные слухи о советской военной помощи Египту; необоснованно завышенные, а порой нереалистичные претензии к качеству и количеству поставляемой из СССР военной техники и оборудования; мелочные и надуманные придирки к работе советских военных специалистов в Египте; бесосновательные упреки в недостаточной поддержке по внешнеполитическим вопросам. Раскрывается истинная цель этих акций египетского руководства, направленная на создание негативного образа Советского Союза и его роли в укреплении обороноспособности страны и политического влияния Египта в международной политике.

Ключевые слова: А. Садат, советско-египетские отношения, мемуары, советские военные специалисты, внешнеполитический курс, дело Рандопуло, насеристы, Договор о дружбе

Для цитирования: Подольников В.П. Роль Анвара Садата в ухудшении советско-египетских отношений в 1971 – первой половине 1972 года (по воспоминаниям) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 72–79.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ROLE OF ANWAR SADAT IN THE DETERIORATION OF SOVIET-EGYPTIAN RELATIONS IN 1971 - FIRST HALF OF 1972 (ACCORDING TO MEMOIRS)

Vladimir P. Podolnikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
podolnikov@list.ru

Abstract. The article examines the history of the deterioration of Soviet-Egyptian relations in 1971 - first half of 1972, based on the memoirs of Soviet and Egyptian politicians and diplomats. It emphasizes the subjective nature of this process, stemming from the ideological and political views of the new Egyptian president, who made a firm decision to change the foreign policy vector of his state from pro-Soviet to pro-Western. It shows the methods of implementing Sadat's new course, aimed at complicating bilateral relations: provocative rumors about Soviet military aid to Egypt, spread not without the president's knowledge, and often on his personal initiative; unjustifiably inflated, and sometimes unrealistic claims about the quality and quantity of military technology and equipment supplied from the USSR; petty and far-fetched quibbles with the work of Soviet military specialists in Egypt; unfounded reproaches about insufficient support on foreign policy issues. The true purpose of these actions by the Egyptian leadership is revealed, aimed at creating a

© Подольников В.П., 2024

negative image of the Soviet Union and its role in strengthening the country's defense capability and Egypt's political influence in international politics.

Keywords: A. Sadat, Soviet-Egyptian relations, memoirs, Soviet military experts, foreign policy, Rاندopoulos affair, Nasserists, Treaty of Friendship

For citation: Podolnikov V.P. The Role of Anwar Sadat in the Deterioration of Soviet-Egyptian Relations in 1971 - First Half of 1972 (According to Memoirs). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):72-79. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Советско-египетские отношения на разных этапах своей истории подвергались серьезным трансформациям. С середины 1950-х до начала 1970-х гг. наблюдался, по словам министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, поступательный ход их развития [1, с. 263]. Выбрав путь социалистической ориентации и сменив прозападный внешнеполитический курс на просоветский, народ Египта, опираясь на всестороннюю помощь СССР, при президенте Г. А. Насере достиг впечатляющих результатов во всех сферах общественной жизни. Как отмечал бывший египетский министр иностранных дел Мурад Галеб, «помощь Советского Союза изменила облик Египта», а двусторонние отношения приобрели «эффективность и предметность» [Цит. по: 2, с. 63]. Схожей была позиция обеих стран и в решении ближневосточной проблемы. В основе ее лежала резолюция Совбеза ООН № 242, предполагавшая территориальную целостность и безопасность всех государств региона, включая Израиль [3, с. 289].

Однако с приходом к власти в Египте в сентябре 1970 г. президента Анвара Садата ситуация меняется. Советско-египетские отношения, вспоминал А. А. Громыко, «как бы по инерции в течение ряда лет... в общем не отбрасывались назад, хотя и не получали развития», но «шаг за шагом все более отчетливо выявлялась линия Садата на то, чтобы внести изменение... в направлении их свертывания» [1, с. 276]. Понять причину подобного поворота можно лишь через призму личности нового президента, который, «считая себя наследником великих фараонов» [4, р. 328] и «получив безграничные полномочия» [5, с. 412–413], решил поменять внешнеполитическую ориентацию своего государства.

Воспоминания самого А. Садата [6], а также окружавших его людей дают уникальную возможность проследить мотивацию действий египетского президента. При этом следует учитывать, что Садат, по словам А. А. Громыко, «обладал какой-то удивительной способностью заниматься фальсификацией фактов» [1, с. 279]. Это замечание в полной мере может быть отнесено и к оценке качества воспоминаний М. Хейкала [7], египетского политика и журналиста, близкого в тот период к Садату. Многие эпизоды советско-египетских отношений он излагал со слов Садата, не подвергая их критическому анализу. Вместе с тем в его мемуарах содержится большой и интересный фактический материал, который, однако, нуждается в проверке и сопоставлении с другими источниками.

Своеобразным противовесом воспоминаниям египетских деятелей служат мемуары министра иностранных дел СССР А. А. Громыко [1] и советского посла в Египте (1970–1974 гг.) В. М. Виноградова [8], отличительной особенностью которых является высокая степень документированной объективности и достоверности.

Автобиография Садата писалась после его визита в Израиль (1977 г.), в преддверии встречи в Кэмп-Дэвиде, когда уже окончательно был predetermined поворот внешнеполитического курса Египта в сторону Запада. Являясь инструментом обоснования этой политики, она позволяет максимально выявить личную роль президента в ее реализации, результатом которой стало резкое ухудшение советско-египетских отношений в начале 1970-х гг.

Не останавливаясь в этой статье на идейно-политических взглядах нового президента (об этом подробнее см.: [9, с. 48–49; 10, с. 449–451]), следует отметить, что в целом его отличали, по словам посла В. М. Виноградова, антисоветизм и недружелюбие к Советскому Союзу [8, с. 89]. Садат, не скрывая этого, с восторгом вспоминал свои публичные выступления перед египтянами в 1958 г., имевшие «беспрецедентный успех в подъеме антисоветских настроений» [6, р. 153–154]. Обратной стороной такой позиции было его преклонение перед Соединенными

Штатами Америки, образ которых «ассоциировался в нашем сознании с защитником дела свободы и освободительных движений» [6, р. 108]. Садат, делает вывод специалист по истории Египта 1970-х гг. А. Г. Князев, был проамериканцем по убеждению, а не по конъюнктурным соображениям [11, с. 27]. Зная это, администрация Р. Никсона сразу же попыталась установить с ним контакты, несмотря на отсутствие в то время дипломатических отношений между двумя странами (подробно об этом см.: [12, с. 104–105]). Садат охотно на это откликнулся [7, р. 115].

Было бы неверно и отчасти упрощенно сводить намерение Садата поменять внешнеполитический вектор своего государства только к его патологическому антисоветизму и ненависти к марксизму. В стране накопилось достаточное количество внутренних и внешних проблем, которые требовали скорейшего, по его мнению, решения. Но пути преодоления возникших трудностей президенту представлялись, в силу ограниченности политического и интеллектуального кругозора, весьма примитивно. Садат, в частности, считал, что насеровские реформы социалистического образца завели египетскую экономику в тупик [6, р. 75, 139–140, 165–168, 208–210, 212]. Такого же мнения придерживается ряд современных отечественных и западных исследователей [13, с. 19; 14, р. 131]. Поэтому выход из этого тупика президент видел в полном отказе от плановой экономики в пользу рыночного хозяйства, привлечении западных технологий и арабских нефтедолларов, что предполагало пересмотр всей структуры внешнеполитических связей в сторону Запада и свертывание сотрудничества с СССР и странами социалистического лагеря в целом [13, с. 14; 15, с. 161].

Не касаясь в этой статье вопросов, связанных с начавшейся при Садате либерализацией египетской экономики и ее последствиями, превратившими Египет в вечного должника западных кредиторов, остановимся лишь на политических аспектах советско-египетских отношений и личной роли президента в истории их негативного развития в 1971–1972 гг.

Следует сказать, что масштаб личности Садата и перспективность его мышления были значительно ниже, чем у Насера. Глубокому и продуманному анализу он предпочитал простые решения. Игнорируя историческую роль СССР в антиколониальной борьбе, он считал советскую помощь Египту лишь «знаком признания антиамериканского и антиимпериалистического курса египетского руководства и попыткой сохранить свое присутствие в регионе» [6, р. 186]. Поэтому было принято решение отказаться от насеровской идеи союза с СССР, а использовать его лишь в своих целях, сконцентрировав их, по словам В. М. Виноградова, на двух вопросах – «поставке оружия и экономической помощи» [8, с. 112]. Тема о вооружениях была главной в его разговорах с советскими руководителями. «Она была ему нужна, – продолжает посол, – потому, что он всегда мог показать свое недовольство Советским Союзом, а раз существует недовольство, значит, могут быть оправданы и любые его недружественные... шаги. А таких шагов он делал много» [8, с. 113]. В. М. Виноградов отмечал, что не было ни одной из двухсот встреч между ними, где бы президент ни поднимал вопроса о военных поставках, причем звучало это так, что США хорошо снабжают Израиль оружием, а СССР держит Египет на голодном пайке. При этом никогда не упоминалось ни о низком уровне технической подготовки египетского персонала, ни о малом количестве летчиков, «но все время требовались самолеты, самолеты, самолеты, причем самые современные и даже опытные, экспериментальные...» [8, с. 112–113].

В мемуарах Садата любой эпизод советско-египетских отношений так или иначе сводился к теме поставок вооружений, при этом подчеркивалось, что продажу оружия Египту СССР использовал для укрепления своих же интересов в арабском мире, «получая при этом деньги сполна» и «не теряя со своей стороны ничего» [6, р. 143–144]. Не раз и Садат, и вслед за ним Хейкал повторяли легенду об оплате оружия «твердой валютой» [7, р. 159, 161–162, 167]. В этой связи обращает на себя внимание информация, содержащаяся в мемуарах Хейкала, подвергнутая, правда, В. М. Виноградовым сомнению. Узнав, что Садат считает наличие советских военных экспертов тяжким бременем для Египта, за которое еще приходится расплачиваться твердой валютой, Л. И. Брежнев, придя в ярость, в послании к Садату задал вопрос, не считает ли он их наемниками? [7, р. 167]. Легенду об оплате твердой валютой В. М. Виноградов справедливо назвал «провокационным слухом», распускаемым с целью вызвать недовольство советскими советниками. В действительности поставки вооружений осуществлялись на условиях «сверхльготных кредитов, весьма длительных и за полцены» и «как бы записывались в долг»

[8, с. 172, 193]. Затем эти долги полностью или частично списывались, о чем упоминал и сам Садат [6, р. 164].

Плохо владея военной информацией, Садат доказывал советскому руководству, что у Египта мало боеприпасов, «а их между тем, – пишет В. М. Виноградов, – было так много, что иногда негде было хранить» [8, с. 117]. Это подтверждает и М. Хейкал: что во время всех четырех визитов Садата в Москву в 1971–1972 гг., где вопрос о вооружениях занимал главное место, египетские запросы были всегда завышены [7, р. 167]. Нередко, узнав из иностранного журнала, что в Советском Союзе есть какое-то новое вооружение, Садат требовал и его. «Был даже и такой эпизод, когда Садат попросил... атомную бомбу. Видимо, больше уже нечего было просить», – делает вывод В. М. Виноградов [8, с. 113].

Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко с недоумением отмечал, что свои заявки, особенно в отношении оружия, Садат систематически увеличивал, не обращая внимания, что с советской стороны «с фактами и цифрами в руках неоднократно доказывалось, что объем вооружений, поставляемых нами Египту, и качество... обеспечивают не только равенство с Израилем, но даже превосходство над ним, во всяком случае по ряду их видов» [1, с. 276]. Позиция Садата представлялась в Кремле эгоистичной, нереалистичной, авантюрной, а временами просто провокационной. Объявив 1971 г. «решающим» и потребовав на том основании еще больше оружия, Садат даже не попытался объяснить советскому руководству, что он понимает под этим словом. И это дало повод думать, что готовится какая-то военная авантюра с попыткой вовлечь в нее и СССР, отмечал Хейкал [7, р. 154].

Явно провокационным выглядит поведение Садата во время его первого в качестве президента визита в Москву в марте 1971 г. Предметом переговоров в Кремле стало требование размещения в Египте так называемого оружия сдерживания – самолетов-ракетоносцев, которые могли бы наносить удары вглубь Израиля в ответ на израильские бомбардировки египетской территории. В мемуарах Садат постоянно подчеркивал свой «жесткий тон» в разговорах с А. Н. Косыгиным и А. А. Гречко [6, р. 220]. (А. Н. Косыгин – председатель Совета министров СССР; А. А. Гречко – министр обороны СССР.) Позже, делаясь с Хейкалом впечатлениями от московского визита, он признался, что «вынужден был разыграть эту сердитость с тем, чтобы получить то, что хотел» [7, р. 119]. Результатом же стало дальнейшее осложнение двусторонних отношений.

Одновременно в египетской прессе, вероятно, не без ведома Садата, стали появляться сообщения о недостаточных советских поставках или мнения неизвестных «специалистов» об их якобы невысоком техническом уровне. Все это носило явно «надуманный и искусственный характер». В стране намеренно создавалась антисоветская атмосфера, делает вывод советский посол [8, с. 30, 41].

То, что инициатором этого был сам президент, подтверждают события весны 1971 г., так называемая очистительная революция, или, говоря проще, расправа с насеристами – группой высших должностных лиц, обеспокоенных поворотом внешнеполитической линии Садата от СССР к США и, как следствие, ухудшением советско-египетских отношений [8, с. 34, 88; 12, с. 105–106]. Их обвинили в государственной измене, попытке совершить переворот и даже убить президента. Заверяя посла, что удаление их от власти не направлено против СССР и не должно отрицательным образом отразиться на отношениях с Советским Союзом [7, р. 128–129, 137; 8, с. 38], Садат одновременно, по словам В. М. Виноградова, «хотел бы связать всю эту историю с “заговорщиками” с Советским Союзом» [8, с. 40]. Об этом свидетельствует частная беседа посла с Хейкалом, который откровенно рассказал, как был разочарован президент, когда не удалось найти подтверждения поддержки послом антисадатовских замыслов «заговорщиков» [8, с. 40]. Все они были преданы суду и приговорены к казни, замененной президентом длительными тюремными сроками.

Но чтобы не создалось впечатления об антисоветской направленности этой акции, Садат выступил с инициативой скорейшего заключения советско-египетского Договора о дружбе. На деле же договор со стороны Садата был лишь приемом, призванным не дать повод левым силам обвинить его в резком отходе от насеровского курса на сотрудничество с СССР. К тому же он предусматривал снабжение египетской армии современным оружием.

Еще одним событием, осложнившим советско-египетские отношения, стала попытка неудачного военного переворота в Судане (июль 1971 г.), в котором участвовали местные коммунисты. Садат, вспоминая советский посол, «ни на йоту не симпатизировал тем, кто временно захватил власть в Судане, более того, имелись данные, что Египет активно поддерживал тех, кто был свергнут» [8, с. 99]. (Президент Нимейри через 2 дня подавил переворот, восстановил свою власть и казнил заговорщиков.) В мемуарах Садат пишет, что «мы не хотели установления коммунистического режима у наших границ» [6, р. 226]. Во время этих событий он убеждал В. М. Виноградова, что ни одна арабская страна не готова принять марксистский режим и что регион не созрел для марксизма [7, р. 142; 8, с. 101]. Прекрасно зная о непричастности СССР к трагическим событиям в Судане, Садат тем не менее заявил послу, что его страна делает ошибку, пытаясь «насаждать марксизм там, где он не может прижиться» [8, с. 101–102]. На просьбу советского руководства связаться с Нимейри и уговорить его помиловать мятежников, Садат, правда, отреагировал положительно, позвонил суданскому президенту, но... опоздал [7, р. 142–143; 8, с. 102].

Подписание советско-египетского Договора о дружбе вызвало беспокойство в Соединенных Штатах, и Садату надо было подтвердить свое намерение, высказанное им втайне от СССР еще в конце 1970 г., удалить советское военное размещение из Египта. Требовался повод, чтобы доказать верность этой линии. В сентябре 1971 г. была сделана попытка, по словам В. М. Виноградова, «бросить тень на самоотверженную деятельность советских военных, честно выполнявших свой интернациональный долг, несших в нелегких и непривычных условиях свою боевую службу» [8, с. 42].

Для этой цели египетские власти попытались использовать так называемое дело Рандопуло, которое подробно описано в мемуарах М. Хейкала и В. М. Виноградова [7, р. 147–151; 8, с. 42–43, 188].

Рандопуло – египетский гражданин греческого происхождения, управляющий винодельческим хозяйством, расположенным рядом с военным аэродромом, где находились советские военно-воздушные силы. Его сын эмигрировал в США, и через него ЦРУ вышло на Рандопуло, который стал снабжать американскую разведку информацией о современной военной технике. Связь осуществлялась через секретаря отдела виз американского консульства – Свейн Харрис. Оба были арестованы египетскими спецслужбами. Рандопуло во всем признался. В результате руководитель спецслужбы генерал Ахмед Исмаил встретился с имеющим дипломатическое прикрытие резидентом ЦРУ в Каире Юджином Троном, который откровенно признался, что «данная информация не попала в Израиль. Она была полезна лишь для Соединенных Штатов и для... Египта, поскольку давала возможность американскому правительству отвечать правительству Израиля, что оно преувеличивает, когда ссылается на поставки оружия Советским Союзом Египту как на причину своих новых запросов у США оружия для Израиля». Шпионили не за Египтом, заявлял Трон, а за Советским Союзом [7, р. 149–150]. Вскоре Рандопуло умер в тюрьме, а Харрис была освобождена и использовалась с ведома Садата для установления канала тайной связи с американской администрацией. Конечно, ничего об этой стороне дела египтяне «своим советским друзьям», вспоминал В. М. Виноградов, не сообщили [8, с. 188]. Но тут же попытались использовать дело Рандопуло для дискредитации советских военных. На основании того, что трое советских офицеров посещали его дом и получали подарки вином и фруктами [7, р. 150], их обвинили «в недостаточной бдительности и, следовательно, в пособничестве израильтянам» [8, с. 42]. Военный министр потребовал выслать их и запретить вести советским военнослужащим какие-либо разговоры с египтянами, не связанные с профессиональной деятельностью. «Нами, – пишет В. М. Виноградов, – были резонно отведены эти смехотворные утверждения и заявлено, что за контрразведывательную деятельность в своей стране несет ответственность только египетская сторона» [8, с. 42]. Президент «смягчил» приказ военного министра, оставив вопрос о высылке на усмотрение советского военного начальства.

Но через считанные месяцы была предпринята новая атака на советских военнослужащих, которую В. М. Виноградов квалифицировал как «провокацию классического типа» [8, с. 191]. По словам Хейкала, уезжая из Египта домой, советские военнослужащие везли из Египта множество золотых изделий (браслеты, брошки, кольца и даже золотые слитки). За два года, по его

оценкам, было вывезено несколько сотен килограммов золота [7, р. 160–161]. На деле же это были обычные сувениры, которые «навязываются дотошными египетскими торговцами всем иностранцам» [8, с. 191]. На просьбы советской стороны организовать специальный киоск для продажи под контролем египтян различных сувениров египетские власти отвечали отказом. По существующему соглашению советские военнослужащие не должны были подвергаться таможенному досмотру. Но по указанию военного министра Садека в феврале 1972 г. власти попытались не выпустить из каирского аэропорта очередную партию военных, отбывающих на родину, подвергнув их унижительному досмотру, включая и личный обыск. Причем таможенники открыто заявляли: делается это, чтобы доказать правильность распускаемых слухов о том, что русские вывозят из Египта золото в больших количествах. Некоторые офицеры отказались от обыска. Египтяне вызвали автоматчиков, окруживших здание военного аэропорта. Provocационный характер этой затеи, по словам В. М. Виноградова, стал еще более ясен, когда послу не удалось связаться ни с Садеком, ни с министром финансов, в ведении которого находились таможенники, ни с министром иностранных дел, ни с Садатом. «Все они вдруг в один день оказались “вне Каира”. А день-то был рабочий» [8, с. 191]. По указанию посла военные предъявили для досмотра все имеющиеся у них вещи, и выяснилось, что в среднем на каждого приходилось по одному небольшому сувениру, сделанному из золота. «Фактически извинившись» за этот инцидент, Садат одновременно в интервью американскому журналу пожаловался, что ему придется платить Советскому Союзу большие суммы денег в твердой валюте за содержание советских военных в египетской армии. Во время одной из встреч с президентом на шутку посла о том, что военные удивляются, почему они не получают твердой валюты, Садат обиженным тоном обвинил газетчиков во вранье, но сделать опровержение не согласился [8, с. 43–44].

Весной 1972 г. наблюдается следующий виток осложнений в советско-египетских отношениях, инициатором которых опять же стал президент Садат. Связано это было с предстоящим визитом Никсона в СССР, который должен был открыть дорогу к разрядке международной напряженности. Советское руководство не без основания опасалось, что садатовский план года «решительных действий» может втянуть Египет, как выразился Хейкал, «в какую-нибудь дурацкую военную авантюру» [7, р. 168]. Не скрывал этого и сам Садат, заявивший в апреле в Москве, что намерен к концу 1972 г. «прибегнуть к военному решению... если все пути к мирному урегулированию будут заблокированы» [6, р. 229]. Одновременно президент, к удивлению советской стороны, выразил желание немедленно заменить на зенитно-ракетных комплексах, размещенных в Египте, половину (затем – треть) советских расчетов на египетские [7, р. 161; 8, с. 192]. Эта спешка не была вызвана какими-то практическими соображениями, но привела бы к резкому ухудшению противовоздушной обороны страны. Определяющей здесь стала политическая сторона вопроса, на которую обратил внимание В. М. Виноградов. Своей готовностью спешно отправить на родину большую группу советских военнослужащих накануне приезда Никсона в Москву Садат демонстрировал перед американцами «недружелюбие к Советскому Союзу», выдал Никсону «своего рода вексель» [8, с. 192].

Об этом свидетельствует и намеренно прохладный прием в Египте в мае 1972 г. советского министра обороны А. А. Гречко. Садат, по воспоминаниям посла, «с трудом» согласился посетить вместе с министром военно-воздушную базу, где ему продемонстрировали новейшие военные самолеты, которые Египет хотел купить у СССР; он решительно отказался от совместной поездки в Александрию на осмотр советских военных кораблей. «...По его мнению, – заключает В. М. Виноградов, – это была бы слишком большая демонстрация в пользу Советского Союза накануне визита Никсона в Москву» [8, с. 193].

Следует отметить, что и советская сторона в определенной мере способствовала осложнению отношений, не всегда учитывая особенности личности обидчивого и высокомерного Сада-та, не терпящего даже справедливых замечаний в свой адрес. Так, А. А. Гречко прочитал ему, по словам Хейкала, «лекцию» о трех предпосылках успешной войны (оружие, обучение персонала и воля к борьбе), завершив ее словами: «Первые две у вас есть, а что касается третьей, спросите у своей совести» [7, р. 168]. Садат воспринял это как оскорбление. Аналогичным образом он расценил и высказанное маршалом вполне справедливое замечание, что в то время, как советские солдаты жили в трудных условиях подземных казематов в голой пустыне, зорко

оберегая египетское небо, местная молодежь беззаботно болталась по вечерам в ярко освещенной Александрии [7, р. 168; 8, с. 194]. Со своей стороны, Садат в письме к Л. И. Брежневу в очередной раз упрекнул Советский Союз, что он не так активно поддерживает своих друзей в Египте, как это делает Америка для израильтян. Также он впервые поднял вопрос об эмиграции евреев из СССР в Израиль, считая, что приток туда молодых ученых и интеллектуалов еще более усилит еврейское государство [7, р. 169].

Таким образом воспоминания советских и египетских политиков и дипломатов рисуют нам драматическую картину дальнейшего ухудшения советско-египетских отношений в 1971 – первой половине 1972 г. после смены египетского руководства в сентябре 1970 г. Из содержащегося в них фактического материала явно следует, что непосредственным инициатором этого процесса был новый президент Египта А. Садат, который твердо решил переориентировать внешнеполитический курс своего государства в сторону Запада.

Список источников

1. Громыко А. А. Памятное. Книга вторая. М.: Политиздат, 1990. 559 с.
2. Мамед-Заде П. Н. Российско-египетские отношения: история и современность // Вестн. РУДН. Серия : Междунар. отношения. 2006. № 1 (6). С. 62–67.
3. Кузнецов Д. В. Арабо-израильский конфликт: история и современность : очерк событий; документы и материалы. Благовещенск: БГПУ, 2006. 289 с.
4. Carter J. Keeping faith. Memoirs of a President. Toronto; New York; London; Sydney: Bantam books, 1982. 622 p.
5. Фаязова С. С. Сравнительный анализ социально-политических процессов в Египте и Марокко в контексте демократизации // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 5–6 (44–45). С. 411–417.
6. Sadat A. In search of identity. An autobiography. London: Harper and Row, 1977. 360 p.
7. Heikal M. The road to Ramadan. Quadrangle. New York: The New York Times Book Co., 1975. 297 p.
8. Виноградов В. М. Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. 216 с.
9. Подольников В. П. Советско-египетские отношения: от Насера к Садату (1956–1970 годы) (по воспоминаниям политиков и дипломатов) // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия : История. Политология. Социология. 2021. № 2. С. 47–52.
10. Лагошина Н. А., Подольников В. П. Мухаммад Анвар Садат и советско-египетские отношения середины 1950-х – начала 1970-х годов: по мемуарам советских и египетских политиков // Науч. диалог. 2022. Т. 11, вып. 10. С. 445–462.
11. Князев А. Г. Египет после Насера, 1970–1981. М.: Наука, 1986. 300 с.
12. Подольников В. П. «Американский фактор» в советско-египетских отношениях в первый год президентства А. Садата (по воспоминаниям участников событий) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2023. № 4. С. 100–108.
13. Ульянищева Е. В. Советско-российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 22 с.
14. Bickerton I. J. The Arab-Israeli conflict. A history. London: Reaction books, 2009. 244 p.
15. История Востока : в 6 т. Т. 6 : Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 1095 с.

References

1. Gromyko A.A. *Memorable*. Book two. Moscow: Politizdat Publ.; 1990. 559 p. (In Russ.).
2. Mamed-Zade P.N. Russian-Egyptian relations: history and modernity. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdu-narodnye otnosheniya = Bulletin of the RUDN University. The series: International Relations*. 2006;(1):62-67. (In Russ.).
3. Kuznetsov D.V. *The Arab-Israeli conflict: history and modernity: an outline of events; documents and materials*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press; 2006. 289 p. (In Russ.).
4. Carter J. *Keeping faith. Memoirs of a President*. Toronto, New York, London, Sydney: Bantam Books Publ.; 1982. 622 p.
5. Fayazova S.S. Comparative analysis of socio-political processes in Egypt and Morocco in the context of democratization. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*. 2008;(5-6):411-417. (In Russ.).
6. Sadat A. *In search of identity. An autobiography*. London: Harper and Row Publ.; 1977. 360 p.

7. Heikal M. *The road to Ramadan. Quadrangle*. New York: The New York Times Book Co. Publ.; 1975. 297 p.
8. Vinogradov V.M. *Egypt: From Nasser to the October War. From the archive of the Ambassador*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Press; 2012. 216 p. (In Russ.).
9. Podolnikov V.P. Soviet-Egyptian relations: from Nasser to Sadat (1956-1970) (based on the memoirs of politicians and diplomats). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2021;(2):47-52. (In Russ.).
10. Lagoshina N.A., Podolnikov V.P. Muhammad Anwar Sadat and Soviet-Egyptian relations in the mid-1950s - early 1970s: based on the memoirs of Soviet and Egyptian politicians. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2022;11(10):445-462. (In Russ.).
11. Knyazev A.G. *Egypt after Nasser, 1970-1981*. Moscow: Nauka Publ.; 1986. 300 p. (In Russ.).
12. Podolnikov V.P. "The American factor" in the Soviet-Egyptian relations in the first year of the presidency of A. Sadat (based on the memories of participants in the events). *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(4):100-108. (In Russ.).
13. Ulyanischeva E.V. *The Soviet-Russian direction in the foreign policy of Egypt and Libya in the second half of the 20th century*. Dissertation Thesis. Moscow, 2008. 22 p. (In Russ.).
14. Bickerton I.J. *The Arab-Israeli conflict. A history*. London: Reaction Books Publ.; 2009. 244 p.
15. *History of the East*: in 6 vols. Vol. 6: The East in the modern period (1945-2000). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Press; 2000. 1095 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.П. Подольников – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений.

Information about the author

V.P. Podolnikov – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 24.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-80-85

ЧАНКА И ЧАНКА-БЕКИ: СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Фатимат Абдулнетифовна Полчаева

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Республика Дагестан, Россия

polchaeva94@mail.ru

Аннотация. Определяется правовой статус и социальное положение двух социальных категорий дагестанского общества периода Нового времени: чанка и чанка-беки. Проводится историко-правовой анализ их правового положения в различных дагестанских владениях и сопоставительный анализ для определения различий в социальном положении. Исторический метод позволил рассмотреть разницу статусов чанка и чанка-беков с аналогичными сословными группами других народов. Обе сословные группы происходили из неравных браков. Разница между ними состояла в том, что матери чанка-беков принадлежали к богатым, но не владельческим фамилиям, матери же чанка были из простых узденских (крестьянских) семей. Практически во всех государственных образованиях Дагестана в период с XVIII по XIX в. чанка-беки и чанка пользовались рядом привилегий, но были значительно ограничены в наследственных правах по сравнению со своими сродными братьями и сестрами, рожденными матерями из бекских (знатных) фамилий. Несмотря на имевшиеся ограничения, в истории дагестанских владений известны случаи перехода престола к чанка.

Ключевые слова: незаконнорожденные дети, чанка-беки, чанка, беки, уцмийство, шамхальство, Дагестан, сословные привилегии, феодальная знать, правовой статус

Для цитирования: Полчаева Ф.А. Чанка и чанка-беки: социальное положение и правовой статус (XVIII – первая половина XIX века) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 80–85.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CHANCA AND CHANCA-BEKS: SOCIAL SITUATION AND LEGAL STATUS (18th - FIRST HALF OF 19th CENTURY)

Fatimat A. Polchaeva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre,
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

polchaeva94@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to determine the legal status and social status of two social categories of Dagestan society of the New Age period: chanca and chanca-beks. For this, a historical and legal analysis of their legal status in various Dagestan possessions and a comparative analysis were carried out to determine differences in social status. The historical method made it possible to consider the difference in the statuses of the chanca and chanca-beks with similar estate groups of other peoples. Both estate groups came from unequal marriages. The difference between them was that the mothers of the chanca-beks came from wealthy, but not owner-owned surnames, while the mothers of the chanca were from simple uzden (peasant) families. In almost all state entities of Dagestan from the 18th to the 19th centuries, the chanca-beks and the chanca enjoyed a number of privileges but were significantly limited in inheritance rights compared to their siblings born by mothers from beks (noble) families. Despite the existing restrictions, in the history of Dagestan possessions there are known cases of the throne passing to chanca.

© Полчаева Ф.А., 2024

Keywords: illegitimate children, chanca-beks, chanca, beks, utsmiystvo, shamkhalstvo, Dagestan, class privileges, feudal nobility, legal status

For citation: Polchaeva F.A. Chanca and Chanca-Beks: Social Situation and Legal Status (18th - First Half of 19th Century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):80-85. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Социальное положение человека в обществе на протяжении истории определялось различными факторами: величиной дохода, объемом власти, силой, наличием собственности и др. В сословном обществе наличие всех этих факторов определялось кровью. Именно кровное родство давало право на наследственную собственность, на доход с нее, власть над ней. Кровь определяла всю жизнь человека в сословном обществе.

Истории известны многочисленные конфликты, междоусобицы и династические войны, возникавшие по вопросу наследования власти и собственности. Первые законодательные документы, известные человечеству, тем или иным образом регулировали этот вопрос. Салическая правда, саксонское зеркало, законы Хаммурапи, Русская Правда, декларации и другие подобные документы помогают исследователям определить социальное устройство общества и правовое положение отдельных его слоев. Однако большинству сословных обществ известны слои, положение которых уникально. Это могут быть некоторые маргинальные прослойки, находящиеся в переходном состоянии или чей статус сложно установить в силу неопределенности кровного родства. Как правило, мы говорим о детях от неравных браков или детях, рожденных вне брака. Их правовой статус, а тем более социальное положение сложно установить даже при наличии правовых документов.

Наиболее известным в этом контексте стал термин «бастард», применявшийся в средневековой Западной Европе. Так называли незаконнорожденных детей аристократов, владетельных особ. Еще с античности применялись специальные термины для обозначения ограниченных в правах детей. Так, парфениями называли потомков детей, рожденных спартанками от илотов. В Российской империи было известно понятие «воспитанник/воспитанница», обозначавшее внебрачных детей дворян, о воспитании которых отцы заботились. Такие дети могли даже жить в семье отца под чужой фамилией.

В иудейской традиции до сих пор применяется термин «мамзер». Это отдельная категория, в которую входят дети, рожденные в результате инцеста или прелюбодеяния, а также их потомки, так как жениться они могут только на мамзерах. Таким образом, статус этот становится наследственным.

Всех перечисленных выше можно отнести к категории внебрачных (или незаконнорожденных) детей. Отдельная группа – дети, рожденные в неравном браке. Подобные союзы называют мезальянсом – браком между людьми разного социального положения (сословий). Разновидностью мезальянса выступают морганатические браки, особенность их в том, что высокое положение одного из супругов не распространяется на второго. В этом случае и дети не получают всех прав своего привилегированного родителя. Такая система существует повсеместно, в том числе на Кавказе. У осетин известен термин «кавдасард», у адыгов – «тумы». В социальной структуре государств Дагестана зафиксирована особая категория – чанка.

Чанка обозначает детей, рожденных от неравных браков ханов и беков с женщинами более низкого происхождения. Но чанка не считались незаконнорожденными, даже если были рождены вне брака. Вероятно, объяснение кроется в религии: ислам позволяет многоженство, тогда как в христианской традиции жена может быть только одна. Особое значение это имело в рассматриваемый период, когда брак заключался священнослужителем посредством венчания. Рожденный вследствие нарушения таинства ребенок нес на себе отпечаток этого греха.

Последний факт и является ключевым различием в социальном положении бастардов/воспитанников и чанка-беков. Рождение последних в глазах общества не имело таких тяжелых последствий. В период правления в России Петра I отец внебрачного ребенка должен был покаяться в своих грехах и даже сесть в тюрьму, если откажется жениться на матери неза-

коннорожденного [1, с. 38]. В Российской империи правовой статус внебрачных детей строго регламентировался рядом законодательных актов, поскольку вопрос этот был связан не только с христианской моралью, но и с наследованием дворянского достоинства и собственности. Положение фигурантов таких дел менялось много раз, начиная с правления Петра I и до свержения монархии. Так, при Николае I незаконнорожденные дети дворян не допускались до получения образования.

Как мы уже отмечали, аналогичная чанка социальная категория существовала у других кавказских народов. Кавдасардами («рожденный в яслях», т.е. в хлеву) осетины называли детей знатного человека, рожденных от побочной жены «номылус». Они жили в доме отца со своими братьями и сестрами, но, поскольку считались младше по статусу, выполняли работу по дому. Фактически они являлись домашними слугами, которые после смерти отца могли уйти из дома, получив минимальную часть наследства. Положение их определялось местными адатами.

Чанка и чанка-беки в дагестанской истории представляли собой ту прослойку общества, положение которой было непостоянно. Если о правовом статусе мы можем судить исходя из малочисленных, но все же имеющихся письменных документов, то отношения чанка-беков и чанка с обществом на бытовом уровне – более сложная задача.

Следует отметить, что термин «чанка» изначально имел несколько другое содержание и обозначал дальних родственников правителей, знатных людей. У аварцев употреблялся в значении «высокородный, знатный» [2, с. 68]. Впервые упоминание чанка зафиксировано на землях даргинцев в период не ранее XVI в. [3, с. 116]. Согласно Своду заповедных законов Кайтаг-Дарго (XVII в.), в социальной иерархии Кайтагского уцмийства чанка занимали второе место после уцмия. Значение «нечистокровный» стало употребляться уже позже. Так, у А.-К.А. Бакиханова указано: «Сын эмира, рожденный от женщины, равной по званию отцу, должен называться эмиром, а в других случаях – чанка» [4, с. 109].

В историографии имеется и такое определение чанка: «сыновья, рожденные от бека и женщины простого происхождения, назывались чанка и не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы. Тем не менее они могли нести вассальную службу у ханов, шамхалов и уцмиев, владеть землями, полученными по наследству в виде “чанка-пая” еще при жизни отца» [2, с. 82–83].

У всех народов Дагестана чанка относились к категории феодальной знати. При этом положение их не везде было одинаковым: одни пользовались широкими правами и владели землями, другие оказывались сильно ограничены в правах. Объяснялось это характером общественных отношений в том или другом государственном образовании, обычаями. Но определяющую роль в жизни такого ребенка играло признание отца и его отношение.

Рассмотрим социальное положение и правовой статус чанка и чанка-беков в государственных образованиях Дагестана.

Поскольку первое упоминание чанка зафиксировано в Кайтаге, с него мы и начнем рассмотрение положения этой категории в социальной иерархии.

В социальной структуре Кайтагского уцмийства выделялись следующие категории феодальной знати: уцмий, беки, чанка-беки, чанка и сеиды. Чтобы понять разницу между чанка и чанка-беками, нужно разобраться, кто такие беки. Беки – это члены правящей фамилии, их младшая линия. При условии чистоты крови они получали от правителей в наследственное владение земли и право собирать с этих земель и их населения все денежные поступления.

Чанка-беки были рождены от гуммы, т. е. женщины из знатного, но не владельческого рода. Потому чанка-бекам отводилась меньшая часть наследства, чем чистокровным бекам [5, с. 65]. Из недвижимого имущества они могли претендовать на «12 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар и один или часть ятага» [6, с. 89]. В остальном их права в уцмийстве не были ограничены.

Чанка же были детьми от женщин простого происхождения: раятского или узденского. Историк Б.Г. Алиев отмечает, что к чанкам относились также дети от браков чанка-беков и простолудинок [7, с. 246]. Их права были значительно ограничены: они не владели селами, не имели своих раятов, владели лишь небольшими участками, выделенными им при жизни отца. М. М. Ковалевский считал, что чанка получали от отца должности местных начальников в се-

лах, в которых жили [8, с. 232]. Из данных посемейных списков союзов сельских общин Ганк, Гапш и Муфра известно, что небольшую часть их населения составляли семьи чанка. По размеру земельных наделов и количеству скота чанка не отличались от местных уздени, но в социальной иерархии выделялись своим происхождением и особым правовым положением [9, с. 12].

Однако после вхождения дагестанских земель в состав Российской империи положение чанка изменилось как в Кайтаге, так и в остальных дагестанских владениях. Российская администрация отнесла их к податному населению, тем самым лишив привилегий феодалов. В дошедшем до нас документе «Записки о сословно-поземельном строе в Кайтаге» о чанка написано, что они были «обложены податями в казну наравне с прочим населением» [6, с. 186]. Чанка могли владеть только участками при селениях наравне со всеми остальными свободными жителями сел, в которых жили. А жили они в узденских селах [10, с. 66]. Права владеть наследственными землями у них не было. Таким образом, в своем правовом статусе чанка никак не отличались от остального податного населения.

Чанка-беки же пользовались всеми правами, которые имели беки: обязательную часть наследства, право передачи земли по наследству, своих райатов и др. [10, с. 68]. Более того, от российской администрации они могли получать чины наравне с остальными детьми беков.

Положение чанка и чанка-беков сильно менялось, если умирали чистокровные наследники и они оставались последними представителями ветви. Так, в 1856 г. российская администрация утвердила уцмием чанка Ахмеда, сына Джамал-хана и сала-узденки Фатимы. Другого брака у Джамал-хана не было, потому все его наследники (Мехти, Гебек, Ахмед-паша, Аджи-бике и Кистаман) были чанка. Ахмед оставался уцмием вплоть до образования Дагестанской области. А в 1877 г., во время восстания против российской администрации, в Кайтаге было восстановлено уцмийство. Уцмием был объявлен чанка Мехти (Махди-бек), второй сын Джамал-хана [11, с. 18]. Таким образом, при отсутствии иных прямых наследников по мужской линии власть могла перейти к чанка-бекам и чанка.

В шамхальстве Тарковском, как и в остальных дагестанских владениях, положение чанка и чанка-беков было установлено в местных адатах [12], согласно которым князья могли жениться на узденках, но дети их не имели никаких прав на наследство [13, с. 240]. Чанка здесь не были равны в правах с остальными детьми: они не могли наследовать земель и иметь подвластных им райатов по наследственному праву. Однако чанка сохранял в своей собственности те земли, которые были даны ему отцом при жизни посредством назру (дарственной) [14, с. 55] и распоряжался ими как полный собственник [14, с. 183; 6, с. 89].

Согласно тем же адатам, при жизни отца чанка жили в его доме, но выполняли в нем различные работы, являлись почетными слугами [15, с. 20].

Что касается браков, стоит отметить, что в целом в Дагестане не были распространены браки между представителями разных сословий. Беки предпочитали искать невесту/жениха в бекских родословных, уздени – среди узденских. При этом учитывалась неоднородность внутри этих сословий: одни родословные были влиятельнее и богаче других. Так, в Тарковском шамхальстве даже узденство делилось на две категории: ак-уздени (белые уздени) и кара-уздени (черные уздени). Потому неудивительно, что чанка приходилось жениться на представителях своей сословной группы или ниже. Княжеские дочери выдавались замуж только за князей [13, с. 240]. Браки чанка или чанка-беков с представителями княжеских родов все же случались, но были исключением и объяснялись конкретными обстоятельствами. Дети от таких браков к чанка уже не относились.

Известна история Султан-Махмуда (Султан-Мута), сына шамхала Чупана и кабардинки из рода Анзоровых. Сродные братья не признавали его равным себе и считали чанка. Вследствие того после смерти отца Султан-Махмуд мог остаться без наследства. Однако благодаря личным качествам и военной силе он получил во владение Эндирей. Также чанка Султан-Махмуд сумел жениться на представительнице княжеского рода, тем самым сделав своих наследников (Айдемира и Казаналпа) чанка-беками.

Примечательна история другого чанка – Сурхай-хана Кун-Буттая (1789–1820 гг.). Он был одним из сыновей казикумухского правителя Мухаммад-хана и после его смерти в 1789 г. унаследовал престол. При этом у Мухаммад-хана было трое сыновей, двое из которых были рож-

дены от жены из знатного рода, а Сурхай – от матери более низкого происхождения. Ситуация, при которой чанка Сурхай смог стать ханом, сложилась в результате конфликта братьев. Вероятно, что один из троих сыновей Мухаммад-хана Аслан был убит Сурхаем. Третий из сыновей Мухаммад-хана ушел в южные земли, где стал править отдельным Кюринским ханством независимо от отца. Так, после смерти отца чанка Сурхай, оставшийся единственным претендентом, становится ханом. Этому способствовали также личные качества нового правителя и особая расположенность к нему отца.

Из перечисленных выше ситуаций следует, что чанка-беки и даже чанка, несмотря на ограниченность в правах, все же не исключались из очереди на престол полностью и могли его занять при отсутствии других прямых наследников по мужской линии.

Кратко отметим положение чанка и чанка-беков в других дагестанских владениях. В Кюринском ханстве положение чанка и чанка-беков было таким же, как в Тарковском шамхальстве и Казикумухском ханстве. Они получали при жизни отца свою долю, работали в доме в качестве почетных приближенных слуг, а после смерти отца могли из дома уйти. Российская администрация и здесь причислила чанка к податному сословию, а чанка-беков – к феодальному.

Значительно отличалось положение чанка и чанка-беков в Аварском ханстве. Как правило, они не жили в доме отца, выполняя роль почетных слуг. Более того, они расселялись по разным зависимым аулам ханства. Несмотря на то что имущественное отношение их не сильно отличалось от узденского, правовой статус чанка был значительно выше. Частично это закреплено в письменных соглашениях между чанка, с одной стороны, и гоцатлинскими князьями – с другой [16, с. 21]. Так, в Гунибском округе в первой половине XIX в. жизнь чанка оценивалась в два раза выше, чем уздени: за убийство чанка с уздени взыскивался штраф вдвое больший, нежели в обратном случае [6, с. 293].

Интерес представляет Табасаранское майсумство. В отличие от всех остальных феодальных владений здесь не было чанка-беков и чанка. Все дети, рожденные от табасаранских беков, были равны в своем положении и правах [17, с. 151].

Из представленных нами сведений следует, что чанка и чанка-беки в социальной иерархии народов Дагестана занимали промежуточную позицию между чистокровными беками и салауздени. Их правовое положение определялось местными адатами (порой закрепленными документально), а место в социальной иерархии зависело от признания отца (бека) и его отношения. Как правило, они стояли ниже своих сродных братьев, рожденных от женщин из знатных фамилий. Но в исключительных случаях чанка-беки и чанка могли даже занять престол. Это говорит о том, что полностью из системы престолонаследия они не исключались.

Список источников

1. Крылова А. А. Незаконнорожденные дети дворян в Российской империи: права и социальный статус // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Серия : Соц.-гуманит. науки. 2016. Т. 16, № 4. С. 38–43.
2. Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М. Чанка // Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения / сост. Н. С. Джидалаев. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1985. С. 67–94.
3. Гагиев В. Т. Чанки и чанка-беки Дагестана // Изв. СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2010. Вып. 4. С. 116–119.
4. Бакиханов А.-К. А. Гюлистан-и Ирам / под ред. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1991. 304 с.
5. Магомедов И. А. Феодальное сословие Кайтага в XVIII – начале XIX в. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 60–68.
6. Феодальные отношения в Дагестане XIX – начале XX в. (архивные материалы) / сост., предисл. и примеч. Х. М. Хашаева. М.: Наука, 1969. 396 с.
7. Алиев Б.Г. Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. М.: Парнас, 2011. 560 с.
8. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. Т. 1. 324 с.
9. Шамхалов К. И. Союзы сельских общин Верхнего Кайтага (Ганк, Гапш и Муфра) в XVIII – первой половине XIX в.: исследование социально-экономического развития и административно-политического устройства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. 21 с.
10. Алимova Б.М. Кайтаги. XIX – начало XX в. : ист.-этнограф. исследование. Махачкала: Юпитер, 1998. 228 с.
11. Магомедов Р. М. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. Махачкала: Даггосиздат, 1940. 79 с.
12. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. 280 с.

13. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы / отв. ред. М. О. Косвен. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958. 367 с.
14. История Дагестана. Т. 2 : XIX – начало XX в. / авт. В. Г. Гаджиев, С. Ш. Гаджиева, Г. Д. Даниялов [и др.]. М.: Наука, 1968. 368 с.
15. Адагы жителей Кумыкской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI. 440 с.
16. *Айтберов Т. М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1998. Ч. I. 126 с.
17. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. 279 с.

References

1. Krylova A.A. Illegitimate children of nobles in the Russian Empire: rights and social status. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*. 2016;16(4):38-43. (In Russ.).
2. Dzhidalaev N.S., Aytberov T.M. Chanca. *Tyurko-Dagestan language relations*. Comp. by N.S. Dzhidalaev. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences Press; 1985:67-94. (In Russ.).
3. Gagiev V.T. Chanca and Chanca-beks of Dagestan. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh = Proceedings of NOIHSR. School of Young Scientists*. 2010;(4):116-119. (In Russ.).
4. Bakikhanov A.-K.A. *Gulistan-i Iram*. Ed. by Z.M. Buniyatova. Baku: Elm Publ.; 1991. 304 p. (In Russ.).
5. Magomedov I.A. The feudal class of Kaitag in the 18th - early 19th century. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 2009;(119):60-68. (In Russ.).
6. Khashaev Kh.M., comp. *Feudal relations in Dagestan in the 19th - early 20th century (archival materials)*. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 396 p. (In Russ.).
7. Aliev B.G. *The structure of the feudal class and forms of feudal land ownership in Dagestan in the 18th - first half of the 19th century*. Moscow: Parnas Publ.; 2011. 560 p. (In Russ.).
8. Kovalevsky M.M. *Law and custom in the Caucasus*. Moscow: Printing House of A.I. Mamontov and Co; 1890. Vol. 1. 324 p. (In Russ.).
9. Shamkhalov K.I. *Unions of rural communities of Upper Kaytag (Gank, Gapsh and Muira) in the 18th - first half of the 19th century: a study of socio-economic development and administrative-political structure*. Dissertation Thesis. Makhachkala, 2003. 21 p. (In Russ.).
10. Alimova B.M. *Kaitagi. 19th – early 20th century: historical and ethnographic research*. Makhachkala: Yupiter Publ.; 1998. 228 p. (In Russ.).
11. Magomedov R.M. *The uprising of the highlanders of Dagestan in 1877*. Makhachkala: Daggosizdat Publ.; 1940. 79 p. (In Russ.).
12. Khashaev H.-M., comp. *Monuments of customary law of Dagestan of the 17th - 19th centuries: archival materials*. Moscow: Nauka Publ.; 1965. 280 p. (In Russ.).
13. Cosven M.O., resp. ed. *History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th - 19th centuries: archival materials*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature; 1958. 367 p. (In Russ.).
14. Gadzhiev V.G., Gadzhieva S.Sh., Daniyalov G.D. et al. *History of Dagestan. Vol. 2: 19th - early 20th century*. Moscow: Nauka Publ.; 1968. 368 p. (In Russ.).
15. Customs of the inhabitants of the Kумыk region. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis, 1872, rel. 6. 440 p. (In Russ.).
16. Aytberov T.M. *Anthology on the history of law and state of Dagestan in the 18th - 19th centuries*. Makhachkala: Publishing House of Dagestan State University; 1998. Part 1. 126 p. (In Russ.).
17. Ramazanov Kh.Kh., Shikhsaidov A.R. *Essays on the history of Southern Dagestan. Materials on the history of Dagestan from ancient times to the beginning of the 20th century*. Makhachkala, 1964. 279 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф. А. Полчаева – младший научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана.

Information about the author

F.A. Polchaeva – Junior Researcher of the Department of Ancient and Medieval History of Dagestan.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94(47).084.9:[327+172.4]
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-86-92

ПОНИМАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В ДОКУМЕНТАХ ВЛКСМ В 1950–1960-е ГОДЫ

Левент Талтангов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
taltangov_levent@mail.ru

Аннотация. Хрущевская интерпретация пролетарского интернационализма совпала с ожиданиями советского народа и молодежи спустя 40 лет после Октябрьской революции в достижении ее целей и задач. «Успокоительные» настроения в СССР в немалой степени способствовали фрагментации мирового коммунистического движения. Смена терминологии партийных документов КПСС и ВЛКСМ отразила этот процесс. Недолговечные радикальные настроения в среде советской молодежи в середине 1960-х гг. снизились в начале 1970-х. Выполнение советской молодежью интернационального долга сводилось лишь к установлению контактов со всеми молодежными организациями мира, независимо от классовой и политической позиции, а сам интернационализм означал не более чем рекламу достижений советской страны.

Ключевые слова: ВЛКСМ, комсомол, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, интернационализм, советская молодежь, фрагментации мирового коммунистического движения

Для цитирования: Талтангов Л. Понимание пролетарского интернационализма в документах ВЛКСМ в 1950–1960-е годы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 86–92.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

UNDERSTANDING OF PROLETARIAN INTERNATIONALISM IN THE DOCUMENTS OF THE ALL-UNION LENINIST COMMUNIST YOUTH UNION IN 1950-1960s

Levent Taltangov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
taltangov_levent@mail.ru

Abstract. Khrushchev's interpretation of proletarian internationalism coincided with the expectations of the Soviet people and youth 40 years after the October Revolution in achieving its goals and objectives. The “calming” moods in the USSR contributed significantly to the fragmentation of the world communist movement. The change in the terminology of the party documents of the Communist Party of the Soviet Union and the All-Union Leninist Communist Youth Union reflected this process. The short-lived radical moods among Soviet youth in the mid-1960s declined in the early 1970s. The fulfillment of the international duty by Soviet youth was reduced to establishing contacts with all youth organizations of the world, regardless of class and political position, and internationalism itself meant nothing more than advertising the achievements of the Soviet country.

Keywords: All-Union Leninist Communist Youth Union, Komsomol, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, internationalism, Soviet youth, fragmentation of the world communist movement

For citation: Taltangov L. Understanding of Proletarian Internationalism in the Documents of the All-Union Leninist Communist Youth Union in 1950-1960s. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):86-92. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В 1950-е гг. в советском обществе стал складываться консенсус между руководством страны и гражданами на основе лозунга «борьба за мир», в первую очередь для обеспечения стремления советского народа к устойчивой и мирной жизни. Эта новая данность заложила начало будущего разрыва между целями советской внешней политики и устремлениями угнетенных народов, особенно их молодежи, выступавшей как авангард национально-освободительного движения. Советский Союз продолжал играть роль оплота подобных течений, только благодаря его помощи – материальной, политической, дипломатической, идеологической – нарастала освободительная борьба колониальных народов. В первые годы этой эпохи стремление к развитию международных связей, осуществляемое без учета классовых и политических различий, способствовало укреплению международного авторитета СССР. Окончательное формирование данной стратегии стало одной из причин раскола в коммунистическом движении.

Этот процесс, занявший около двух десятилетий, нашел отражение в смене терминологии партийных документов КПСС и ВЛКСМ. Анализ роли советских молодежных организаций и изменяющихся концепций их организации и функционирования, особенно в контексте внешней политики СССР, можно осуществить через выступления генеральных секретарей КПСС Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева на съездах и пленумах ВЛКСМ. Важными источниками для исследования также являются документы ВЛКСМ и материалы съездов комсомола, проведенных в период с 1950 по 1966 г., а также отдельные пленумы, выбранные в качестве примеров, которые иллюстрируют тенденции и нюансы изменений в восприятии интернационализма¹.

В ходе XII съезда ВЛКСМ, проходившего с 19 по 26 марта 1954 г., были выделены ключевые моменты: сохранение имени И.В. Сталина в ряду вождей, укрепление Советского социалистического государства названо приоритетом партии, перед молодежью была поставлена задача развития социалистической экономики. В своем докладе первый секретарь ВЛКСМ А.Н. Шелепин отметил, что интернациональная деятельность включает в себя поддержку Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС), а также укрепление «дружбы и сотрудничества со всей прогрессивной молодежью в борьбе за мир во всем мире, за лучшее будущее молодежи» [1].

Второстепенность международных вопросов по сравнению с внутренними стала очевидной на XI съезде ВЛКСМ в 1949 г. и продолжала оставаться таковой в формулировках 1954 г. В резолюции съезда подчеркивалось, что ВЛКСМ обязан поддерживать развитие международного демократического движения молодежи и содействовать углублению братских отношений между советской молодежью и молодежью стран соцлагеря, в частности Китая и ГДР, а также молодежью «капиталистических, колониальных и зависимых стран» [2].

Фестивальное движение было признано эффективной формой для достижения этих целей. В решении Пленума ЦК ВЛКСМ от 9 апреля 1956 г. по проведению Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве отмечалось, что фестиваль откроет новые и обширные перспективы для углубления дружеских связей между советской молодежью и молодежью других стран, что содействует укреплению взаимопонимания среди юношей и девушек по всему миру [3].

На пленуме ЦК ВЛКСМ 27 февраля 1957 г. международные вопросы стали более значимыми, что связано не только с готовящимся фестивалем, но и с событиями в Венгрии. Резкий отклик, вызванный этими событиями среди советской молодежи, был обусловлен неприемлемостью для многих комсомольцев силового решения конфликта. Трактовка событий заимствовалась из иностранных передач, которые уже стали транслироваться на массовую советскую аудиторию. Усилился запрос на перестройку идеологического воспитания молодежи, что и было выражено в партийной периодике: «Многие комсомольские организации, комитеты... не ведут наступательной борьбы против происков буржуазной пропаганды, слабо воспитывают молодежь в духе большевистской бдительности» [4]. Эта проблема становилась актуальнее в

¹ В 1953 г. была создана новая должность – первый секретарь КПСС, заменившая генерального секретаря. Это изменение названия произошло в 1966 г. Тем не менее в нашей работе будет применяться разговорный стиль, несмотря на официальное наименование.

связи с грядущим фестивалем: «всемерное развитие контактов и связей с прогрессивными молодежными организациями зарубежных стран» является особой задачей бюро ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций [5].

Хрущев дважды выступал на съездах ВЛКСМ; присутствовал на некоторых заседаниях XII съезда (19–26 марта 1954 г.), но не выступал. На XIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 г. он произнес речь о концепции «нового человека», утверждая, что «современные условия строительства коммунизма требуют людей высокообразованных, способных решать сложнейшие задачи» [6], не упомянув об интернациональном долге комсомольцев. В обращении ЦК КПСС к этому съезду среди ключевых характеристик молодого коммуниста основное внимание уделялось патриотизму. Когда речь шла о пролетарском интернационализме, он рассматривался как второстепенная задача для советского правительства [7].

Такой подход, подчеркивающий приоритеты КПСС, типичен для документов тех лет. Примечательно, что обычно отмечалось «воспитание молодежи в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма», однако в речи первого секретаря комсомола А.Н. Шелепина на XIII съезде ВЛКСМ (15–18 апреля 1958 г.) опущена вторая часть этой политико-идеологической дихотомии. Он акцентировал внимание на воспитательных задачах комсомола, отметив, что существуют люди, которые «находятся в плену чуждых нам вкусов, увлекаются дурными танцами, абстракционистской живописью и скульптурой, одеваются как попугаи» [8].

К тому времени уже обозначились разногласия с югославскими коммунистами, а также первые признаки конфликта с албанцами. В редакционной статье «Комсомольской правды», опубликованной во время съезда, написано, что империалистические силы всеми способами стремятся вызвать разногласия в мировом молодежном коммунистическом движении, отмечались усилия «ревизионистов» отделить комсомол от партии, что подрывало бы силу второй [9].

В резолюции съезда был сделан упор на масштабной интернациональной деятельности ВЛКСМ и обозначена ее основная цель: установление «деловых связей» с молодежными организациями «независимо от их политической направленности, со всеми, кому дорог мир на земле и счастье молодого поколения». И в качестве дополнительной: «решительно выступать против колониализма, за национальную независимость народов» [9].

29 июля 1958 г. И.Н. Месяцев, занимая пост секретаря ЦК ВЛКСМ, представил отчет о подготовке к предстоящему фестивалю в Вене. Он отметил, что обстановка на Ближнем Востоке, особенно в Ливане и Иордании, стала более сложной, есть угроза новой войны. Тем не менее задача советской молодежи на данном мероприятии была обозначена лишь как демонстрация достижений СССР, в состав советской делегации вошли лучшие представители рабочей, сельской, учащейся молодежи, молодых ученых, художников, писателей, композиторов, спортсменов, артистов, самодеятельного искусства [10].

На XIV съезде ВЛКСМ 19 апреля 1962 г. Хрущев в своем выступлении сконцентрировался на негативных явлениях в слоях советской молодежи, осуждая «паразитические элементы», имея в виду стилижничество и оценивая его как одну из форм идеологической диверсии [11]. Международные вопросы не были поставлены, что, безусловно, говорит о их не востребованности советским руководством. Однако они приобретали чрезвычайную актуальность, которая не осознавалась элитами СССР. Именно в этот момент международное молодежное движение уже начало радикализироваться, что было связано с переходом поколений, на Западе уже проявлялись первые признаки новой эпохи социальных потрясений.

XIV съезд ВЛКСМ (16–20 апреля 1962 г.) продолжил линию на приоритет внутренней повестки дня. В докладе первого секретаря С.П. Павлова уделялось значительное внимание сотрудничеству с молодежью других стран, прежде всего соцлагеря: Северной Кореи, Вьетнама и ГДР. Когда речь шла о Китае, Павлов констатировал, что советская сторона поддерживает китайскую борьбу «за освобождение Тайваня и восстановление законных прав великого китайского народа в ООН». На съезде выступил и секретарь ЦК комсомола Китая Ян Хайбо. Казалось бы, стороны высказывались по поводу «нерушимой дружбы», но визит Ян Хайбо стал последним для представителей Китая на столь крупном мероприятии в СССР.

Наметившийся раскол в коммунистическом движении проявился на съезде в форме призывов к единству и интернациональному долгу. Китайская компартия как виновник раскола не

была упомянута. В то время критика была адресована албанским коммунистам [12]. Это нашло отражение в резолюции съезда, где подчеркивалась «решительная и непримиримая борьба с любыми проявлениями ревизионизма, догматизма, сектантства в молодежном движении» [13].

Если рассматривать акценты в деятельности пленумов ЦК ВЛКСМ, то с середины 1950-х гг. основное внимание уделялось практическим задачам комсомольцев в области промышленности и сельского хозяйства. В 1960-е гг. (на XIV съезде ВЛКСМ в 1962 г., на III пленуме ЦК ВЛКСМ в 1963 г.) начали доминировать новые тенденции – воспитание нового человека [14]. Ч. Айтматов, будучи тогда еще молодым, но уже лауреатом Ленинской премии, выразил в своем выступлении эту линию: «Я убежден, что задачу воспитания нового человека может выполнить только партийное, правдивое, человеколюбивое искусство» [15]. Темы международного молодежного движения приобрели к концу руководства Хрущева вторичность.

Акценты брежневской эпохи четко были выражены на центральных внутривнутриполитических собраниях. На пленуме ЦК ВЛКСМ, состоявшемся 27–28 декабря 1965 г., рассматривался вопрос о воспитании молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. Это были ценности, на основе которых должно быть организовано противодействие «мещанским взглядам и привычкам, фактам бюрократизма, шкурничества и других отрицательных явлений» [16]. Интернациональный долг же представлен лишь в контексте обороны.

Об «огненном романтизме» героев прошлого говорил Л.И. Брежнев в выступлении на XV съезде ВЛКСМ (17–21 мая 1966 г.). Здесь он подчеркивал важность того, что «каждому молодому человеку мы должны дать понимание общих целей нашей революции, помочь определить свое конкретное место в революционном преобразовании мира». В своей речи он уделил значительное внимание внешнеполитическим вопросам, отметив американскую агрессию во Вьетнаме. И добавил, что советская молодежь демонстрирует солидарность с вьетнамскими братьями посредством конкретных действий. Боевой тон его речи не мог не привлечь внимания, подчеркивая связь между молодежью и армией: «И мы уверены, если пробьет суровый час, они не пощадят своей жизни во имя дела революции, во имя Родины, во имя коммунизма» [17].

Речь секретаря Павлова, полная энтузиазма, касалась вопросов революционного движения по всему миру: «Мы протягиваем руку дружбы... молодым людям, независимо от того, верующие они или атеисты, к каким социальным слоям они принадлежат и каких политических взглядов придерживаются». В его выступлении внешнеполитический характер международной деятельности советских молодежных организаций на внешнем контуре выражен особенно четко; он подчеркивал, что имеющиеся идеологические расхождения не принципиальны [18]. Примечательно, что организация отказалась учитывать политические и классовые различия среди молодежи, что стало продолжением курса, начавшегося в 1950-х гг. Однако атмосфера съезда своим революционным посылом более напоминала довоенный период, может быть, впервые и единственный раз в послевоенное время.

В своем выступлении на пленуме ЦК ВЛКСМ 1 февраля 1967 г. Брежнев перечислил цели комсомола, главной из которых на международной арене была помощь партии по укреплению «международного авторитета Советского государства в глазах всех честных людей мира». Конкретная задача заключалась в использовании всех форм сотрудничества «для более глубокой и убедительной пропаганды наших идей, нашего образа жизни» [19, с. 497]. Иными словами, интернационализм рассматривался как инструмент советской пропаганды для того, чтобы «завоевывать нашей стране новых друзей».

И это вполне ожидаемо, поскольку советское руководство, начиная со Сталина, представляло Советский Союз как ключевую опору и основной источник всего коммунистического движения. Концепции советского интернационализма, ВЛКСМ, другие молодежные организации СССР были лишь инструментами для этой цели. Интересно, что к концу 1960-х гг. данное понимание интернационализма стало переплетаться с воинственным настроением в рядах молодежи, что следует рассматривать как следствие мировой революционной волны того времени. Комсомол должен был стать помощником партии в воспитании молодежи как «настоящих интернационалистов». Однако, почти противореча главной задаче молодежи, т. е. «убедительной пропаганде... нашего образа жизни», он также высказался о необходимости овладения марксистско-ленинской теорией, преданности заветам В.И. Ленина о неразрывности задач воспита-

ния патриотизма, развития революционного классового самосознания и пролетарского интернационализма [19, с. 497–500].

Выступление Брежнева на пленуме ЦК ВЛКСМ 25 октября 1968 г. указало «важнейшую часть» советского интернационализма в этот раз по-другому: строительство коммунизма, укрепление могущества и обороноспособности страны [20, с. 271]. На этом пленуме он отметил «огромную многостороннюю помощь» вьетнамцам, «активную поддержку» освободительной борьбы арабских наций, а также «многообразные формы содействия народам молодых государств, сбросивших колониальное иго и ставших на путь антиимпериалистической борьбы». Последнее было охарактеризовано как «проявление интернационализма советских людей в современных условиях».

С начала 1970-х гг. в документах комсомола тема интернационализма и солидарности постепенно утратила свою значимость. В своем выступлении на XVI съезде ВЛКСМ (1970 г.) Брежнев упоминал о «настоящем братстве», которое объединяет «нашу молодежь с молодежью других социалистических стран». Однако о молодежном движении в капиталистических странах он упоминал лишь как о «серьезном факторе политической борьбы» [21, с. 14]. Ясно, что такое отношение было вызвано нежеланием руководства КПСС блокироваться с радикальным студенческим и молодежным движением, которое охватило всю Европу, что могло поставить под угрозу усилия по установлению диалога с Соединенными Штатами и западноевропейскими государствами в ходе развития политики ослабления международной напряженности.

Заключение

Требование советского руководства к устойчивому миру с капиталистическим миром совпало со стремлением советского народа к устойчивой и мирной жизни после долгих лет коллективизации, индустриализации и, главное, войны. Повесткой дня комсомола в первую половину рассматриваемого периода, т. е. по 1961–1962 гг., было участие молодежи в строительстве социалистической промышленности и сельского хозяйства. Пожалуй, единственным исключением является возвращение интернационализма в дискурс в 1956 г. под влиянием венгерских событий, но он формулируется не как солидарность с молодежью угнетенных народов, а лишь как «укрепление взаимопонимания среди молодежи по всему земному шару». Интернациональный долг комсомола – «всемерное развитие контактов и связей с прогрессивными молодежными организациями зарубежных стран», а его главный инструмент – фестивальное движение. Хотя в первые годы этого периода стремление к развитию международных связей, осуществляемое без учета классовых и политических различий, способствовало укреплению международного авторитета СССР, но именно тогда в истории Советского Союза впервые возник разрыв между внешнеполитическими целями советского руководства и устремлениями угнетенных народов, и особенно их молодежи. Это противоречие привело к расколу в коммунистическом движении.

К концу первой половины этого периода на первый план выходит программа создания нового человека, противостоящего влиянию буржуазной идеологии на основе патриотизма. Однако, несмотря на рост национально-освободительных войн во всем мире, интернационализм по-прежнему играл в этих документах незначительную роль.

Ускорение новой эры революций в 1960-е гг. и одновременно фрагментация международного коммунистического движения выдвинули интернационализм и нового человека на первый план в повестке дня комсомола. Документы второй половины рассматриваемого периода также свидетельствуют о тенденциях к радикализации советской молодежи. Однако эта радикализация была недолгой и напрямую пресекалась советским руководством. Молодежные волнения 1968 г. на Западе и доктрина Брежнева – это обычно указываемая точная дата начала политического застоя, но на самом деле уже в середине 1960-х гг. в международной деятельности ВЛКСМ интернационализм превратился в пустую риторiku.

Список источников

1. XII съезду Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи от ЦК КПСС // Правда. 1954. 20 марта.

2. Резолюция XII съезда ВЛКСМ по отчетному докладу о работе ЦК ВЛКСМ // Правда. 1954. 24 марта.
3. V Пленум ЦК Комсомола // Правда. 1956. 10 апр.
4. Пленум Центрального комитета ВЛКСМ // Правда. 1957. 28 февр.
5. Постановление Пленума ЦК ВЛКСМ // Комсомольская правда. 1957. 28 февр.
6. Хрущев Н.С. Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества (Речь товарища Н. С. Хрущева на XIII съезде ВЛКСМ 18 апреля 1958 года) // Правда. 1958. 19 апр.
7. Центральному комитету Коммунистической партии Советского Союза от XIII съезда ВЛКСМ // Правда. 1958. 19 апр.
8. Шелепин А.Н. Отчет ЦК ВЛКСМ XIII съезду // Правда. 1958. 16 апр.
9. Комсомол и международное юношеское движение (из резолюции XIII съезда ВЛКСМ) // Комсомольская правда. 1958. 19 апр.
10. Второй пленум ЦК ВЛКСМ // Правда. 1958. 31 июля.
11. Хрущев Н.С. Молодые строители коммунизма, высоко несите знамя Ленина! (Речь товарища Н. С. Хрущева на XIV съезде комсомола 19 апреля 1962 года) // Правда. 1962. 21 апр.
12. Павлов С.П. Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола, вытекающие из решений XXII съезда КПСС // Правда. 1962. 17 апр.
13. Резолюции съезда ВЛКСМ: крепить дружбу и сотрудничество // Комсомольская правда. 1962. 21 апр.
14. По-ленински жить и побеждать // Правда. 1963. 13 июля.
15. Под знаменем Ленина, славной дорогой отцов (с пленума ЦК ВЛКСМ) // Правда. 1963. 11 июля.
16. Заметки с пленума ЦК ВЛКСМ: воспитывать молодежь на героических традициях народа // Правда. 1965. 30 дек.
17. Брежнев Л.И. Речь товарища Л. И. Брежнева на XV съезде ВЛКСМ 17 мая 1966 г. // Правда. 1966. 18 мая.
18. Павлов С.П. Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола, вытекающие из решений XXIII съезда КПСС // Правда. 1966. 18 мая.
19. Брежнев Л.И. О задачах комсомола в современных условиях (из доклада на пленуме ЦК ВЛКСМ 1 февраля 1967 года) // Ленинским курсом. Речи и статьи : в 7 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 1. 548 с.
20. Брежнев Л.И. Речь на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ 25 октября 1968 года // Ленинским курсом. Речи и статьи : в 7 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 2. 608 с.
21. Брежнев Л.И. Речь генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева 26 мая 1970 года // Материалы XVI съезда ВЛКСМ. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. 254 с.

References

1. To the 12th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union from the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. *Pravda = The Truth*. 1954. 20th March. (In Russ.).
2. Resolution of the 12th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union on the report on the work of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union. *Pravda = The Truth*. 1954. 24th March. (In Russ.).
3. 5th Plenum of the Central Committee of the Komsomol. *Pravda = The Truth*. 1956. 10th April. (In Russ.).
4. Plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union. *Pravda = The Truth*. 1957. 28th Febr. (In Russ.).
5. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union. *Komsomol'skaya pravda = The Truth of Komsomol*. 1957. 28th Febr. (In Russ.).
6. Khrushchev N.S. To educate active and conscious builders of communist society (Speech by Comrade N.S. Khrushchev at the 13th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union on 18th April 1958). *Pravda = The Truth*. 1958. 19th April. (In Russ.).
7. To the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union from the 13th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union. *Pravda = The Truth*. 1958. 19th April. (In Russ.).
8. Shelepin A.N. Report of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union to the 13th Congress. *Pravda = The Truth*. 1958. 16th April. (In Russ.).
9. Komsomol and the international youth movement (from the resolution of the 13th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union). *Komsomol'skaya pravda = The Truth of Komsomol*. 1958. 19th April. (In Russ.).
10. Second Plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union. *Pravda = The Truth*. 1958. 31st July. (In Russ.).

11. Khrushchev N.S. Young builders of communism, hold high the banner of Lenin! (Speech by Comrade N.S. Khrushchev at the 14th Congress of the Komsomol, 19th April 1962). *Pravda = The Truth*. 1962. 21st April. (In Russ.).

12. Pavlov S.P. Report of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union and the tasks of the Komsomol arising from the decisions of the 22th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. *Pravda = The Truth*. 1962. 17th April. (In Russ.).

13. Resolutions of the Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union: Strengthen friendship and cooperation. *Komsomol'skaya pravda = The Truth of Komsomol*. 1962. 21st April. (In Russ.).

14. To live and win according to Lenin. *Pravda = The Truth*. 1963. 13th July. (In Russ.).

15. Under the banner of Lenin, the glorious road of our fathers (from the plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union). *Pravda = The Truth*. 1963. 11th July. (In Russ.).

16. Notes from the Plenum of the Central Committee of the Notes from the Plenum of the Central Committee of the Komsomol: Educating the youth on the heroic traditions of the people: Educating the youth on the heroic traditions of the people. *Pravda = The Truth*. 1965. 30th Dec. (In Russ.).

17. Brezhnev L.I. Speech by Comrade L.I. Brezhnev at the 15th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union on 17th May 1966. *Pravda = The Truth*. 1966. 18th May. (In Russ.).

18. Pavlov S.P. Report of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union and the tasks of the Komsomol arising from the decisions of the 23rd Congress of the Communist Party of the Soviet Union. *Pravda = The Truth*. 1966. 18th May. (In Russ.).

19. Brezhnev L.I. On the tasks of the Komsomol in modern conditions (from the report at the plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union on 1th February 1967). *Lenin's course. Speeches and articles: in 7 vols.* Moscow: Publishing House of Political Literature; 1970. Vol. 1. 548 p. (In Russ.).

20. Brezhnev L.I. Speech at the ceremonial plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Communist Youth Union on 25th October 1968. *Lenin's course. Speeches and articles: in 7 vols.* Moscow: Publishing House of Political Literature; 1970. Vol. 2. 608 p. (In Russ.).

21. Brezhnev L.I. Speech by the General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Comrade L.I. Brezhnev, 26th May 1970. *Materials of the 16th Congress of the All-Union Leninist Communist Youth Union*. Moscow: Publishing House of Political Literature; 1970. 254 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. Талтангов – соискатель кафедры связей с общественностью.

Information about the author

L. Taltangov – Competitor of the Department of Public Relations.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94(461, 22)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-93-99

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ У ИНГУШЕЙ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Ахмед Якубович Цечоев

Ингушский государственный университет, Магас, Республика Ингушетия, Россия
tayakubovich@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается суть общественного прогресса у ингушей в XVIII–XIX вв., обусловленного экономической дифференциацией и социальной стратификацией. Отслеживается путь прогресса социально-экономических отношений этноса от периода проживания в горах в начале XVIII в. и до интеграции в российское общество во второй половине XIX в. Народные промыслы рассматриваются как фактор социальной градации и вовлечения народа в товарно-денежные, рыночные отношения российской экономики. Предпринята попытка показать прогрессивную роль Российского государства и его экономики в социально-экономическом развитии ингушей. Опровергается идея современников и поздних исследователей об отсутствии у ингушей социальной градации как в ранний период проживания в горах, так и после миграций на плоскость. Подчеркивается, что экономическая дифференциация и социальная стратификация являются важным и необходимым фактором, который обеспечивает общественный прогресс этноса посредством конкурентной борьбы, без которой в социальных отношениях нет прогресса. Разработка основана на сравнительно-сопоставительном анализе материалов и исследований как авторов-современников, так и последующих ученых.

Ключевые слова: ингуши, экономическая дифференциация, социальная стратификация, промыслы, интеграция в российскую экономику

Для цитирования: Цечоев А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII–XIX веках // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 93–99.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ECONOMIC DIFFERENTIATION AND SOCIAL STRATIFICATION OF THE INGUSH IN THE 18th-19th CENTURIES

Akhmed Ya. Tsechoev

Ingush State University, Magas, Republic of Ingushetia, Russia
tayakubovich@yandex.ru

Abstract. The article reveals the essence of social progress of the Ingush in the 18th-19th centuries, conditioned by economic differentiation and social stratification. It traces the path of progress of socio-economic relations of the ethnic group from the period of residence in the mountains at the beginning of the 18th century to integration into Russian society in the second half of the 19th century. Folk crafts are considered as a factor of social gradation and involvement of the people in commodity-money, market relations of the Russian economy. An attempt is made to show the progressive role of the Russian state and its economy in the socio-economic development of the Ingush. The idea of contemporaries and later researchers about the absence of social gradation among the Ingush both in the early period of residence in the mountains and after migration to the plain is refuted. It is emphasized that economic differentiation and social stratification are an important and necessary factor that ensures the social progress of the ethnic group through competitive strug-

gle, without which there is no progress in social relations. The development is based on a comparative analysis of materials and studies of both contemporary authors and subsequent scientists.

Keywords: Ingush, economic differentiation, social stratification, crafts, integration into the Russian economy

For citation: Tsechoev A.Ya. Economic Differentiation and Social Stratification of the Ingush in the 18th-19th centuries. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):93-99. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Социальная конструкция ингушского общества в контексте стратификации весьма актуальна для понимания уровня развития накануне вхождения и дальнейшего прогресса в составе России. Социальная стратификация и экономическая дифференциация находятся в тесной взаимосвязи и коррелируют. Без экономической дифференциации нет социальной стратификации, и наоборот. В случае с ингушами в период до миграций на плоскость экономика находилась на полупатриархальном уровне развития. Тому были разные причины, в том числе географические условия, климат, рельеф местности, экстенсивное производство, уровень общественного сознания и др.

Социально-экономическая дифференциация и градация – стимул для прогресса, а их отсутствие ведет к экономической стагнации и социальной регрессии. Социальная стратификация и экономическая дифференциация являются характерной особенностью для любого типа обществ по той причине, что абсолютное социальное равенство противоестественно.

Еще в XVII в. английский мыслитель Т. Гоббс выдвинул концепцию о том, что люди от природы рождаются равными в потребностях. Однако между ними существуют различия, обусловленные разными возможностями для удовлетворения равных потребностей. «Если мы с вами хотим пить, то нет никакой разницы, кто из нас глупый, а кто умный, кто богатый, а кто бедный, кто имеет некие способности, а кто – нет. Жажда время от времени испытывают все. Если мы хотим чего-то еще, то также в равной степени будем на это претендовать» [1].

Представления современников и поздних авторов об отсутствии у ингушей социальной градации являются умозрительными и противоречат научной объективности. К тому же эти авторы под сословными подразумевают крепостнические, зависимые отношения, которых у ингушей реально не было и которые, однако, не исключают социальной стратификации.

Одним из ранних авторов, обративших внимание на социальные отношения ингушей, был Я. Рейнегтс, отметивший, что ингушам «название господин и слуга... совсем не известно», однако народ, «сколько бы он, впрочем, ни был непокорен в своей вольности, всегда имеет некоторых из своих сочленов, которые, будучи от всех единогласно выбраны, пекутся о внутреннем порядке общего блага и для того почитаются за судей и за советников, коим все обязаны повиноваться, весьма редко бывают из них столь ослушны, чтоб не захотели себя подвергнуть наказанию, которое судья на них налагает» [Цит. по: 2, с. 52–53]. То есть в тейпе социальная субординация все-таки была в форме избираемых представителей, которые «почитаются за судей» и «коим все обязаны повиноваться».

Или же, по свидетельству другого современника, «ингуши не имеют у себя дворянства, но несколько исстари еще знаменитых родов, как-то: Мацехи, Боза, Чев, Пшанув, из коих они как независимый народ, выбирают себе старшину и судью, которые управляют именем целого общества». Очевидным признаком демократических начал и наличия социальной дифференциации является выборность публичной власти из числа «исстари еще знаменитых родов» – старшин и судьи, «которые управляют именем целого общества» [3, с. 83]. Тем самым И.А. Гильденштедт заявляет об отсутствии у ингушей дворянства, акцентируя при этом внимание на отсутствии эксплуатации, что вовсе не исключает социальной градации и стратификации.

Такие же независимые социально-экономические отношения замечает Г. Вертепов у соседних чеченцев: «нет деления на сословия в строгом смысле этого слова и общественный строй их отличается равенством... По их понятиям все они составляют одно сословие узденей» [4, с. 16].

Тем самым позиции разных авторов с равным успехом можно свести к тому, что как у ингушей, так и у чеченцев в социальной градации нет зависимых отношений. В данном и в других подобных случаях современники акцентируют внимание на отсутствии признаков экономической эксплуатации.

В описании всех современников основным сословием у ингушей в исследуемый период являлись вольные хлебопашцы и скотоводы – уздени. Термины «уздень», «эзди», «эзди тейп», «эзди нах» или «эзди нахкье» у народов Северного Кавказа имеют один смысл – вольный, независимый хлебопашец, а не дворянин, как интерпретируют некоторые авторы. «Слово уздень, заимствованное ими отъ сосѣдей, означаетъ у чеченцевъ: человекъ свободный, вольный, независимый, или, какъ они сами выражаются, вольный какъ волкъ (борзь-сенна)» [5, с. 23].

Когда речь идет о социальных отношениях, то нужно учитывать психологическую особенность: для всех народов Кавказа одним из важных приоритетов во все времена является трепетное отношение к социальному статусу, исключаяющее всякую зависимость. Этим фактором обусловлены утверждения современников об отсутствии стратификации горцев, т. е. эксплуатации.

Тенденции рассматривать социальные отношения через призму классового антагонизма в отдельных случаях наблюдаются в советской историографии. Так, в одной из публикаций в обоснование социальной дифференциации у ингушей через «классовый подход» приводятся следующие факты: «Из самых знатных и благородных ингушских тейпов ... были “кокалинцы” – представители трех семей – Эги, Таргим, Хамхи – потомки трех братьев... которые по главному ущелью Ассы “построили свои башни”. Всякий, кто проезжал или прогонял свой скот через трех братьев, должен был им платить дань, которая исчислялась скотом или пулями и зарядами пороха. Так, за проход одного человека с каждой головы скота братья брали по 1 пуле и 2 заряда пороха. Мало-помалу в руках братьев и их потомков накопились богатства» [6].

Таковыми же знатными, благородными и экономически сильными среди вайнахов были представители фамилии Арштхоевцев, которые, «как более сильный народ», удерживали за собой в Ассиновском ущелье удобные места жительства среди ингушей, какие имелись в горной полосе [7, л. 71]. «В связи с этим благородные тейпы и семьи ингушей именовались “эзди тейп”, “эзди нах” или “эзди нахкье”» [8, с. 81]. В данном случае следует отметить, что пошлина за проезд и провоз багажа по чужой территории не является формой эксплуатации. А потому из приведенных примеров не следует делать вывод об экономической эксплуатации, здесь наблюдается подмена понятия «эзди» («благородный», «знатный») понятием «эксплуатация».

В контексте нашего понимания социального расслоения ингушского общества в XVIII в. обращали на себя внимание современные исследователи, утверждающие, что тейпы состояли из богатых и бедных. «По этнографическому материалу, неоднократно фиксируемому нами в горной Ингушетии, население различало сильные и слабые тейпы, среди которых именовались “эзди тейпы”, а вторые – “лай тейпы”» [9, с. 176]. Это указывает на социальную градацию ингушей, которая в период проживания в горной части выражалась через башни и могильные склепы, которых у малоимущих и неимущих не было вообще [10, с. 61]. Наряду с башнями родовые могильные склепы определяли социальный статус каждого представителя.

«Эзди», т. е. благородный, означает высокий социальный статус и подтверждает стратификацию, а не подразумевает эксплуатацию. При этом высокий социальный статус был обусловлен материальным состоянием, «все имущественные отношения преломлялись через кодекс чести – эздел» [11, с. 219], но без эксплуатации чужого труда.

В период проживания в горной части экстенсивная технология производства в земледелии и скотоводстве сдерживала социальную градацию у ингушей. «Только имевшие наследственную долю в башне и могильнике считались полноправными свободными ингушами. На не имевших такой доли смотрели как на низших, с ними остерегались заключать браки» [12, с. 89].

Аналогия с другими народами Северного Кавказа позволит подтвердить данное утверждение. Так, у аварцев о человеке с низким социальным статусом говорили «сси гьечIев чи», т. е. человек, у которого нет крепости/башни. Сси – это крепость, и отсюда происходит термин «сси» – почет, уважение [13, с. 345].

Социальная субординация, исключая эксплуатацию до миграций на плоскость, была обусловлена в том числе спецификой экологии и местности. Экология гор и экстенсивная технология не способствовали производству излишков ресурсов, что послужило бы основанием для присвоения излишков продуктов. Поэтому каждый обладал материальными ресурсами в строгом соответствии с собственными трудовыми вложениями и энергозатратами. Как правило, обладатель больших трудовых ресурсов в виде рабочих рук, тягловой силы и земельных угодий мог иметь больше материальных ресурсов и обрести высокий социальный статус, что приводило к экономической дифференциации и социальной градации.

Когда экстенсивные технологии себя исчерпали и тенденция к демографическому росту стала очевидной, началась миграция на плоскость, где возможности для экономического роста с меньшими энергозатратами были существенно выше. С миграцией на плоскость каждый ингуш получил равные возможности для реализации своего потенциала и обретения социального статуса.

Существенным фактором, исключаям внеэкономическое принуждение, была тейповая солидарность, которая не позволяла пасть члену коллектива до услужения равному себе. «Принадлежность к тейпу осознается ингушами с самого детства и служит основанием для определения своего места в системе общественных связей» [14, с. 201].

Трансформация социально-экономических отношений

На рубеже XVIII–XIX вв. в общественных отношениях ингушей определилась тенденция корреляции социальной градации с изменениями в экономике, вызванными миграциями на плоскость.

Миграции обусловили более высокий рост экономики, а соответственно, в обществе явно обозначилась социально-экономическая дифференциация. Особенно бурно эти процессы происходили во второй половине XIX в., когда ингуши наряду с русским казачеством стали переходить к рыночным отношениям в экономике.

На этом этапе у ингушей возникли новые виды кустарных промыслов, которые в горах были ограничены боевыми башнями и соляными промыслами. Появились такие отрасли, как кузнечное дело, заготовка и продажа деловой древесины, пчеловодство, торговля сеном и другие, что вело к дальнейшей стратификации общества. Интенсивная технология увеличивала эффективность производства и приводила к материальному обогащению определенной части ингушского общества, а также к дальнейшей дифференциации.

По сведениям Н. Грабовского, «некоторые из зажиточных ингушей имеют стада баранов, для содержания которых арендуют земли в соседних казачьих станицах или у местных землевладельцев» [15, с. 35]. Этот и другие факты свидетельствуют об углублении имущественной дифференциации ингушей в XIX в.

Экономическая дифференциация и социальная градация в условиях развития рыночных отношений основаны на конкурентной борьбе, что обеспечивало социально-экономический прогресс. Эти процессы были обусловлены вхождением ингушей в состав Российского государства в 1770 и 1810 гг. и последующей интеграцией.

Как и у других кавказских народов, в социальную структуру ингушей входила небольшая прослойка рабов – «лаев», общее число которых в Чеченском и Ингушском округах составляло «всего до 300 лиц обоего пола, купленных в недавнее время» [16, с. 37]. Как отмечает Н.Д. Кодзоев, «контингент домашних рабов ... не являлся основной производительной силой. Они не подвергались сильной эксплуатации, находились на положении членов семей, работали совместно с хозяевами...» [17, с. 34].

Социальной стратификации во многом способствовали также другие обстоятельства, обусловленные интеграцией в российское правовое и культурное пространство. В числе таких мероприятий – введение штатных сельских управителей, полевых сторожей, «сельской стражи, число которой при усилении количества преступлений в селении доходило до 180 человек, а постоянная цифра составляла не менее 100 человек» [15, с. 35]. Также в каждом селении были по несколько пастухов и конюхов, «годовой заработок пастухов колебался в пределах от 60 до 100 рублей» [4, с. 46].

В XIX в. больше всего капитализация и рыночные механизмы коснулись сельского хозяйства, которое доминировало в экономике ингушей. Без того ограниченные сенокосные и пахотные наделы при разделе между наследниками дробились на ещё меньшие, которые не удовлетворяли потребностей их владельцев. Потому наследники стали их продавать при всяком удобном случае. Следствием этого стала дальнейшая имущественная дифференциация на безземельных и зажиточных землевладельцев. Такая капитализация земли имела следствием дальнейшую социальную градацию, когда зажиточное сословие «фактически заменило собой для ингушей князей и узденей других племен Северного Кавказа, приобрело между ними значительный вес и имеет большое влияние на общественные дела» [4, с. 38].

Соответственно, исследователи обращают внимание на социальное расслоение ингушей во второй половине XIX в. по имущественному признаку «на три категории: 1 – «эздинах» – благородные; 2 – «юкьяра-нах» – люди среднего слоя; 3 – «лай-нах» – социально наименее влиятельные и менее могущественные члены общества» [11, с. 218–219].

Важной особенностью социально-экономических отношений ингушей была их структуризация с учетом ментальности этноса. Исторически ингуши не находились под властью другого народа и традиционно сами решали собственную судьбу, что наложило отпечаток на этническую психологию и стало одной из выраженных ментальных особенностей народа. Об этом свидетельствовали русские офицеры, в том числе И.-Г. Гербер, который ещё в первой половине XVIII в. писал: «Они не находятся ни под чьим владением, не платят никому подати, и понеже от такой гористой земли прибыли надеяться не можно ...» [18, с. 103].

В более поздний период Ю. Клапрот подтверждает идею о ментальной специфике ингушей: «В их наружности отражаются независимость и степенность <...> они считают презрение к жизни достоинством, а малейшее проявление страха – самым большим недостатком: по причине чего они скорее предпочтут покончить с собой, чем покориться воле другого... Один ингуш отвез молодую девушку из родных краев в Эндери с намерением продать её. Еврей из Ширвана предложил за неё 240 рублей персидскими деньгами, и сделка была заключена. Покупатель и продавец удалились, после чего девушка <...> вышла в сад и повесилась» [19, с. 192].

Все изменения социально-экономического и культурного характера у ингушей были обусловлены вхождением и интеграцией в состав Российского государства. Насколько позволяет судить историческая ретроспекция, интенсивные интеграционные процессы, обусловленные миграциями на плоскость, позволили ингушам совершить значительный скачок от традиционных общественных отношений к российским прогрессивным за один век. Так как в экономике народа преобладал аграрный сектор, то изменения в этом секторе представляли собой «локомотив» таких перемен.

Наряду с землями ингуши на плоскости от российских властей получили те же экономические отношения, что и местные казаки. Как это было в горах, ингуши после миграций сами решали все вопросы относительно социально-экономической и политической жизни общины. Это было обусловлено тем, что «при переселениях с гор на плоскость горцы вместе с новым земельным наделом получали от русского правительства и новые готовые формы экономической жизни... в настоящее время они привыкли к ней настолько, что она стоит у них также прочно, как и в среде казачьего населения» [4, с. 33].

Заслугой российских властей является умение с учетом ментальной специфики адаптировать самобытный экономический уклад ингушей к условиям жизни казачьих станиц: «Земля, принадлежащая селению, считается общественным достоянием всего населения его. Распоряжается землею общественный сход» [4, с. 33]. Однако нужно учесть, что в ответ на благоприятные условия ингушские тейпы прилежно соблюдали условия договора 1810 г. с российским правительством.

В период глубоких социально-экономических перемен и отмены крепостного права российские власти упразднили сословную зависимость на Кавказе, в том числе у чеченцев и ингушей на выгодных условиях. Так, в положении об освобождении рабов был регламентирован размер выкупа – не более 200 р. При этом лица мужского пола до 15 и обою пола свыше 45 лет освобождались безвозмездно [16, с. 40–41].

Политика российских властей по созданию благоприятных условий для социально-экономического развития местных народов, в том числе ингушей, имела позитивные последствия, о чём могут свидетельствовать статистические данные. Так, по утверждению Г. Вертепова, «все население ингушей за семилетний период от 1882 по 1889 г. увеличилось с 32 807 до 39 392 душ обоего пола, что дает ежегодный прирост в 2,3 %» [4, с. 28].

Такова была динамика экономической дифференциации и социальной стратификации у ингушей в XVIII–XIX вв., что было обусловлено интеграцией в состав российской экономики. Благодаря лояльной политике российского правительства социально-экономические отношения ингушей за относительно короткий исторический период – XIX в. – стали на один уровень с русским казачеством, интеграция прошла с сохранением традиционных, национальных, социальных и ментальных устоев ингушей.

Список источников

1. Жарков В. Люди от природы равны в своих притязаниях. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/09/13/gobbs/> (дата обращения: 13.01.2015).
2. Кодзоев Н.Д. Российские и иностранные исследователи и путешественники XVI–XIX вв. об Ингушетии и ингушах. Магас: Ингушский науч.-исслед. ин-т гуманитар. наук, 2015. 170 с.
3. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Имп. Академия наук, 1809. 384 с.
4. Вертепов Г. Ингуши : ист.-стат. очерк // Вертепов Г., Пантюхов И. Сказания об ингушах. Майкоп, 1991. С. 5–49.
5. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1872. Вып. VI. С. 1–28.
6. Кавказ. 1846. № 18.
7. Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 414. Д. 301.
8. Цамаева З.Д. Из истории общественно-политического устройства Ингушетии в конце XVIII – начале XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2009. № 3А. С. 76–84.
9. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века : очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX в. Элиста: Джангар, 2002. 528 с.
10. Холохоева Е.З. Система наказания в обычном праве ингушей: историко-правовой аспект // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С. 59–63.
11. Эльдиев А. Специфика этнорелигиозной ментальности ингушей // Развитие личности. 2010. № 1. С. 211–224.
12. Яковлев Н. Ингуши. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 136 с.
13. Исламмагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVII – начала XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2002. 432 с.
14. Чабиева Т.С. Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5-6. С. 200–205.
15. Грабовский Н. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1876. Вып. IX. С. 1–111.
16. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1868. Вып. I. С. 37–47.
17. Кодзоев Н.Д. К вопросу о сословных отношениях у ингушей в XVIII–XIX вв. // Вестн. Ингушского науч.-исслед. ин-та гуманитар. наук им. Ч. Э. Ахриева. 2018. № 2. С. 32–34.
18. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 60–120.
19. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником его величества императора России, членом академии Санкт-Петербурга и т. д. Лондон, 1814. 221 с.

References

1. Zharkov V. *People are naturally equal in their claims*. Available from: <https://lenta.ru/articles/2015/09/13/gobbs/> [Accessed 13th January 2015]. (In Russ.).

2. Kodzoev N.D. *Russian and foreign explorers and travelers of the 16th-19th centuries about Ingushetia and the Ingush*. Magas: Ingush Scientific Research Institute of Humanities Press; 2015. 170 p. (In Russ.).
3. Gildenshtedt I.A. *Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus from the journey of Mr. Academician I.A. Gildenshtedt through Russia and the Caucasus Mountains, in 1770, 71, 72 and 73*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press; 1809. 384 p. (In Russ.).
4. Vertepov G. Ingush: historical and statistical essay. Vertepov G., Pantyukhov I. *Tales about the Ingush*. Maykop, 1991:5-49. (In Russ.).
5. Laudaev U. Chechen tribe. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1872;(6):1-28. (In Russ.).
6. *Kavkaz = Caucasus*. 1846;(18). (In Russ.).
7. *Central State Military Historical Archive*. Fund 414. In. 301. (In Russ.).
8. Tsamaeva Z.D. From the history of the socio-political structure of Ingushetia at the end of the 18th - beginning of the 19th century. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2009;(3A):76-84. (In Russ.).
9. Akhmadov Sh.B. *Chechnya and Ingushetia in the 18th - early 19th centuries: essays on the history of socio-economic development and socio-political structure of Chechnya and Ingushetia in the 18th - early 19th centuries*. Elista: Dzhangar Publ.; 2002. 528 p. (In Russ.).
10. Kholokhoeva E.Z. The system of punishment in the customary law of the Ingush: historical and legal aspect. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific Personnel*. 2021;(2):59-63. (In Russ.).
11. Eldiev A. Specifics of the ethno-religious mentality of the Ingush. *Razvitie lichnosti = Personal Development*. 2010;(1):211-224. (In Russ.).
12. Yakovlev N. *Ingush*. Moscow; Leningrad: State Publishing House; 1925. 136 p. (In Russ.).
13. Islammagomedov A.I. *Avars. Historical and ethnographic research of the 17th - early 20th centuries*. Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Press; 2002. 432 p. (In Russ.).
14. Chabieva T.S. Some features of the relationship between the concepts of “teip” and “vird” in Ingush society. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of Nekrasov Kostroma State University*. 2011;(5-6):200-205. (In Russ.).
15. Grabovsky N. Ingush (their life and customs). *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1876;(9):1-111. (In Russ.).
16. Liberation of dependent classes in all mountain districts of the Terek region. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1868;(1):37-47. (In Russ.).
17. Kodzoev N.D. On the question of class relations among the Ingush in the 18th - 19th centuries. *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch.E. Ahrieva = Bulletin of the Akhriev Ingush Scientific Research Institute of Humanitarian Sciences*. 2018;(2):32-34. (In Russ.).
18. Gerber I. Description of countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea, 1728. *History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th-19th centuries: archival materials*. Ed. by M.O. Kosven and H.-M. Khashaev. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1958:60-120. (In Russ.).
19. Klaproth Yu. *Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 by order of the Russian government by Julius von Klaproth, court adviser to His Majesty the Emperor of Russia, member of the Academy of St. Petersburg, etc*. London, 1814. 221 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Я. Цечоев – соискатель кафедры отечественной истории.

Information about the author

A.Ya. Tsechoev – Competitor of the Department of National History.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-100-106

ИНИЦИАТИВА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОНСКОГО ПРОТОИЕРЕЯ ГРИГОРИЯ ЛЕВИТСКОГО

Алла Валерьевна Шадрина

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
bergson@yandex.ru

Аннотация. Середина XIX в. была отмечена инициативой учрежденного в 1845 г. Русского географического общества по сбору разного вида исторических источников, которые содержали бы географические, этнографические и статистические сведения о регионах Российской империи, с целью написания истории государства. Эта инициатива стала причиной вовлечения в процесс выявления и сбора источников приходского духовенства Российской православной церкви. В результате самостоятельное творчество священнослужителей внесло определенный вклад в историю регионов. Реализация инициативы Русского географического общества в Области Войска Донского (до 1870 г. Земли Войска Донского) послужила появлению ряда священнослужителей, собиравших исторические и этнографические сведения, результаты которых были опубликованы на страницах донских периодических изданий. Среди них выделяется настоятель Воскресенского собора Старочеркасской станицы протоиерей Григорий Левитский, не только ставший автором ряда исследований, опубликованных как в войсковых, так и епархиальном журналах Области Войска Донского, создателем музея в Старочеркасской станице, но и инициировавший создание трех памятников, посвященных истории донского казачества. Его творчество, не потерявшее актуальности до настоящего времени, является вкладом в формирование истории памяти, которая была не свойственна донскому казачеству, сконцентрированному на военной службе.

Ключевые слова: Русское географическое общество, Земля Войска Донского, протоиерей Григорий Левитский, донские периодические издания, историческая память

Для цитирования: Шадрина А.В. Инициатива Русского географического общества середины XIX века и ее реализация в творчестве донского протоиерея Григория Левитского // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 100–106.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE INITIATIVE OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY IN THE MID-19th CENTURY AND ITS IMPLEMENTATION IN THE WORKS OF THE DON ARCHPRIEST GRIGORY LEVITSKY

Alla V. Shadrina

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
bergson@yandex.ru

Abstract. The mid-19th century was marked by the initiative of the Russian Geographical Society, founded in 1846, to collect various types of historical sources that would contain geographical, ethnographic and statistical information about the regions of the Russian Empire, with the aim of writing the history of the state. This initiative became the reason for the involvement of the parish clergy of the Russian Orthodox Church in the process of identifying and collecting sources. As a result, the independent creativity of the clergy made a certain contribution to the history of the regions. The implementation of the initiative of the Russian Geographical Society in the Region of the Don Army (until 1870, the Land of the Don Army) served as the emer-

gence of several clergymen who collected historical and ethnographic information, the results of which were published on the pages of Don periodicals. Among them, the rector of the Resurrection Cathedral of the Starocherkasskaya stanitsa, Archpriest Grigory Levitsky, stands out. He not only became the author of a number of studies published in both the military and diocesan journals of the Region of the Don Army, the creator of the museum in the Starocherkasskaya stanitsa, but also initiated the creation of three monuments dedicated to the history of the Don Cossacks. His work, which has not lost its relevance to this day, is a contribution to the formation of the history of memory, which was not characteristic of the Don Cossacks, concentrated on military service.

Keywords: Russian Geographical Society, Land of the Don Army, Archpriest Grigory Levitsky, Don periodicals, historical memory

For citation: Shadrina A.V. The Initiative of the Russian Geographical Society in the Mid-19th Century and Its Implementation in the Works of the Don Archpriest Grigory Levitsky. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(4):100-106. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Одним из значимых событий середины XIX в. стало основание Русского географического общества. Помимо географических исследований, оно взяло на себя миссию окончить начатый императрицей Екатериной II труд по сбору исторических источников, содержащих сведения об истории государства Российского [1, с. 23]. Уже в 1846 г., через год после официального учреждения общества, его вице-председатель адмирал Ф.П. Литке обратился ко всем иерархам Российской православной церкви с просьбой оказать содействие в исследовании библиотек и архивов монастырей, а также храмов епархий, управляющими которых они являлись, с целью выявления дневников путешествий, старинных карт, планов, описаний древних монастырей и церквей и других документов, которые содержали бы географические, этнографические и статистические сведения [2, л. 2–3 об.].

Инициатива Русского географического общества, исполнителями которой стали священники Российской православной церкви, явилась причиной вовлечения духовенства в исследовательскую деятельность, что позволило В.А. Бердинских назвать священников, откликнувшихся на призыв, «уездными историками» [3, с. 123; 4, с. 134–138; 5, с. 441–442].

Как отмечает Л.Н. Харченко, поводом для привлечения духовенства к изучению истории родного края также стало учреждение в 1850-х гг. различных научных сообществ: Общества истории и древностей российских, Императорской археологической комиссии и др., в работе региональных отделений которых принимало активное участие приходское духовенство [6, с. 186].

Описанные процессы не обошли стороной и Землю Войска Донского. Первым этапом вовлечения донских священнослужителей в исследовательскую работу стало обращение к управляющему Донской и Новочеркасской епархией архиепископу Игнатию (Семенову) вице-председателя адмирала Ф.П. Литке (оно представляло собой печатное типографским способом отношение, подписанное вице-председателем Русского географического общества [2, л. 1–1 об.]).

Исполнение указа об обследовании архивов донских монастырей и храмов на предмет изыскания документов, запрашиваемых Русским географическим обществом, было возложено иерархом на настоятелей монастырей и приходское духовенство. Ответы, присланные в Донскую духовную консисторию (рапорты во исполнение указа Донской духовной консистории от 14 октября 1846 г. [2, л. 8–66]), позволили не только констатировать наличие сохранившихся документов и других артефактов, свидетельствовавших об истории, в первую очередь церковной, Донского региона, но и определить имена первых священнослужителей, которые творчески отнеслись к исполнению указа епархиального архиерея.

Если ответы настоятелей донских монастырей архимандрита Парфения (Кременской) [2, л. 13] и игумении Афанасии (Ефремовский Старочеркасский) [2, л. 49–55] носили формальный характер, то священники Григорий Левитский, Авраамий Часовников и Стефан Пивоваров [2, л. 22–28, 32, 34], исполнив указ, продолжили трудиться на историческом поприще, что и стало вторым этапом вовлечения донских священнослужителей в исследовательскую работу. Так, с

1847 по 1859 г. записи своих наблюдений жизни казачьей станицы Каргальской вел священник Стефан Терентьевич Пивоваров [7].

Они были не первыми священниками Земли Войска Донского, интересовавшимися историей. Так, с января 1785 г. по август 1822 г. начал вести дневник текущих событий клирик на тот момент Воронежской и Черкасской епархии, в годы служения принимавший участие в значимых исторических событиях Дона, протоиерей В. Рубашкин [8].

Однако наиболее значимый вклад в выявление и сохранение истории Дона внес настоятель Воскресенского собора Старочеркасской станицы протоиерей Григорий Левитский, труды которого на историческом поприще, начатые в 1846 г., увенчались значимыми плодами: серией статей в региональных журналах, созданием музея при учебном заведении в Старочеркасской станице, возведением памятников, свидетельствующих об исторических событиях Донского региона. Собственно, его труды стали важным вкладом в сохранение исторической памяти о прошлом донского казачества.

Григорий Андреевич Левитский родился в 1809 г. в семье священника казачьего происхождения. Как большинство детей духовенства начала XIX в., он получил домашнее образование, поскольку духовные школы в это время на Дону еще не были учреждены. В 1826 г., по достижении 17 лет, Григорий Левитский указом войсковой канцелярии был определен на должность дьячка Михаило-Архангельской церкви Новочеркасска. Через 2 года – 21 мая 1832 г. – он был рукоположен в сан диакона и назначен к Архангельской церкви Александровской станицы. 14 января 1840 г. состоялась хиротония диакона Григория Левитского в сан священника с назначением штатным клириком собора во имя Обновления храма Воскресения Христова (Воскресенского собора) Старочеркасской станицы, в котором он прослужил 32 года.

Деятельность священника Григория Левитского как историка Дона началась в рамках реализации идей Русского географического общества. При этом он фундаментально подошел к новому виду своего служения: он собирал и тщательно знакомился с публиковавшимися на протяжении XIX в. изданиями, посвященными истории Войска Донского и Дона. Ссылки в его работах дают представление о том, что он был детально знаком с работами В.Б. Броневского [9], В.М. Пудавова [10], А.И. Ригельмана [11], А.Г. Попова [12], Н. Смирного [13] и др.

Кроме этого, протоиерей тщательно изучал имевшиеся в его распоряжении документы и памятники материальной культуры, связанные с историей Воскресенского собора Старочеркасской станицы. Также в незначительной степени он изучал документы войскового архива, который в середине XIX в. хранился в колокольне Воскресенского собора.

Важной составляющей методов работы протоиерея Г. Левитского как историка-краеведа было проведение полевых исследований – он не только беседовал с местным населением, но и предпринимал попытки археологических исследований, которые, впрочем, заключались в поиске артефактов преимущественно на поверхности земли. Как позднее свидетельствовал о протоиерее Григории викарный епископ Никанор (Бровкович), «везде, где только мог, он отыскивал разные археологические редкости, которыми любил украшать свой кабинет и лучшие образчики старинных вещей переданы им в Новочеркасскую гимназию, а некоторые оставлены на память в Старочеркасском приходском училище, в котором он прослужил законоучителем более 20 лет» [14, с. 3].

Деятельность протоиерея Г. Левитского как исследователя истории Дона была оценена Статистическим комитетом Войска Донского. 16 мая 1860 г. он был избран членом-корреспондентом, а 30 сентября 1865 г. – действительным членом Донского статистического комитета [15, л. 138 об.–141 об.].

Выдающимся вкладом протоиерея Г. Левитского в сохранение культурного наследия региона стала забота о Воскресенском соборе Старочеркасской станицы, описание его истории и богатых даров, принесенных в дар казаками, для которых Черкасск до 1805 г. являлся исторической столицей донского казачества. Благодаря его заботам Воскресенский храм был отремонтирован к торжествам в честь 150-летия и в начале XX в. вновь получил официальный статус собора, который был утрачен им после освящения Вознесенского собора Новочеркасска. Также на протяжении 20 лет протоиерей Григорий Левитский трудился в должности законоучителя Старочеркасского приходского училища, за что неоднократно награжден дирекцией училищ,

поскольку его ученики неизменно демонстрировали успехи в освоении Закона Божия [15, л. 138 об.–141 об.].

Результаты неустанной деятельности протоиерея Григория Андреевича Левитского весьма впечатляющи. Благодаря его полевым исследованиям до сегодняшних дней сохранились сведения о местах бывших раскатов (бастионов) старочеркасских укреплений; месте захоронения останков покорителей (1637 г.) и защитников Азова (1641 г.), павших в борьбе с турками.

По инициативе протоиерея Григория в 1869 г. был торжественно отпразднован 150-летний юбилей старочеркасского Воскресенского собора и созданы три исторических памятника: на Монастырском урочище в память павших донских героев Азовского осадного сидения [16]; у Воскресенского собора в память приезда в Старочеркасск наследника российского престола цесаревича Александра Николаевича; и третий – в хуторе Рыковом, на месте бывшей Михайловской церкви, которая была перенесена в 1805 г. в Новочеркасск [14, с. 3].

Будучи настоятелем Воскресенского собора, протоиерей Григорий заботился не только о его состоянии, но и о статусе. Он не мог допустить, чтобы храм, построенный по обету донских казаков и на протяжении 155 лет бывший войсковым собором, в котором хранились регалии, награды и войсковые деньги, в связи с переносом столицы донского казачества в Новочеркасск и освящением Вознесенского собора, стал именоваться Соборо-Воскресенской церковью. В результате многолетних ходатайств протоиерея Г. Левитского, которые он аргументировал рядом архивных документов, выявленных им в том числе в войсковом архиве, 12 декабря 1914 г. Священный синод вынес определение о присвоении Воскресенскому храму статуса собора [17, л. 25].

В своих исследованиях протоиерей Григорий отдавал предпочтение истории Черкасского городка – Старочеркасской станицы. В его наследии эта тема была основной. В книге «Старочеркасск и его достопримечательности» [18] он останавливается на истории его основания, подробно описывает станицы, в него входившие, особенности их жителей и событий, которые оставались в памяти на многие годы, например наводнений, затапливающих городок, и исторических артефактов, являющихся не только достопримечательностями, но и свидетельствами славной истории Черкасского городка. Представляет интерес «Хронологический указатель достопамятных событий Старочеркаска», который, вероятнее всего, является плодом изучения архивных документов и размышлений протоиерея Г. Левитского.

Для современной исторической науки большой ценностью являются обширные статьи протоиерея Г. Левитского «Монастырское урочище, или Монастырский городок» [19] и «Монастырское урочище» [16]. Оба текста приводят сведения об утраченном Монастырском городке, по сути первом на Дону монастыре, где совершались богослужения. В статье затрагиваются вопросы, дающие возможность проследить причины основания монастыря, свидетельствующие о малороссийском влиянии, которое выразилось не только в предложении строительства часовни, но и в организации в ней богослужений с помощью монахов Межигорского монастыря. В Монастырском городке существовало кладбище, где нашли упокоение участники захвата крепости Азак и Азовского осадного сидения. Повествование протоиерея Г. Левитского, основанное на изучении книги В.Б. Броневого [9] и преданий, вероятно, сохранившихся в среде казаков Старочеркасской станицы, не лишены неточностей и легендарных подробностей.

Будучи протоиереем Воскресенского собора станицы Старочеркасской и располагая возможностью изучения его истории и исторических артефактов, протоиерей Григорий Левитский, вероятнее всего, следуя призыву Русского географического общества, уделил большое внимание как истории собора, так и подробному описанию драгоценностей, в нем хранившихся.

Неотъемлемой частью истории Старочеркасской станицы для протоиерея Г. Левитского являются Преображенская церковь на Ратном урочище и Старочеркасский Ефремовский женский монастырь. В первом случае автор посвятил статью двум иконам Преображенской церкви [20, с. 63], которые ныне утрачены. Во втором случае он написал развернутую статью в стиле церковно-приходской летописи [21]. В этой статье автор уделяет внимание не истории обители, а ее ценностям и руководству: монастырской церкви, монастырской ризнице, настоятельницам монастыря, монастырским праздникам, древним и нынешним, т.е. середины XIX в., постройкам монастыря, благодетелям и вкладчикам, монастырскому кладбищу.

Для протоиерея Г. Левитского важной частью истории донского казачества представлялись кладбища, которые сохраняют память о подвигах и славе казаков. В связи с этим он посвятил старинным кладбищам две статьи: «О старинных кладбищах г. Черкаска» [22, с. 65] и «Церемониал монастырской панихиды» [23, с. 143–145]. В обеих работах подчеркивается важность сохранений кладбищ в Монастырском городке и в Ратном урочище как фактов исторической памяти, в связи с чем длительное время на Монастырском кладбище сохранялась традиция проведения церемониала монастырской панихиды. Несмотря на призывы протоиерея Григория, донские казаки, мало дорожившие памятью о своей истории и своих предках, не только не прилагали усилий для сохранения исторических кладбищ, но и достаточно быстро о них забывали.

Выдающийся исследователь донской старины протоиерей Г. А. Левитский ушел из жизни 20 ноября 1872 г. [14, с. 3], оставив потомкам наследие, до сегодняшних дней не утратившее актуальности.

Итак, в середине XIX в. реализация инициативы Русского географического общества по выявлению документального наследия, свидетельствующего об истории России, стала причиной вовлечения в этот процесс приходского духовенства Российской православной церкви. В Донском регионе, благодаря этой инициативе, среди клириков Донской и Новочеркасской епархии началась исследовательская деятельность, увенчавшаяся серией публикаций в региональной периодической печати. Значимый вклад в сохранение исторической памяти, выразившийся как в написании ряда работ, так и в создании памятников, внес протоиерей Г. Левитский, наследие которого сегодня является важным и не утратившим актуальности историческим источником.

Список источников

1. *Поленов Д.* О летописях, изданных от Св. синода. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1864. 34 с.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 2. Д. 3552.
3. *Бердинских В.А.* Уездные историки: русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
4. *Бердинских В.А.* Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX веке // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 134–138.
5. *Бердинских В.А.* Священники в российской провинции XIX века как историки-любители // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера / отв. ред. В.В. Низов. Киров: НБ, 1996. С. 441–442.
6. *Харченко Л.Н.* Вклад православного духовенства в работу сибирских отделений Императорского Русского географического общества // Ист., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. I. С. 186–191.
7. *Пивоваров С.,* свящ. Из донской старины. Записки священника Пивоварова // Казачий вестник. 1884. № 2. С. 1–2; № 5. С. 1–2; № 10. С. 2; № 14. С. 2–3; № 19. С. 2–3; № 24. С. 3; № 30. С. 1–2; № 40. С. 1–2.
8. *Дневник священника города Черкаска В. Рубашкина* // Казачий вестник. 1883. № 13. С. 1–2; № 14. С. 1–2; № 15. С. 1–2; № 16. С. 1–2; № 19. С. 1–3; № 21. С. 1–2; № 23. С. 1–2.
9. *Броневский В.Б.* История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод: в 4 ч. СПб.: Тип. Экспедиции загот. гос. бумаг, 1834. Ч. 1. 322 с.
10. *Пудапов В.М.* Монастырское урочище на Дону // Донские войсковые ведомости. 1853. № 2. С. 5–8; № 6. С. 22–27.
11. *Ригельман А.И.* История или повествование о донских казаках / под ред. К.С. Филиппова. Ростов н/Д.: Артель, 2010. 148 с.
12. *Попов А.Г.* История о Донском войске, сочиненная директором училищ в войске Донском, коллежским советником и кавалером Алексеем Поповым 1812 году, в Новочеркасске. Харьков: Университ. тип., 1816. Ч. 2. 295 с.
13. *Смирной Н.* Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова: в 3 т. М.: Тип. С. Селивановского, 1821.
14. *Ребров Я.* Протоиерей Григорий Левитский: (некролог) // Донские областные ведомости. Часть неофиц. 1872. № 48. С. 3.
15. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 6359.
16. *Левитский Г.А.,* прот. Монастырское урочище // Донские войсковые ведомости. 1861. № 46. Часть неофиц. С. 216–217; № 47. С. 220–221; № 48–49. С. 226–227; № 50–51. С. 230–231.
17. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5988.

18. Левитский Г.А., прот. Старочеркасск и его достопримечательности // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 6. С. 170–179.
19. Левитский Г.А., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 22. С. 112–113; № 26. С. 141–142.
20. Левитский Г.А., прот. О двух замечательных иконах Старочеркасской Преображенской церкви // Донские войсковые ведомости. 1853. Часть неофиц. № 14. С. 63.
21. Левитский Г.А., прот. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 5. С. 141–154.
22. Левитский Г.А., прот. О старинных кладбищах г. Черкаска // Донские войсковые ведомости. 1853. Часть неофиц. № 15. С. 65.
23. Левитский Г.А., прот. Церемониал монастырской панихиды // Донские войсковые ведомости. 1865. Часть неофиц. № 20. С. 143–145.

References

1. Polenov D. *On the Chronicles published by the Holy Synod*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1864. 34 p. (In Russ.).
2. *State Archive of the Rostov Region* (SARR). Fund 226. In. 2. File 3552. (In Russ.).
3. Berdinskikh V.A. *District historians: Russian provincial historiography*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2003. 528 p. (In Russ.).
4. Berdinskikh V.A. Parish clergy of Russia and the development of local history in the 19th century. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1998;(10):134-138. (In Russ.).
5. Berdinskikh V.A. Priests in the Russian provinces of the 19th century as amateur historians. *Religion and the Church in the cultural and historical development of the Russian North*. Ed. by V.V. Nizov. Kirov: NB Publ., 1996:441-442. (In Russ.).
6. Kharchenko L.N. The Contribution of the Orthodox Clergy to the Work of the Siberian Branches of the Imperial Russian Geographical Society. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*. 2015;(7-1):186-191. (In Russ.).
7. Pivovarov S., priest. From the Don antiquity. Notes of the priest Pivovarov. *Kazachii vestnik = Cossack Bulletin*. 1884;(2):1-2. 1884;(5):1-2. 1884;(10):2. 1884;(14):2-3. 1884;(19):2-3. 1884;(24):3. 1884;(30):1-2. 1884;(40):1-2. (In Russ.).
8. Diary of the priest of the city of Cherkassk V. Rubashkin. *Kazachii vestnik = Cossack Bulletin*. 1883;(13):1-2. 1883;(14):1-2. 1883;(15):1-2. 1883;(16):1-2. 1883;(19):1-3. 1883;(21):1-2. 1883;(23):1-2. (In Russ.).
9. Bronevsky V.B. *History of the Don Army, description of the Don land and Caucasian mineral waters*: in 4 parts. St. Petersburg: Printing House of Expedition for the Procurement of State Papers; 1834. Ch. 1. 322 p. (In Russ.).
10. Pudavov V.M. Monastic tract on the Don. *Donskie voiskovye vedomosti = Don Military Gazette*. 1853;(2):5-8. 1853;(6):22-27. (In Russ.).
11. Rigelman A.I. *History or narrative about the Don Cossacks*. Ed. by K.S. Filippov. Rostov-on-Don: Artel' Publ.; 2010. 148 p. (In Russ.).
12. Popov A.G. *The story of the Don Army, composed by the director of the schools in the Don Army, collegiate councilor and cavalier Alexei Popov in 1812, in Novocherkassk*. Kharkov: University Printing House; 1816. Ch. 2. 295 p. (In Russ.).
13. Smirnoy N. *Life and exploits of Count Matvey Ivanovich Platov*: in 3 vols. Moscow: Printing House of S. Selivanovsky; 1821. (In Russ.).
14. Rebrov Ya. Archpriest Grigory Levitsky: (obituary). *Donskie oblastnye vedomosti. Chast' neofits. = Don Regional Gazette. Unofficial part*. 1872;(48):3. (In Russ.).
15. SARR. Fund 226. In. 2. File 6359. (In Russ.).
16. Levitsky G.A., arch. Monastic tract. *Donskie voiskovye vedomosti = Don Military Gazette. Unofficial part*. 1861;(46):216-217. 1861;(47):220-221. 1861;(48-49):226-227. 1861;(50-51):230-231. (In Russ.).
17. SARR. Fund 226. In. 2. File 5988. (In Russ.).
18. Levitsky G.A., arch. Starocherkassk and its attractions. *Donskie eparkhial'nye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1870;(6):170-179. (In Russ.).
19. Levitsky G.A., arch. Monastic tract or Monastic town. *Donskie voiskovye vedomosti = Don Military Gazette*. 1866;(22):112-113. 1866;(26):141-142. (In Russ.).
20. Levitsky G.A., arch. About two remarkable icons of the Old Cherkassk Transfiguration Church. *Donskie voiskovye vedomosti = Don Military Gazette. Unofficial part*. 1853;(14):63. (In Russ.).

21. Levitsky G.A., arch. Starocherkassk Efremovsky Convent. *Donskie eparhial'nye vedomosti = Don Diocesan Gazette*. 1870;(5):141-154. (In Russ.).

22. Levitsky G.A., arch. On the ancient cemeteries of the city of Cherkassk. *Donskie voiskovye vedomosti = Don Military Gazette. Unofficial part*. 1853;(15):65. (In Russ.).

23. Levitsky G.A., arch. Ceremonial of the monastery funeral service. *Donskie voiskovye vedomosti = Don Military Gazette. Unofficial part*. 1865;(20):143-145. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Шадрина – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Отечества.

Information about the author

A.V. Shadrina – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Philosophy and History of the Fatherland.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 17.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 17.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья
УДК 94(470.67)"1941/1945"
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-107-113

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДАГЕСТАНА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГОДЫ)

Исмаил Асланович Эмирханов

Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Республика
Дагестан, Россия
historik2008@yandex.ru

Аннотация. Анализируются особенности условий труда и материально-бытового положения работников промышленных предприятий Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Актуальность этой темы обусловлена тем, что повседневная жизнь простого человека в экстремальной обстановке позволяет лучше оценить его вклад в победу, а также понять мотивы трудового героизма, совершенного им в военные годы. Изучение производственной повседневности одной из основных социальных категорий, сыгравших важную роль в достижении победы над нацизмом, – работников промышленных предприятий – на примере Дагестанской Автономной Республики предоставляет возможность прочувствовать данную эпоху, разобраться в психологии и поведении людей в этот драматический период в истории нашей страны. На основе опубликованных трудов и разнохарактерных источников сделан вывод, что, несмотря на существовавшие в военные годы объективные материально-бытовые проблемы и тяготы, ухудшение условий труда и приоритет интересов государства над интересами отдельного человека, рабочие и служащие промышленных объектов Дагестана продемонстрировали самоотверженный труд, примеры жертвенности и единства с фронтом во имя великой цели – победы над фашистской Германией. Большое внимание уделено анализу влияния материально-бытового положения на отношение к труду работников заводов и фабрик в условиях военной повседневности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, рабочие и служащие промышленных предприятий, производственная повседневность, условия труда, материально-бытовое положение

Для цитирования: Эмирханов И.А. Производственная повседневность рабочих и служащих промышленных предприятий Дагестана в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 107–113.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE DAILY ROUTINE OF WORKERS AND EMPLOYEES OF DAGESTAN INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Ismail A. Emirkhanov

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
historik2008@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the peculiarities of working conditions and material and living conditions of workers of industrial enterprises of Dagestan during the Great Patriotic War. The relevance of this topic is due to the fact, that the daily life of an ordinary person in extreme conditions allows us to better assess his contribution to the victory, as well as to understand the motives for the labor heroism he committed during the war years. Studying the daily production life of one of the main social categories that played an important role in achieving victory over Nazism - workers of industrial enterprises - using the example of the Dagestan Auton-

© Эмирханов И.А., 2024

omous Republic provides an opportunity to feel this era, to understand the psychology and behavior of people during this dramatic period in the history of our country. Based on published works and diverse sources, it is concluded that, despite the objective material and living problems and hardships that existed during the war years, the deterioration of working conditions and the priority of state interests over the interests of an individual, workers and employees of industrial facilities in Dagestan demonstrated selfless work, examples of sacrifice and unity with the front in the name of a great goal - victory over fascist Germany. Much attention is paid to the analysis of the influence of material and living conditions on the attitude towards work of workers in factories and plants in the conditions of everyday military life.

Keywords: The Great Patriotic War, Dagestan, workers and employees of industrial enterprises, daily routine, working conditions, material and living conditions

For citation: Emirkhanov I.A. The Daily Routine of Workers and Employees of Dagestan Industrial Enterprises in the Conditions of the Great Patriotic War (1941-1945). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):107-113. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Современной исторической науке характерно акцентирование внимания не только на общественно-политических, социально-экономических процессах и внешнеполитических факторах, но и на других явлениях, в том числе на повседневной жизни простого человека. Исследователей интересуют вопросы материально-бытового обеспечения людей в различные периоды истории, степень влияния тех или иных событий на их жизнь, семейное положение, проявление эмоций, характера, трансформация психологии человека.

Особое внимание историки уделяют периоду Великой Отечественной войны, которая, по мнению К.В. Цеханской, может «раскрываться и как все возрастающее в своей цивилизационной значимости событие национальной и мировой истории, и как неисчерпаемая сокровищница соборно-жертвенного духа советского народа» [1, с. 54]. Как нам кажется, жизнь и быт рядовых людей, отраженные в разнохарактерных источниках и литературе, позволяют глубже понять и оценить вклад в победу советского народа в этот драматический для нашей страны исторический период. Причем рассмотрение общероссийских процессов через призму истории повседневности определенной социальной группы конкретного региона (в нашем случае – рабочих промышленных предприятий Дагестана) помогает отобразить различные аспекты социально-экономического развития страны, а также обогатить историческую науку новыми материалами и фактами.

Накануне Великой Отечественной войны Дагестан представлял из себя регион, где располагались предприятия тяжелой, легкой и пищевой промышленности – металлообрабатывающей, машиностроительной, нефтяной, химической, строительных материалов, обувной, шерстяной, швейной, хлопчатобумажной, рыбконсервной, винодельческой и др. Однако после начала военных действий практически все они вынуждены были изменить свои производственные планы, приспособив их под реалии военного времени. Важно отметить, что ряд заводов Дагестана и до войны выпускали некоторые виды военной продукции (ремонтно-механический, Двигательстрой и др.), но после 22 июня 1941 г. они значительно расширили свои производственные программы, увеличив мощности и начав выпускать крайне необходимые для РККА боеприпасы и оружие.

Процесс перевода заводов и фабрик Дагестана на военные рельсы осложнялся мобилизацией на фронт наиболее квалифицированной части рабочих, что выдвинуло на повестку дня проблему обеспечения промышленности трудовыми ресурсами. Только за первый месяц войны из республики в армию были призваны около 8 тыс. тружеников промышленных объектов, которых приходилось заменять незанятым на производстве населением (женщины и подростки), а также мобилизованной из сельской местности молодежью. Так, к середине 1943 г. на предприятиях столицы республики трудились 4379 рабочих, служащих и инженеров, из которых более 60 % составляли женщины [2, с. 14]. Причем подавляющее их большинство ранее не работали в промышленности, соответственно, их следовало обучить производственным навыками и адаптировать к новой трудовой реальности.

Таким образом, на промышленные предприятия Дагестана пришли тысячи новых рабочих, которых следовало разместить, обустроить и научить новым профессиям. Помимо того, эвакуация в горную республику из западных областей страны, оккупированных врагом, стратегически важных заводов и фабрик вместе с персоналом и их семьями поставила перед руководством региона задачу по их продовольственному, промышленному и жилищному обеспечению. Эта работа осложнялась наличием ряда объективных проблем, обусловленных военной действительностью, а именно трудностями в размещении, снабжении и обслуживании вынужденных переселенцев, а также острой нехваткой финансовых ресурсов в республиканском бюджете.

В условиях обострения обстановки на фронте и преимущественного выпуска продукции оборонного значения в Дагестане в сжатые сроки строились производственные цеха, налаживалось производство, а лишь после этого предпринимались какие-то меры для обустройства быта промышленных работников. Зачастую в качестве жилой площади для перемещенных заводов и фабрик использовались непригодные помещения – неотапливаемые здания клубов, школ, складов.

Проблемы, мешавшие оперативному введению эвакуированных предприятий в строй и переводу местных заводов на выпуск военной продукции, были одинаковыми: острая нехватка транспорта, мощностей, трудовых ресурсов. Причем дефицит электроэнергии, холод, отсутствие нормальных санитарно-гигиенических и материально-бытовых условий оставались частью производственной повседневности тружеников промышленных объектов Дагестана и в дальнейшем, свидетельством чего являются воспоминания работника Буйнакского кожевенно-обувного комбината М.Д. Фирсова: «Тяжелый труд, зимняя стужа, грустные сообщения по радио в 1941 и 1942 годах, скудный паек, недостаток топлива и многое другое ... Не хватало топлива, электроэнергию давали с большими перебоями, не было сырья и вспомогательных материалов» [3, с. 190]. Особенно тяжело приходилось эвакуированным работникам, многие из которых покинули родные места в спешке, без теплой одежды и обуви.

Однако невзирая на существовавшие трудности и бытовые проблемы, к концу 1941 г. промышленность Дагестана в основном перестроила свою работу, наладив производство новых видов военной продукции и боеприпасов. Так, заводы республики выпускали 50- и 83-миллиметровые минометы, 45- и 83-миллиметровые снаряды, гранаты РГД-33 и Ф-1, пулеметы Шпагина и др. [4, с. 220]. Стоит отметить, что с 1942 г., после немецкой оккупации Украины, завод № 182 (Двигательстрой) оказался фактически единственным промышленным объектом в стране по производству морских торпед.

Несмотря на тяжелый адаптационный период, буквально через 2–3 месяца заводы и фабрики республики, усиленные эвакуированными предприятиями, поставляли на фронт необходимую продукцию. Уже в декабре 1941 г. по некоторым технико-экономическим показателям ряд заводов Дагестана достигли уровня передовых промышленных объектов страны. Примечательно, что для получения технической помощи и заимствования опыта производства в Дагестан приезжали технические специалисты из южных регионов страны. К примеру, в течение ноября-декабря 1941 г. на заводе № 182 для изучения опыта по использованию труб ствола минометов и последующего внедрения побывали инженеры из Северо-Кавказского региона, Грузии, а также минометного управления ГАУ КА. В последующем грузинские заводы использовали дагестанские заготовки ствола для выпуска артиллерийских орудий у себя в республике [5, с. 83].

Власть применяла различные меры для оперативной организации и поддержания жесткого ритма оборонного производства в Дагестане, причем важная роль в решении этой проблемы отводилась внеэкономическим факторам трудовой мотивации, в том числе посредством духовно-патриотической мобилизации рабочих. Так, одним из ключевых элементов их трудовой повседневности стало социалистическое соревнование, организованное практически на всех заводах и фабриках республики. В рабочей среде при непосредственной поддержке и координации партийно-государственных и общественных организаций Дагестана активно ширилось движение стахановцев и ударников труда. К концу 1941 г. только на Махачкалинском ремонтно-механическом заводе трудилось свыше 100 двухсотников [6, с. 244]. Ряд рабочих выполняли производственные планы на 500 % и более. Так, трудящиеся Двигательстроя (завод № 182) Назаренко и Павленко перевыполняли норму в 5 раз, Ткаченко – в 9 раз [4, с. 220].

Подобных примеров проявления трудового героизма и гражданственности при изготовлении стратегически важной продукции среди рабочих промышленных предприятий республики было предостаточно и в дальнейшем. К примеру, в 1942 г. на заводе им. М. Гаджиева, как отмечено в справке секретаря Махачкалинского горкома партии, «токари Лаврентьев, Елнин, Пучков, Соболев, шлифовщица Пономарева, лакировщица Пакоева» выполняли нормы на 240–400 %. В Махачкалинском порту некоторые рабочие перевыполняли производственные нормы на 300–400 % [2, с. 112].

Характерными чертами производственной повседневности трудовых коллективов промышленных предприятий республики в условиях военной действительности стали удлинение рабочего дня, отмена выходных дней и отпусков, а также внедрение сверхурочных работ. Старт этому был дан уже 26 июня 1941 г., после принятия указа Президиума Верховного Совета СССР, предоставившего администрации предприятий право вводить обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 ч в день, а также отменять очередные и дополнительные отпуска [7].

Необходимо отметить, что образцы трудового героизма показывали не только промышленные работники из Дагестана, но и беженцы из других регионов, оказавшиеся волею судьбы в горной республике. Так, по 12 ч в день трудились эвакуированные из Запорожья мать и сын Еременко, которые, в сжатые сроки освоив профессию токаря, стали обслуживать по два станка, ежедневно выполняя по четыре нормы. Слесарь М. Заглиев проработал однажды без отдыха 40 ч, а в другой раз, выполняя исключительно важный военный заказ, не выходил из цеха 55 ч [8, с. 385–386].

В военные годы рабочих и служащих регулярно привлекали к работам по заготовке топлива, в помощь колхозам и совхозам, к выполнению военно-оборонительных повинностей. Работница судоремонтных мастерских Махачкалы Т. Н. Добровенко вспоминает: «По выходным дням тоже отдыха не было. Не время тогда было отдыхать. Мы ходили на субботники, строили оборонительные рубежи, очищали водопроводный канал» [3, с. 119].

Работники заводов и фабрик Дагестана по разнарядке нередко принимали участие в сооружении оборонительных рубежей. Так, 30 сентября 1941 г. для выполнения плана строительства оборонительных рубежей командование Закавказского фронта обратилось к руководству республики с просьбой выделять ежедневно в октябре – декабре 1941 г. сотрудников промышленных предприятий – всего 18 000 [5, с. 459]. Кроме того, они выполняли и другие виды сверхурочных работ. «Шла война, – вспоминает начальник отдела труда бондарного завода им. Ермошкина М. А. Рогова, – и война эта от месяца к месяцу принимала все большие размеры. Рабочие заводоуправления, инженеры, техники, служащие, помимо своих прямых обязанностей, ежедневно шли на работу в цеха или на выгрузку вагонов с сырьем и материалами» [3, с. 192–193].

В качестве еще одной особенности трудовой повседневности рабочих промышленных предприятий Дагестана можно отметить их регулярное участие в различных формах помощи и сборе средств для нужд фронта. Инициаторами движения выступили труженики Махачкалы – фабрики им. III Интернационала, рыбоконсервного завода и морского порта, которое затем развернулось и на остальных предприятиях республики. Так, рабочие и служащие поселка Избербаш сдали в фонд обороны облигаций государственных займов более чем на 200 тыс. р., деньгами – 203 тыс. р., в фонд строительства танков – 22 тыс. р., для подарков фронту – 21 тыс. р., а в фонд помощи семьям фронтовиков отчислили однодневный заработок [3, с. 130]. Сотрудники Двигательстроя за годы войны собрали и отправили на фронт около 14 тыс. теплых вещей [9, с. 15].

С осени 1941 г. Дагестан перешел на централизованную систему продовольственного обеспечения населения. Нормы выделяемых по карточкам продуктов питания (хлеб, крупы, масло, сахар, мясо и др.) различались в зависимости от социальной категории и рода деятельности. Причем самые большие нормы полагались рабочим и служащим промышленных предприятий, выпускавших военную продукцию. Однако они не удовлетворяли полностью потребности рабочих и их семей, в результате чего голод и неустраиваемость быта стали практически постоянными факторами трудового процесса.

В качестве примера можно привести выдержку из справки инструктора Махачкалинского горкома ВКП(б) от 23 июня 1943 г., где описывалась ситуация с продовольственным обеспечением рабочей молодежи завода им. М. Гаджиева: «Быт молодежи неудовлетворительный. Питание плохое. Работа 8–10 часов, а иногда и 12 часов в день, рабочий получает один раз обед по государственным нормам, да еще плохого качества, и хлеба 500–700 грамм и больше ничего. Ни в буфете, ни с подсобного хозяйства никакого дополнительного питания также не получают» [2, с. 116].

Недостаточное питание могло негативно отразиться на трудовой мотивации рабочих и их физических способностях к производственной деятельности. «Паек хлеба, получаемый по карточкам, был по качеству и питательности не так уж хорош, – вспоминает главный технолог завода им. М. Гаджиева И.А. Таранцев. – Обеды в столовой ухудшились, к тому же удлинённый рабочий день изнурял силы. Особенно утомлялись работавшие в ночной смене. Мастерам приходилось усиленно присматривать, чтобы не произошло несчастья; бывали случаи, что за полночь дремота сильно одолевала и ослабевший молодой паренек начинал падать» [3, с. 140].

В этих условиях центральные и республиканские власти и общественные организации стали уделять большое внимание развитию индивидуального и коллективного огородничества, которое превратилось в важный источник дополнительного продовольственного обеспечения для трудовых коллективов промышленных предприятий. К примеру, в январе 1942 г. секретариат ВЦСПС рекомендовал всем центральным и областным комитетам профсоюзов, фабрично-заводским и местным комитетам оказывать полное содействие рабочим и служащим в развитии индивидуального огородничества [10, с. 327]. 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» [11, с. 65].

Вопросы развития огородничества, поддержки подсобных хозяйств промышленных предприятий регулярно обсуждались на заседаниях бюро и пленумов партийно-государственных структур Дагестана. Так, на начало 1943 г. под ведение подсобных хозяйств предприятиями Махачкалы было выделено 1234 га, где находились 1314 голов крупного и мелкого рогатого скота, 1200 свиней, 1300 домашних птиц и 65 пчелиных ульев [2, с. 113]. Однако следует отметить, что материально-бытовой фактор не стал ключевым в формировании позитивной трудовой мотивации работников промышленных предприятий республики. Основным стимулом их трудовых подвигов, упорства в выполнении поставленных задач являлась вера в справедливость дела, за которое сражались на фронте их родные и близкие и ради которого они самоотверженно трудились и переносили лишения в тылу.

В целом, несмотря на наличие материально-бытовых и производственных проблем, трудовая дисциплина на промышленных предприятиях Дагестана была на хорошем уровне. Рабочие и служащие осознавали, что ухудшение условий труда на заводах и фабриках республики было обусловлено необходимостью приоритетного обеспечения потребностей фронта. Причем вопреки нехватке ресурсов для обеспечения комфортных условий на производстве и в быту центральные партийно-государственные структуры принимали посильные меры для улучшения положения людей. Так, постановлением СНК СССР в марте 1944 г. для подростков моложе 16 лет был установлен гарантированный день отдыха один раз в неделю и очередной отпуск продолжительностью 12 рабочих дней [12, с. 157].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Дагестан стал одним из тыловых регионов, укреплявших оборонную мощь страны. Военная действительность привела к существенной трансформации экономики республики, которая ранее специализировалась преимущественно на производстве пищевой продукции, стеклотары, сернистого натрия, а также некоторых товаров легкой промышленности. После начала боевых действий Дагестан был вынужден принять большое количество эвакуированных предприятий и людей, что усугубило экономическое положение республики.

Ввод в эксплуатацию перемещенных из западных областей страны заводов, размещение и обустройство их персонала, оперативный перевод на выпуск военной продукции предприятий местной промышленности потребовали от центральных и местных властей принимать меры для преодоления многочисленных трудностей. Стоит указать, что в первую очередь деятель-

ность партийно-государственных организаций была направлена на максимальное расширение производственного потенциала в промышленности в ущерб материальному обеспечению труда и быта рабочих и служащих.

В целом в годы Великой Отечественной войны, несмотря на наличие объективных социально-бытовых проблем, ключевую роль в трудовых буднях рабочего класса Дагестана сыграли трудовой настрой и стремление к скорой победе над врагом. Хотя государственные приоритеты были направлены в сторону увеличения объема производства, а не в пользу заботы о материально-бытовых условиях рабочих, люди в сложных условиях продолжали трудиться, выполняя и перевыполняя планы и приближая своими усилиями победу в войне.

Тяготы и лишения повседневной жизни не позволили рабочим и служащим опустить руки, именно благодаря их самоотверженному труду было обеспечено нормальное функционирование промышленных объектов Дагестана, что позволило решить ряд трудных военно-хозяйственных задач, поставленных перед республикой в условиях военной действительности. Не без оснований можно утверждать, что трудовые коллективы промышленных предприятий Дагестана в военные годы раскрыли огромный творческий потенциал и внесли значительный вклад в дело разгрома врага. Деятельность рабочих и служащих промышленных предприятий республики в годы Великой Отечественной войны стала ярким примером проявления патриотизма и жертвенности во имя Победы.

Список источников

1. Цеханская К. В. Историография советской повседневности 1941–1945 гг.: обзор научных тем, проблем и концепций // Вестн. антропологии. 2022. № 3. С. 50–67.
2. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны / редкол.: Э. М. Далгат, М.-Р. А. Ибрагимов, Г. И. Какагасанов (отв. ред.). Махачкала: Алеф, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. Т. 1. 368 с.
3. Дагестан в годы Великой Отечественной войны / сост. О. Блюмфельд, М. Кичева, А. Мелешко. Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1962. 497 с.
4. Какагасанов Г.И. Работа промышленных предприятий Дагестана по выпуску военной продукции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 60-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. С. 217–233.
5. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатова, М.Д. Чекулаев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. 776 с.
6. Ремиханова Р.И. Трудовой подвиг тружеников промышленности и сельского хозяйства Дагестана в годы войны // 60-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу : материалы республ. науч. конф. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. С. 241–251.
7. О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время : указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941. URL: <https://istmat.org/node/24322> (дата обращения: 01.10.2024).
8. История Дагестана : в 4 т. Т. 3: 1917–1945 / гл. ред. Г. Д. Даниялов. М.: Наука, 1968. 426 с.
9. Какагасанов Г.И., Лысенко Ю.М. Каспийск/Двигательстрой в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: трудовая доблесть и вклад в достижение Победы // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. Серия 2 : Гуманит. науки. 2020. Т. 35, вып. 4. С. 13–20.
10. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.) / сост. Д.Г. Кузьменко. М., 1944. 382 с.
11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. : сб. док. за 50 лет. Т. 3 : 1941–1952 гг. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.
12. Парамонов В.Н. Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. 2015. № 4 (34). С. 150–162.

References

1. Tsekanskaya K.V. Historiography of Soviet everyday life 1941-1945: a review of scientific topics, problems and concepts. *Vestnik antropologii = Bulletin of Anthropology*. 2022;(3):50-67. (In Russ.).
2. Dalgat E.M., Ibragimov M.-R.A., Kakagasanov G.I., eds. *Labor feat of the peoples of Dagestan during the Great Patriotic War*. Makhachkala: Alef Publ., Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Center of the Russian Academy of Sciences Press; 2015. Vol. 1. 368 p. (In Russ.).

3. Blyumfeld O., Kicheva M., Meleshko A., comp. *Dagestan during the Great Patriotic War*. Makhachkala: Printing House of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences; 1962. 497 p. (In Russ.).
4. Kakagasanov G.I. The work of industrial enterprises of Dagestan on the production of military products during the Great Patriotic War (1941-1945). *Peoples of the Caucasus in the Great Patriotic War of 1941-1945*. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Center of the Russian Academy of Sciences Press; 2005:217-233. (In Russ.).
5. Kakagasanov G.I., Butaev M.D., Dzhambulatova R.I., Chekulaev M.D., comp. *The peoples of Dagestan during the Great Patriotic War (1941-1945)*. Documents and materials. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Center of the Russian Academy of Sciences Press; 2005. 776 p. (In Russ.).
6. Remikhanova R.I. Labor feat of workers of industry and agriculture of Dagestan during the War. *60th anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Dagestanis at the front and in the rear*. Materials of the Republican Scientific Conference. Makhachkala: Nauka of the Dagestan Federal Center Publ.; 2010:241-251. (In Russ.).
7. *On the working hours of workers and employees in wartime: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 6th June 1941*. Available from: <https://istmat.org/node/24322> [Accessed 1st October 2024]. (In Russ.).
8. Daniyalov G.D., ch. ed. *The history of Dagestan: in 4 vols. Vol. 3: 1917-1945*. Moscow: Nauka Publ.; 1968. 426 p. (In Russ.).
9. Kakagasanov G.I., Lysenko Yu.M. Kaspiysk/Dvigatelstroy during the Great Patriotic War of 1941-1945: labor valor and contribution to achieving Victory. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2020;35(4):13-20. (In Russ.).
10. Kuzmenko D.G., comp. *Collection of documents and materials on labor issues during the Great Patriotic War (22nd June 1941 - 5th January 1944)*. Moscow, 1944. 382 p. (In Russ.).
11. Chernenko K.U., Smirtyukov M.S., comp. *Decisions of the party and the government on economic issues: in 5 vols. Collection of documents for 50 years. Vol. 3: 1941-1952*. Moscow: Politizdat Publ.; 1968. 754 p. (In Russ.).
12. Paramonov V.N. The social situation of working youth at enterprises of the RSFSR in 1941-1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4 = Bulletin of the Volgograd State University. Series 4*. 2015;(4):150-162. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Эмирханов – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории.

Information about the author

I.A. Emirkhanov – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of History.

Статья поступила в редакцию 09.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 09.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 29.11.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Научная статья

УДК 339.9

doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-114-124

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Марина Александровна Боровская¹, Мария Викторовна Грановская²,
Марина Анатольевна Масыч³✉, Антон Анатольевич Афанасьев⁴

^{1,3,4} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹ bma@sfedu.ru

² demni@mail.ru

³ mamasych@sfedu.ru✉

⁴ afanasyevanton@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности международного гуманитарного сотрудничества в условиях многополярного мира с акцентом на усилении роли России в мировом гуманитарном пространстве. Цель исследования – выявление особенностей гуманитарного сотрудничества и установление степени его развития в рамках международных объединений на примере БРИКС и Альянса цивилизаций ООН. Используется контент-анализ, включая анализ литературных источников и нормативных документов по линии международных объединений, системный и статистический анализ данных. Международное гуманитарное сотрудничество рассматривается в рамках объединения БРИКС и Альянса цивилизаций ООН, поскольку объединения нацелены на выстраивание межцивилизационного диалога и по своему характеру не являются региональными интеграционными объединениями, специфика которых – относительно высокая культурная однородность политической культуры. Отдельно рассмотрены основные макроэкономические тенденции в экономическом развитии БРИКС с 2009 г. по настоящее время. Особый интерес в контексте взаимосвязи экономики и гуманитарного сотрудничества представляют показатели, касающиеся образования и науки. Важно обеспечивать систематический долгосрочный мониторинг соответствующих экономических показателей с учетом развития гуманитарного сотрудничества в рамках международных объединений, поскольку гуманитарное сотрудничество в многополярном мире является условием и основой для преодоления глобальных вызовов и решения задач, связанных с экономикой и экологией, а также достижения целей устойчивого развития. Продолжение реализации совместных инициатив в гуманитарной сфере будет играть ключевую роль в успешной реализации экономических программ и проектов в рамках международных объединений.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, многополярный мир, международные объединения, партнерство в сфере науки и образования, экономическое сотрудничество, БРИКС

Для цитирования: Боровская М.А., Грановская М.В., Масыч М.А., Афанасьев А.А. Международное гуманитарное сотрудничество в формирующемся многополярном мире: основные тенденции // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 114–124.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION IN THE EMERGING MULTIPOLAR WORLD: KEY TRENDS

Marina A. Borovskaya¹, Maria V. Granovskaya², Marina A. Masych³✉, Anton A. Afanasyev⁴

^{1, 3, 4} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

¹ bma@sfnedu.ru

² demni@mail.ru

³ mamasych@sfnedu.ru ✉

⁴ afanasyevanton@sfnedu.ru

Abstract. The article examines the specific features of international humanitarian cooperation in a multipolar world with an emphasis on strengthening Russia's role in the global humanitarian space. The aim of the study is to identify the features of humanitarian cooperation and establish the degree of its development within the framework of international associations using the example of BRICS and the UN Alliance of Civilizations. Content analysis is used, including analysis of literary sources and regulatory documents from international associations, systemic and statistical analysis of data. International humanitarian cooperation is considered within the framework of the BRICS association and the UN Alliance of Civilizations, since these associations are aimed at building inter-civilizational dialogue and by their nature are not regional integration associations, the specificity of which is a relatively high cultural homogeneity of political culture. The main macroeconomic trends in the economic development of BRICS from 2009 to the present are examined separately. Of particular interest in the context of the relationship between the economy and humanitarian cooperation are indicators related to education and science. It is important to ensure systematic long-term monitoring of relevant economic indicators, taking into account the development of humanitarian cooperation within international associations, since humanitarian cooperation in a multipolar world is a condition and basis for overcoming global challenges and solving problems related to the economy and ecology, as well as achieving sustainable development goals. Continuing to implement joint initiatives in the humanitarian sphere will play a key role in the successful implementation of economic programs and projects within international associations.

Keywords: humanitarian cooperation, multipolar world, international associations, partnership in science and education, economic cooperation, BRICS

For citation: Borovskaya M.A., Granovskaya M.V., Masych M.A., Afanasyev A.A. International Humanitarian Cooperation in the Emerging Multipolar World: Key Trends. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):114-124. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Подходы к определению гуманитарного сотрудничества

Понятие международного гуманитарного сотрудничества достаточно многозначно и отличается широтой интерпретаций в отечественных и зарубежных исследованиях. В нашей статье относительно понятий «международное гуманитарное сотрудничество» и «многостороннее гуманитарное сотрудничество» будем придерживаться трактовки, общепринятой в отечественной исследовательской литературе и в основополагающих документах, устанавливающих внешнеполитическую концепцию Российской Федерации. В рамках концепции значительное внимание уделяется усилению роли России в мировом гуманитарном пространстве, что способствует повышению устойчивости международных отношений, улучшению социально-экономической ситуации и реализации повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [1].

В современном мире, который вступил в фазу формирования многополярной системы международных отношений и геополитического противостояния, важную роль в гуманитарном сотрудничестве начинают играть многосторонние гуманитарные связи, в первую очередь деятельность международных, межгосударственных организаций и региональных интеграционных объединений, таких как БРИКС+, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содруже-

ство Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и др.

Культурные, научные, образовательные и спортивные мероприятия способствуют укреплению международных связей и позитивного восприятия страны на мировой арене.

В зарубежной литературе международное гуманитарное сотрудничество рассматривается как инструмент «мягкой силы». Дж. Най отмечает, что «мягкая сила – это способность получать желаемое через привлекательность, а не принуждение или оплату» [2, р. 65].

Зарубежная интерпретация понятия «гуманитарное сотрудничество» основывается на подходе ООН к его трактовке: «все формы человеческой деятельности, направленные на предотвращение и облегчение человеческих страданий, вызванных чрезвычайными ситуациями, а также на защиту человеческого достоинства и прав человека» [3].

Российские исследователи придерживаются расширенного подхода [4] к интерпретации данного термина, в рамках которого под гуманитарным сотрудничеством или дипломатией понимается «не только оказание помощи в ситуации кризисов и стихийных бедствий, конфликтах, но и сотрудничество государств и других акторов международных отношений в области науки, образования, спорта и культуры» [5, с. 171].

На глобальном уровне можно выделить деятельность БРИКС и Альянса цивилизаций ООН (АЦ ООН). Оба объединения в значительной степени сфокусированы на гуманитарных аспектах многостороннего международного сотрудничества. В обоих случаях можно говорить о межцивилизационном сотрудничестве, основанном на равноправном диалоге.

Инициатива создания АЦ ООН принадлежит Испании и Турции. В 2004 г. на полях 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН данная инициатива была представлена премьер-министром Испании Хосе Сапатеро и затем поддержана Реджепом Эрдоганом, премьер-министром Турции. В 2005 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан официально объявил о создании АЦ ООН. Объединение усилий по его формированию и расширению диалога культур стало в том числе своего рода ответом на трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Главная декларируемая цель организации – налаживание межконфессионального диалога между христианами и мусульманами, основанного на принципах толерантности и уважения этнического достоинства [6]. АЦ ООН является институционально развитой организацией (высокий представитель; секретариат, группа экспертов высокого уровня) и привлекает к своей деятельности большое количество неправительственных организаций (религиозные, культурные и т. д.). В 2006 г. было определено пять приоритетных областей деятельности организации – образование, проблемы молодёжи, средства массовой информации, иммиграционные проблемы, проблемы женщин (женщины как мирные посредники). АЦ ООН был создан в качестве инструмента «мягкой силы» Генерального секретаря ООН для предотвращения конфликтов. Таким образом, задачи альянса довольно ограничены, так как он действует в рамках мандата ООН, а не как самостоятельная организация.

С 2005 г. АЦ ООН провел девять глобальных форумов. В 2022 г. по итогам IX форума в Марокко была принята Декларация Феса. В ней актуализируется необходимость межцивилизационного диалога для предотвращения и урегулирования конфликтов.

АЦ ООН – пример организации, целью которой является международное многостороннее сотрудничество. В то же время деятельность многочисленных неправительственных акторов-партнёров отдаляет АЦ ООН от декларируемых целей (религиозные лидеры, религиозные организации, специалисты СМИ, фонды, акторы из частного сектора). Таким образом, в альянсе преобладают принципы сетевой организации, отдаляя его от изначально заложенных целей. При этом официальный характер организации, включенной в структуру ООН, может в определенной степени служить барьером для более гибкого развития объединения.

Актуальной представляется эволюция гуманитарного сотрудничества в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Феномен БРИКС занимает уникальное место в современной системе международных отношений. Деятельность этого межгосударственного объединения нацелена на решение геополитических и экономических задач. «С момента создания БРИКС в 2009 году и в течение последующих лет объединение всегда позиционировало себя как реформаторов, а не как разрушителей существующего мирового порядка и его системы управления» [7].

Особый интерес представляет гуманитарное измерение БРИКС, так как контакты государств в сфере образования, науки, культуры и спорта помогают гармонизировать отношения внутри объединения и в некоторых случаях уладить давние противоречия между странами-участницами. Существенное значение для БРИКС имеет вопрос развития человеческого потенциала для экономического процветания государств глобального Юга. Включение новых членов обеспечит рост человеческого капитала, а развитие научно-технического сотрудничества внутри группы позволит улучшить его качество. В БРИКС сложилась уникальная культура диалога в рамках межцивилизационного сотрудничества, который нацелен на преодоление разногласий и поиск точек соприкосновения между разными цивилизациями, входящими в это глобальное объединение.

В условиях западного санкционного режима и противостояния в области технологий усиление незападных игроков во всех сферах глобального сотрудничества представляется особенно актуальной задачей. Гуманитарное сотрудничество и партнерство в области образования (как одна из основ БРИКС) выступают залогом эффективного сотрудничества в том числе в контексте управления интеллектуальными ресурсами объединения.

Следует отметить, что за годы существования БРИКС достигнут значительный прогресс в научно-образовательной области взаимодействия. Сфера науки и образования стала одной из ключевых в сотрудничестве между государствами, входящими в объединение. Страны БРИКС проводят системную политику в сфере развития образования и науки с 2009 г., когда проходил первый саммит БРИКС под российским председательством в Екатеринбурге, по итогам которого главами России, Бразилии, Индии и Китая было заявлено о намерении развивать сотрудничество в области образования и науки. В 2014 г. была принята Форталезская декларация по итогам шестого саммита под бразильским председательством, ознаменовавшая новый этап развития БРИКС. В декларации странами-участницами подчёркивалось стратегически важное значение образования «для обеспечения устойчивого развития и инклюзивного экономического роста» [8].

В целях соблюдения инициативы «Образование для всех» государства БРИКС оставались приверженцами принципов равенства и всеобщей доступности образования. На IV саммите БРИКС в 2014 г. была поддержана инициатива по созданию Сетевого университета БРИКС. Хотя саммит в Форталезе считается «прорывным» в финансовой сфере, но необходимость научно-технического сотрудничества также подчёркивалась лидерами БРИКС.

Стратегически важные решения для развития научно-образовательной политики были приняты после министерской встречи в Кейптауне в феврале 2014 г. В документах просматривались контуры научно-образовательной политики БРИКС. Кейптаунская декларация по итогам первого заседания БРИКС на уровне министров науки, технологий и инноваций представляет большой интерес, так как предлагает раскрыть научно-технический потенциал каждой из стран, разделив между странами – участницами БРИКС различные области науки для изучения и развития. «В целях содействия непосредственной реализации целей, обозначенных в Меморандуме БРИКС о взаимопонимании в области науки, технологий и инноваций», устанавливается пять «тематических областей», каждая из которых отведена была для развития одной из стран-участниц [9]. Научное направление Индии – разработка геопространственных технологий, Бразилии – изменения климата и борьба с природными катастрофами, Китая – лидерство в развитии новой и возобновляемой энергии и энергетической эффективности. Россия должна была заниматься борьбой с загрязнением окружающей среды и использованием водных ресурсов.

Основой научно-образовательной политики БРИКС является Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами Федеративной Республики Бразилия, Российской Федерации, Республики Индия, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики 2015 г. [10].

В 2015 г. была одобрена Рамочная программа БРИКС по НИИ (BRICS STI FP), направленная на поддержку выдающихся исследований в приоритетных областях, которые наилучшим способом можно проводить с помощью многонационального подхода. Инициатива предусматривает возможность сотрудничества между исследователями и научными организациями в консорциумах, включающих партнёров как минимум из трёх стран БРИКС [11], проведение кон-

курсов фундаментальных, прикладных и инновационных многосторонних проектов по актуальным тематикам с вовлечением ученых из стран – членов БРИКС. Обязательное условие Рамочной программы – участие представителей как минимум трёх стран БРИКС в одном проекте [12].

В 2023 г. в Йоханнесбургской декларации [13], принятой по итогам саммита в ЮАР, были отмечены все перспективные направления гуманитарного сотрудничества, особенно в формате Юг – Юг.

Управляющий комитет БРИКС по НТИ признаётся основным координационным механизмом для управления и обеспечения успешного проведения мероприятий БРИКС в области НТИ. В 2023 г. признан прогресс, достигнутый в реализации Плана действий БРИКС по инновационному сотрудничеству (2021–2024). Реализуются инициативы по развитию сети трансфера технологий стран БРИКС, сети iBRICS, отдельное внимание уделяется сотрудничеству в сфере арктических и космических исследований [13].

Развитие научно-технического сотрудничества проходит успешно и способствует решению задач, лежащих в плоскости общественного и экономического развития государств БРИКС. К главным направлениям сотрудничества в этой области можно отнести высокоточную медицину и нанотехнологии в медицине, вычислительные системы и большие данные, полярные исследования, океанологию и т. д. [12].

По итогам российского председательства в 2024 г. лидеры стран – участниц БРИКС отметили колоссальный потенциал этой организации в сфере науки, технологий и инноваций. В Казанской декларации приветствуется расширение Сетевого университета БРИКС и сфер его исследовательской деятельности в естественно-научных и гуманитарных науках. Подчёркивается необходимость гуманитарного обмена [14].

БРИКС и АЦ ООН не являются интеграционными организациями, но представляют из себя площадки для межцивилизационного диалога. Гуманитарный проект АЦ ООН ограничен пятью приоритетными областями деятельности. Организация склоняется в сторону сетевых принципов международного гуманитарного сотрудничества. БРИКС демонстрирует большой прогресс в области гуманитарного сотрудничества. Гуманитарная область становится одной из главных сфер сотрудничества государств БРИКС.

Экономический вектор взаимодействия международных объединений на примере БРИКС

Одно из ключевых направлений деятельности БРИКС – развитие экономики и обеспечение экономического роста, включая организацию совместного рынка и инвестиций в инфраструктуру. БРИКС предоставляет платформу для диалога и сотрудничества по широкому кругу вопросов, в том числе оказывая влияние на глобальную политику и экономику. Существует и ряд признанных проблем деятельности БРИКС, таких как внутренние различия, ограниченные полномочия, слабая координация, недостаточная взаимодополняемость и пр.

Чтобы понять, насколько страны – члены БРИКС успешны в своей деятельности, следует обратиться к статистическим данным. Основные макроэкономические тенденции, выявленные в экономическом развитии БРИКС с 2009 г., отражают как специфику межстранового взаимодействия его членов, так и их деловое сотрудничество с развитыми и развивающимися странами (по исследованию НИУ ВШЭ) [15]. В частности, на 33 % сократилась теснота торговой связи между странами БРИКС с 2017 по 2022 г. Причем наиболее тесно сотрудничали в этот период Индия – ЮАР, Китай – ЮАР, Россия – Китай и Бразилия – Китай. На 93 % увеличился торговый оборот между странами БРИКС с 2017 по 2022 г. При этом наибольший вклад в динамику суммарного торгового оборота внесли Китай и Россия. На 36,2 % увеличилась доля стран БРИКС в мировом экспорте с 2009 г., значительный вклад внесли Китай, Россия и Индия. Таким образом, можно считать, что подобное объединение принесло свои результаты.

Особый интерес в контексте связи экономики и гуманитарного сотрудничества представляют показатели, касающиеся образования и науки. Так, доля государственных расходов на образование наибольшая у ЮАР (6,6 % от ВВП), наименьшая – у Ирана (2,67 % от ВВП). При этом среднее значение по странам-членам составляет 4,34 % от ВВП (рис. 1).

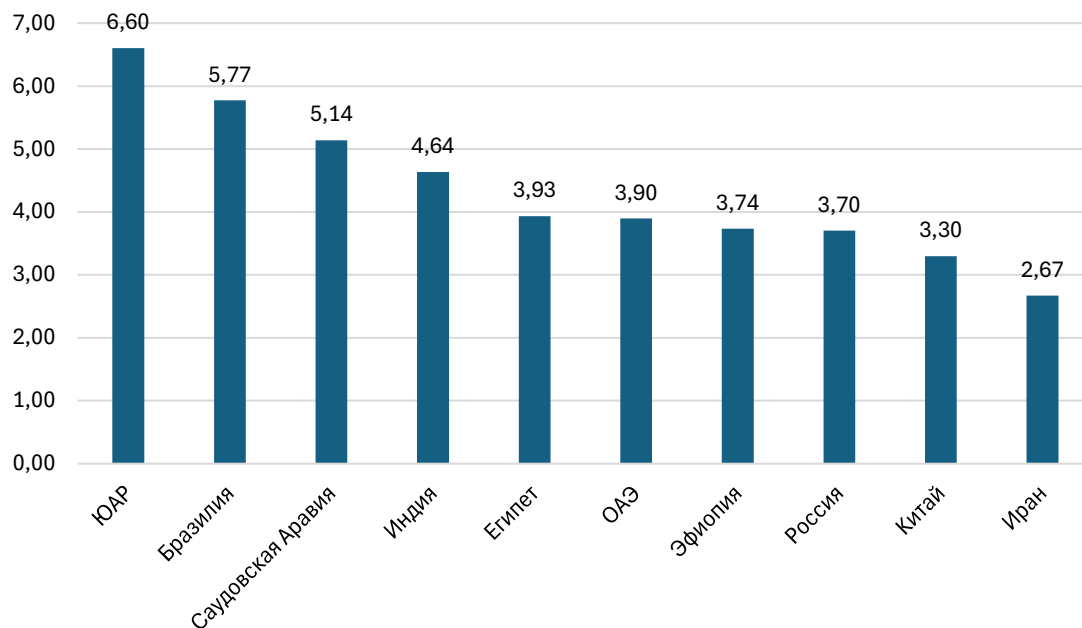

Рис. 1. Государственные расходы на образование, % от ВВП, по последним имеющимся данным Всемирного банка (составлено по [16]) / Fig. 1. Government expenditure on education, % of GDP, latest available World Bank data (Compiled by [16])

Таким образом, у четырех стран доля расходов на образование выше средней по БРИКС (ЮАР, Бразилия, Саудовская Аравия, Индия) и у шести стран – ниже средней (Египет, ОАЭ, Эфиопия, Россия, Китай, Иран).

Если рассматривать расходы на исследования и разработки в целом (рис. 2), то можно увидеть колебания показателя от 0,27 (Эфиопия) до 2,43 % от ВВП (Китай).

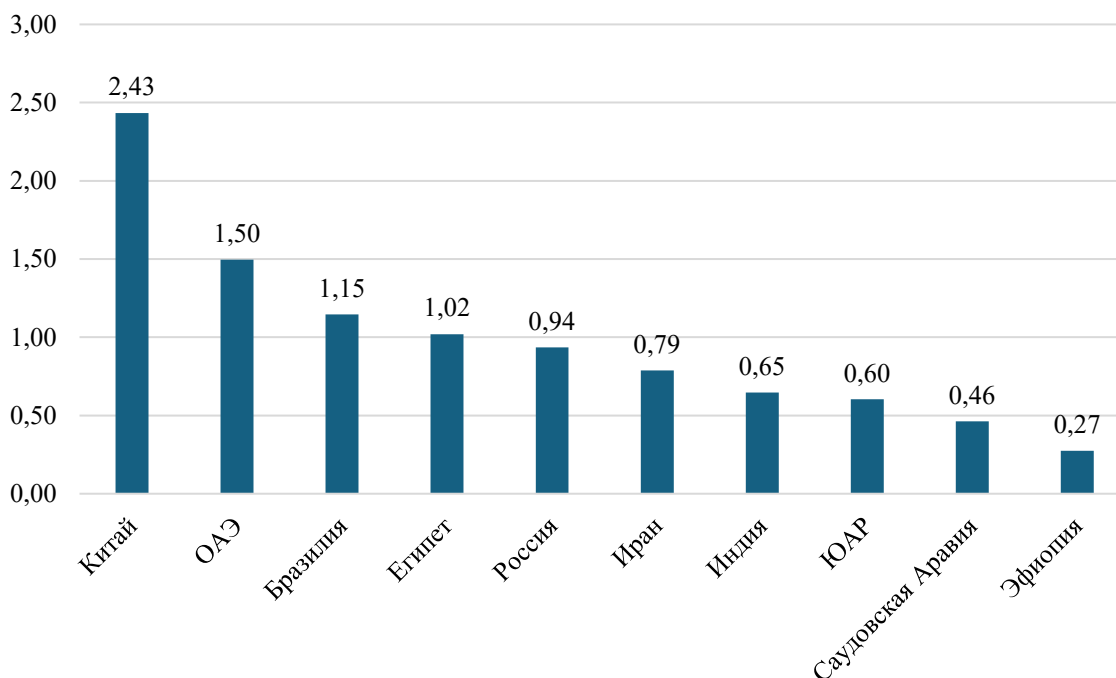

Рис. 2. Расходы на исследования и разработки, % от ВВП, по последним имеющимся данным Всемирного банка (составлено по [16]) / Fig. 2. Research and development expenditure, % of GDP, latest available World Bank data (Compiled by [16])

Среднее значение данного показателя составляет 0,98 % от ВВП. Таким образом, выше среднего показатель расходов на исследования и разработки имеют Китай, ОАЭ, Бразилия, Египет, ниже среднего – Россия, Иран, Индия, ЮАР, Саудовская Аравия, Эфиопия. Причем у России показатель примерно равен среднему значению (0,94 % от ВВП). Также вызывает интерес показатель экспорта высокотехнологичной продукции, который имеет большой разброс среди стран – членов БРИКС: от 0,31 до 23,12 % от экспорта промышленной продукции. Среднее значение по странам БРИКС составляет 7,58 % (рис. 3).

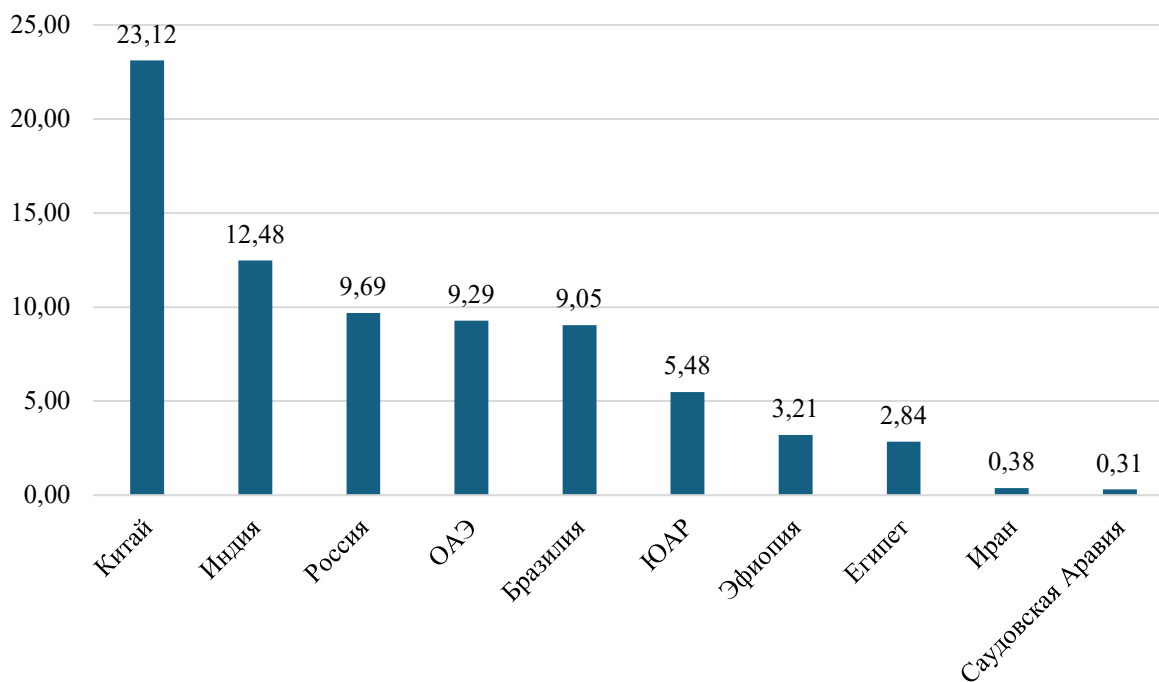

Рис. 3. Экспорт высокотехнологичной продукции, % от экспорта промышленной продукции, по последним имеющимся данным Всемирного банка (составлено по [16]) / Fig. 3. Exports of high-tech products, % of exports of industrial products, according to the latest available data from the World Bank (Compiled by [16])

Таким образом, пять стран имеют долю экспорта высокотехнологичной продукции выше среднего: Китай, Индия, Россия, ОАЭ, Бразилия. И пять стран с показателем ниже среднего: ЮАР, Эфиопия, Египет, Иран, Саудовская Аравия.

Систематический долгосрочный мониторинг соответствующих экономических показателей в контексте развития гуманитарного сотрудничества в рамках объединения представляет особый интерес для дальнейших исследований, особенно учитывая, что за последние годы более 40 % прироста глобального ВВП приходится именно на БРИКС [17].

Международное гуманитарное сотрудничество в многополярном мире обладает значительным потенциалом для решения глобальных проблем, связанных с экономикой и экологией, а также достижения целей устойчивого развития. В числе ключевых аспектов гуманитарного взаимодействия – расширение культурных, образовательных и научных контактов между странами. Подобные инициативы способствуют созданию условий для укрепления доверия и взаимопонимания, что, в свою очередь, стимулирует развитие экономических отношений.

Культурный обмен, совместные образовательные программы и научные исследования приводят к формированию новых рынков, а также обеспечивают укрепление человеческого потенциала, который служит основой для долгосрочного экономического роста, социальной стабильности, экологической безопасности и устойчивого развития. В условиях глобальной нестабильности и геополитических вызовов создание доверительной среды относится к важнейшим факторам обеспечения устойчивого развития экономики.

Гуманитарное сотрудничество в рамках международных объединений, в частности БРИКС, является одним из главных элементов в обеспечении устойчивого экономического роста стран-

членов, способствуя укреплению социальной стабильности, что в совокупности создает благоприятные условия для дальнейшего экономического прогресса и усиления позиций объединения на международной арене.

Подход БРИКС к развитию международного взаимодействия на основе доверия, уважения и взаимовыгодного и равноправного диалога, в основе которого лежит гуманитарная составляющая, выступает перспективным механизмом развития международного сотрудничества в целях достижения устойчивого развития, охватывающего экономические, экологические и социальные аспекты. В экономическом плане такое сотрудничество способствует развитию торговли, инвестициям в инфраструктуру и поддержке малого и среднего бизнеса, что вносит вклад в экономический рост, повышение уровня занятости и снижение бедности.

В то же время экологический аспект характеризуется совместной деятельностью по защите окружающей среды, устойчивым использованием природных ресурсов и развитием новых энергоэффективных технологий, что критически важно для борьбы с изменением климата и сохранением экосистем, а также их проектированием. При этом социальные выгоды предполагают улучшение доступа к образованию и здравоохранению, социальную интеграцию и межкультурный диалог, что способствует укреплению социальной сплоченности и минимизации возникновения конфликтов.

Заключение

Проведенный анализ особенностей гуманитарного сотрудничества показывает, что, несмотря на отсутствие у международных объединений статуса полноценных интеграционных структур, они выступают значимыми площадками для межцивилизационного диалога и развития сотрудничества. Особенно это наблюдается в рамках БРИКС, в контексте которого сформировалась уникальная модель диалога, направленная на разрешение противоречий и укрепление связей между различными цивилизациями, представленными странами-участницами. Значительный прогресс был достигнут в сфере научно-образовательного взаимодействия, что свидетельствует об эффективности подходов к гуманитарному сотрудничеству внутри БРИКС. В свою очередь, деятельность АЦ ООН ограничена пятью ключевыми направлениями, что накладывает ограничения на развитие гуманитарных инициатив.

В условиях усиливающегося санкционного давления и технологического соперничества рост значимости незападных акторов в глобальной системе сотрудничества приобретает особую актуальность. Это подчеркивает значимость использования сетевого подхода в международном гуманитарном сотрудничестве, который успешно реализуется в рамках БРИКС. Гуманитарная сфера становится одним из ключевых элементов обеспечения сотрудничества стран – членов БРИКС, демонстрируя значительные достижения и потенциал дальнейшего развития, особенно в контексте задач экономического роста – центральных направлений деятельности БРИКС, включая создание общего рынка и инвестиций в инфраструктурные проекты.

Важным аспектом взаимосвязи экономики и гуманитарного сотрудничества являются показатели, относящиеся к образованию и науке. Государственные расходы на образование варьируются среди стран – участниц БРИКС (самый высокий показатель наблюдается в ЮАР, самый низкий – в Иране), средний уровень при этом составляет более 4,3 % от ВВП. Доля экспорта высокотехнологичной продукции выше среднего значения отмечается у Китая, Индии, России, ОАЭ и Бразилии. Учитывая, что более 40 % мирового прироста ВВП за последние годы приходится на страны БРИКС, систематический долгосрочный мониторинг экономических показателей в сочетании с развитием гуманитарного сотрудничества имеет важное значение для будущих исследований.

В условиях многополярного мира гуманитарное сотрудничество выступает необходимым фактором для преодоления глобальных вызовов и решения задач, связанных с устойчивым развитием, экономическим ростом и экологической безопасностью. Продолжение реализации совместных гуманитарных инициатив в интересах развития экономического взаимодействия будет оставаться приоритетом для мирового большинства, ориентированного на взаимовыгодное сотрудничество в том числе в рамках международных объединений, включая БРИКС, которые

имеют высокий потенциал для развития мировой экономики и более справедливого мироустройства.

Список источников

1. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 14.06.2024).
2. *Nye J. S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
3. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly, 2015. URL: <https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981> (дата обращения: 17.09.2024).
4. *Богатырева О. Н., Ковба Д. М., Табаринцева-Романова К. М.* Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 3. С. 101–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhsivilizatsionnyy-dialog-kak-instrument-gumanitarnoy-diplomatii-stran-briks> (дата обращения: 17.09.2024).
5. *Ковба Д.М.* Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ // Вестн. Кыргызско-Российского славянского ун-та. 2020. Т. 20, № 11. С. 169–174. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44530684> (дата обращения: 17.09.2024).
6. Many cultures. One humanity. United Nations Alliance of Civilizations (UNAOC), 2019. URL: https://www.unaoc.org/wp-content/uploads/unaoc_brochure_v6.pdf (дата обращения: 14.06.2024).
7. Contribution on the BRICS 2023 Presidency of South Africa by the Secretary general of Eurispes, Marco Ricceri, at the international conference “The Rise of Asia”, 2023. URL: <https://eurispes.eu/en/news/contribution-on-the-brics-2023-presidency-of-south-africa-by-the-secretary-general-of-eurispes-marco-ricceri-at-the-international-conference-the-rise-of-asia/> (дата обращения: 20.06.2024).
8. Форталезская декларация (принята по итогам VI саммита БРИКС г. Форталеза (Бразилия)), 2014. URL: <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty> (дата обращения: 29.10.2024).
9. First BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting: Cape Town Declaration Cape Town, South Africa, February 10, 2014. URL: <https://mniop.ru/experience/sotrudnichestvo-so-stranami-briks/dokumenty-i-briks> (дата обращения: 21.06.2024).
10. О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами России, Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики : Распоряжение Правительства РФ от 14.03.2015 № 434-р. URL: <http://government.ru/docs/17313> (дата обращения: 21.06.2024).
11. BRICS STI FP. About BRICS STI Framework Programme. URL: <http://brics-sti.org/> (дата обращения: 10.06.2024).
12. Новостной портал науки и образования. Гуманитарные науки, 2021. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science> (дата обращения: 20.06.2024).
13. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 17.09.2024).
14. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г. XVI саммит БРИКС. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1729693488382423 (дата обращения: 30.10.2024).
15. *Лола И.С., Семина В.В., Усов Н.А., Андреев К.Д.* БРИКС: устойчивость, конвергенция, инклюзивность. М.: НИУ ВШЭ, 2023. Вып. № 1. 8 с. URL: https://www.hse.ru/data/2023/08/01/2067629053/Early_composite_indice_08_2023_1.pdf (дата обращения: 20.06.2024).
16. Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 05.08.2024).
17. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/53251/> (дата обращения: 30.10.2024).

References

1. *The concept of the foreign policy of the Russian Federation*: approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on 31th March 2023. Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586 [Accessed 14th June 2024]. (In Russ.).
2. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Publ.; 2004. 192 p.
3. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. UN General Assembly, 2015. Available from: <https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981> [Accessed 17th September 2024].
4. Bogatyreva O.N., Kovba D.M., Tabarintseva-Romanova K.M. Intercivilizational dialogue as a tool of humanitarian diplomacy of the BRICS countries. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*. 2022;19(3):101-121. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhtsivilizatsionnyy-dialog-kak-instrument-gumanitarnoy-diplomatii-stran-briks> [Accessed 17th September 2024]. (In Russ.).
5. Kovba D.M. The humanitarian dimension of diplomacy: the problem of categorization and analysis. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta = Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2020;20(11):169-174. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44530684> [Accessed 17th September 2024]. (In Russ.).
6. *Many cultures. One humanity*. United Nations Alliance of Civilizations (UNAOC), 2019. Available from: https://www.unaoc.org/wp-content/uploads/unaoc_brochure_v6.pdf [Accessed 14th June 2024].
7. *Contribution on the BRICS 2023 Presidency of South Africa by the Secretary general of Eurispes, Marco Ricceri, at the international conference "The Rise of Asia", 2023*. Available from: <https://eurispes.eu/en/news/contribution-on-the-brics-2023-presidency-of-south-africa-by-the-secretary-general-of-eurispes-marco-ricceri-at-the-international-conference-the-rise-of-asia> [Accessed 20th June 2024].
8. *Fortaleza Declaration (adopted following the results of the VI BRICS Summit in Fortaleza (Brazil)), 2014*. Available from: <https://ocds-brics.org/sammity-i-dokumenty> [Accessed 29th October 2024].
9. *First BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting: Cape Town Declaration Cape Town, South Africa, 10th February 2014*. Available from: <https://mniop.ru/experience/sotrudnichestvo-so-stranamibriks/dokumentyi-briks> [Accessed 21st June 2024]. (In Russ.).
10. *On signing a Memorandum of Cooperation in the field of science, technology and innovation between the Governments of Russia, Brazil, India, China and the Republic of South Africa*: Decree of the Government of the Russian Federation dated 14th March 2015 No. 434-r. Available from: <http://government.ru/docs/17313> [Accessed 21st June 2024]. (In Russ.).
11. *BRICS STI FP. About BRICS STI Framework Program*. Available from: <http://brics-sti.org/> [Accessed 10th June 2024].
12. *Science and Education news portal. Humanities, 2021*. Available from: <https://indicator.ru/humanitarian-science> [Accessed 20th June 2024]. (In Russ.).
13. *The Johannesburg Declaration-II. BRICS and Africa: partnership for joint accelerated growth, sustainable development and inclusive multilateralism, Sandton, Gauteng, South Africa, 23th August 2023*. Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ [Accessed 17th September 2024]. (In Russ.).
14. *The Kazan Declaration "Strengthening multilateralism for equitable global development and security"*. Kazan, Russian Federation, 23th October 2024. The 16th BRICS Summit. Available from: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1729693488382423 [Accessed 30th October 2024]. (In Russ.).
15. Lola I.S., Semina V.V., Usov N.A., Andreev K.D. *BRICS: sustainability, convergence, inclusivity*. Moscow: HSE University Press; 2023;(1):8. Available from: https://www.hse.ru/data/2023/08/01/2067629053/Early_composite_index_08_2023_1.pdf [Accessed 20th June 2024]. (In Russ.).
16. *Official website of the World Bank*. Available from: <https://data.worldbank.org/> [Accessed 5th August 2024].
17. *Official website of the Ministry of digital development, communications and mass media of the Russian Federation*. Available from: <https://digital.gov.ru/ru/events/53251/> [Accessed 30th October 2024]. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии образования, президент ЮФУ.

М.В. Грановская – кандидат философских наук, эксперт сектора «Наука, технологии и инновации, здравоохранение, гуманитарное сотрудничество, межкультурный диалог, культура и образование» центра «Экспертный совет по вопросам участия РФ в объединении БРИКС».

М.А. Масыч – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической кибернетики.

А.А. Афанасьев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник центра научных исследований «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике».

Information about the authors

M.A. Borovskaya – Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of Russian Academy of Education, President of Southern Federal University.

M.V. Granovskaya – Candidate of Science (Philosophy), Expert of the Sector “Science, Technologies and Innovations, Healthcare, Humanitarian cooperation, Intercivilizational dialogue, Culture and Education”, BRICS Expert Council-Russia.

M.A. Masych – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Cybernetics/

A.A. Afanasyev – Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Center for Scientific Research “Instrumental, Mathematical and Intellectual tools in Economics”.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.
The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-125-128

V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Баталпашинские чтения – 2024», посвященная 110-летию начала Первой мировой войны (Черкесск, 5–6 октября 2024 г.)

Олег Валерьевич Ратушняк^{1✉}, Татьяна Витальевна Ратушняк²

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ oleg_ratushnyak@mail.ru ✉

² tatyana.ratushnyak@mail.ru

Для цитирования: Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Баталпашинские чтения – 2024», посвященная 110-летию начала Первой мировой войны (Черкесск, 5–6 октября 2024 г.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 4. С. 125–128.

Conference materials

5th All-Russian scientific and practical conference with international participation “Batalpashin Readings - 2024”, dedicated to the 110th anniversary of the beginning of the First World War (Cherkessk, October 5-6, 2024)

Oleg V. Ratushnyak^{1✉}, Tatiana V. Ratushnyak²

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ oleg_ratushnyak@mail.ru ✉

² tatyana.ratushnyak@mail.ru

For citation: Ratushnyak O.V., Ratushnyak T.V. 5th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Batalpashin Readings - 2024”, Dedicated to the 110th Anniversary of the Beginning of the First World War (Cherkessk, October 5-6, 2024). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(4):125-128. (In Russ.).

5–6 октября 2024 г. в г. Черкесске прошла V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Баталпашинские чтения – 2024», посвященная 110-летию начала Первой мировой войны. Ее организаторами выступили Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева и Пятигорская и Черкесская епархия Русской православной церкви (Московского патриархата).

Как и предыдущие Баталпашинские чтения, конференция традиционно посвящена обсуждению научных проблем по изучению становления и развития православия на Северном Кавказе, а также взаимоотношений горского и казачьего населения региона. В то же время в рамках проблематики данной конференции были заявлены и вопросы, касающиеся Первой мировой войны.

В конференции приняли участие ученые и краеведы из Москвы, Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Республики Адыгеи, Карачаево-Черкесской Республики, а также иностранные исследователи из Белоруссии (Минск), Армении

(Ереван) и Чехии (Прага). Среди участников конференции были представители Пятигорской, Ставропольской и Армавирской епархий Русской православной церкви.

На открытии конференции с приветственными словами к ее участникам обратились И.В. Кравченко (министр образования и науки Карачаево-Черкесской Республики), М.М. Есеев (министр Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати), А.В. Ганшин (председатель комитета по науке, образованию, культуре, спорту, делам молодежи и туризму Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, руководитель Карачаево-Черкесского регионального общественного движения «Русь»), А.М. Шаков (директор Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова), Д.Ю. Семенов (начальник комитета по делам молодежи и просвещения Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесской Республики), Л.Ю. Козлова (руководитель Центра по продвижению русского языка и казачьей культуры Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева).

С пленарными докладами выступили О.В. Ратушняк (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научного центра «История казачества» Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)), А.А. Нартов (кандидат психологических наук, доцент кафедры церковной истории Ставропольской духовной семинарии), А.Е. Акоюн (кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея-института древних рукописей им. М. Маштоца), О.И. Шафранова (кандидат исторических наук, заведующая кафедрой региональной истории и музееведения Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета), З.А. Барбарунова (независимый исследователь из г. Праги (Чешская Республика)), Т.А. Дворцова (кандидат политических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета).

Доклад О.В. Ратушняка был посвящен участию кубанского казачества в Первой мировой войне. Докладчик акцентировал внимание на том, что казачьи части и отряды, принимая активное участие во многих крупномасштабных стратегических операциях, чаще всего использовались в разведке, прорывах и арьергардных боях. Кубанцы внесли значительный вклад в победы российской армии во время войны. Но, ссылаясь на исследование Ю.Г. Бузуна, О.В. Ратушняк отметил, что «казачья конница не всегда находила достойное применение на полях сражений» ввиду отсутствия у высшего военного руководства русской армии четкой кавалерийской доктрины, отвечающей духу времени.

А.А. Нартов, опираясь на материалы Государственного архива Ставропольского края, показал роль местного духовенства и казаков в определении места постройки Никольского собора в г. Баталпащинске Кубанской области и способы изыскания средств на строительство храма.

А.Е. Акоюн ознакомил участников конференции с тем, как христианские верования и обычаи черкесов отражены в источниках армянского происхождения.

Доклад О.И. Шафрановой был посвящен деятельности сестер милосердия Ставрополя и Кубани в годы Первой мировой войны.

З.А. Барбарунова привела статистические сведения о русских военнопленных, находившихся в лагерях на территории Чехословакии. Данные материалы подготовлены на основании изученных источников, хранящихся в Народном архиве Чешской Республики. Ей удалось проследить судьбу некоторых военнопленных вплоть до 1938 г. Исследователь отметила, что Военное министерство Австро-Венгрии путем размещения русских и сербских военнопленных в местах компактного проживания немецкого населения стремилось воспрепятствовать общению с ними русофильски настроенных чехов и словаков.

В практико-ориентированном выступлении Т.А. Дворцовой продемонстрированы возможности использования героического дискурса Первой мировой войны в преподавании истории России для студентов исторических специальностей в высших учебных заведениях.

Доклады остальных участников конференции были представлены в ходе работы двух секций: «Актуальные вопросы Первой мировой войны» и «Русская православная церковь на Кавказе».

В рамках работы первой секции было освещено участие народов Северного Кавказа и Средней Азии в Первой мировой войне (доклады В.П. Громова, А.Е. Потапова, Р.М. Дагужиева). При этом В.П. Громов (доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета) обратил внимание на то, как сведения о боевом содружестве кубанских казаков и горцев применяются в процессе патриотического воспитания молодежи Краснодарского края. О возможности использования уроков Первой мировой войны в воспитании патриотических чувств подрастающего поколения говорили в докладах Л.Ю. Козлова (доцент кафедры русского языка Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева) и М.Д. Салпагарова (учитель истории и обществознания высшей категории гимназии № 9 г. Черкесска). В этом плане интерес представляет и доклад Т.В. Ратушняк (доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета), посвященный анализу участия детей России в Первой мировой войне, в котором основное внимание было сконцентрировано на примерах детского патриотизма.

Докладчики обращали внимание также на то, как события Первой мировой войны были отражены в европейской и русской литературе начала XX в. (Ф.М. Хубиева), в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» (Л.Н. Тугова) и песне 1-го Хоперского полка (Е.В. Тер).

М.Ю. Горожанина (доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета) подробно осветила изменение отношения к войне на примере жителей Кубанской области. Она отметила, что на первом этапе войны и гражданское население, и казаки-фронтовики выражали поддержку практически всем начинаниям монархической власти. Впоследствии духовный кризис, неудачи на фронте, расхождение между идеологическими посулами и реальным положением дел способствовали кардинальной перестройке в настроениях жителей Кубани, монархические предпочтения постепенно вытеснялись революционными лозунгами. Автор подчеркнула, что такие изменения касались всех слоев населения Кубанской области, включая духовенство.

К.В. Шевченко (профессор Минского филиала Российского государственного социального университета) обратил внимание участников конференции на трагическую судьбу русинов-лемков – автохтонных обитателей Лемковины (историческая область в Западной Галиции к северу от Карпатского хребта) – жертв австро-венгерского геноцида в годы Первой мировой войны.

Во второй секции прозвучали доклады, посвященные истории храмов на Северном Кавказе (В.А. Колесников, Н.Г. Соловьева, Н.В. Чапура, А.Г. Гурин, А.В. Малинский), антипасхальной кампании Союза безбожников в Армавирском округе (С.Н. Малахов и А.С. Малахова), взаимоотношениям советской власти и православного духовенства в Карачаево-Черкесии в 1920–1930-е гг. (А.А. Байрамкулова), внедрению советской обрядности на территории Карачаево-Черкесской Республики в 1960–1970-е гг. (Н.В. Кратова).

П.Г. Немешкалов (профессор кафедры теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института) и иерей А. Палазник (аспирант Московской духовной академии) акцентировали внимание на миссионерской деятельности Русской православной церкви на Северном Кавказе во второй половине XIX в. Ученые отметили тактическую гибкость в вопросах религии и религиозного исповедания политики, реализуемой Российским государством на Северном Кавказе.

Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазарян (профессора кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета) раскрыли особенности службы священников Русской православной церкви на северокавказском фронте.

Религиозным воззрениям адыгов и христианским элементам в традиционной культуре черкесов были посвящены выступления А.Х. Кардановой и Х.А. Хабекировой (ведущие научные сотрудники отдела истории народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсиорокова).

В рамках конференции также проведено заседание молодежной секции «Первая мировая война в исследованиях молодых ученых», на которой выступили студенты и магистранты из высших и средних учебных заведений Карачаевска, Ставрополя и Черкесска.

В целом пятая конференция в рамках Баталпашинских чтений стала важным научным событием, внесшим весомый вклад в изучение Первой мировой войны, истории народов Северного Кавказа, а также роли и деятельности Русской православной церкви на Северном Кавказе. Проведение подобных конференций не только способствует развитию российской исторической науки, но и является важным фактором в стабилизации межнациональных и межрелигиозных отношений на Северном Кавказе.

Информация об авторах

О.В. Ратушняк – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений.

Т.В. Ратушняк – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России.

Information about the authors

O.V. Ratushnyak – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Relations.

T.V. Ratushnyak – Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ OUR PERSONS

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2024-4-129-133

Выдающийся ученый и педагог высшей школы В.Н. Ратушняк (к 85-летию)

Personalities

Outstanding scientist and teacher of higher education V.N. Ratushnyak (to the 85th anniversary)

В январе 2025 г. научно-педагогическое сообщество Юга России торжественно отмечает 85-летний юбилей авторитетного ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Кубани Валерия Николаевича Ратушняка. Ученый-историк славен на Юге России как крупный организатор исторической науки, замечательный педагог, выдающийся общественный деятель. Валерий Николаевич известен как многолетний заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной академии высшей школы, член знаменитого Изборского клуба, а также обладатель многочисленных государственных, ведомственных и региональных наград и знаков отличия.

В.Н. Ратушняк родился 2 января 1940 г. в городе Иркутске, в семье известного геолога с казачьими историческими корнями. После окончания средней школы он начал свою трудовую деятельность рабочим на одном из краснодарских заводов, а в 1960 г. поступил на историко-филологический факультет Краснодарского государственного педагогического института. Выступая на научных студенческих конференциях и семинарах с докладами на краеведческие темы, он показал себя целеустремлённым, эрудированным, самостоятельно мыслящим студентом, неординарным молодым исследователем.

Получив квалификацию «учитель истории, обществоведения, русского языка и литературы», Валерий Николаевич сначала работал воспитателем и учителем спецшколы МВД, затем преподавал в техникуме железнодорожного транспорта в Краснодаре.

Проработав в системе народного образования Краснодарского края, в 1966 г. В.Н. Ратушняк был принят на должность ассистента в Кубанский сельскохозяйственный институт. Молодой исследователь и педагог с головой ушёл в научную и преподавательскую деятельность. В скором времени начинающий ученый заявил о себе в изучении сложных проблем аграрной истории Предкавказья. Он публикует научные статьи, которые сразу были замечены научным сообществом.

В 1969 г. Валерий Николаевич перешел на должность преподавателя кафедры истории СССР в Краснодарский государственный педагогический институт, который вскоре был преобразован в Кубанский государственный университет. В.Н. Ратушняк становится аспирантом Института истории СССР Академии наук СССР. Он, успешно закончив обучение в аспирантуре

В 1969 г. Валерий Николаевич перешел на должность преподавателя кафедры истории СССР в Краснодарский государственный педагогический институт, который вскоре был преобразован в Кубанский государственный университет. В.Н. Ратушняк становится аспирантом Института истории СССР Академии наук СССР. Он, успешно закончив обучение в аспирантуре

этого института под руководством авторитетного ученого доктора исторических наук А.М. Анфимова, подготовил и в 1974 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Товарное производство в сельском хозяйстве Кубанской области в конце XIX – начале XX века» по специальности 07.00.2 «История СССР». В результате сформировался ученый академического типа, признанный научным сообществом.

В 1971 г. В.Н. Ратушняк был приглашен в качестве участника крупного и авторитетного научного собрания – Международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В деятельности данного научного форума В.Н. Ратушняк принимал участие в течение без малого четырёх десятилетий, вплоть до настоящего времени, а с 1994 г. он являлся и членом его организационного комитета. Он также был членом Общественного совета ГУ МВД России по Краснодарскому краю, членом экспертно-консультативного совета Законодательного собрания Краснодарского края.

На очередном этапе своей плодотворной научной деятельности В.Н. Ратушняк проявил себя в качестве академического многогранного ученого, которого отличали обстоятельность и широта научного мировоззрения, масштабность и новизна исследований. Он изучал на региональных материалах формы землевладения и землепользования, материально-производственную базу сельского хозяйства, отдельные отрасли сельскохозяйственного производства, товарно-зерновой рынок Северного Кавказа, аграрные отношения в среде казачества, крестьянства, у горских и кочевых народов.

В.Н. Ратушняк в числе первых ученых в Северо-Кавказском регионе, являвшемся одним из ведущих научных центров страны по изучению аграрной проблематики, задействовал в своих научных работах разноплановый источниковый и прежде всего статистический материал. Он успешно применил для его систематизации, обобщения, обстоятельного и всестороннего глубокого исследования передовые и перспективные в то время специальные математические методы. Он концептуально осмыслил, теоретически обосновал и практически апробировал новую научную авторскую методику историко-системного анализа процессов развития капиталистических отношений в аграрной сфере как «вширь», так и «вглубь» в региональном аспекте, системы всех аграрных отношений дореволюционного периода в Северо-Кавказском регионе. Позднее данные научные разработки В.Н. Ратушняка успешно использовались и им самим, и его последователями при анализе аналогичных процессов и явлений во всероссийском масштабе.

Ученый значительно расширил предмет и масштабы своих исследований, обстоятельно проанализировал различные формы землевладения и землепользования, материально-техническую базу сельского хозяйства, различные отрасли сельскохозяйственного производства полиэтничного населения Северного Кавказа, имевшего большое количество особенностей самого разного плана. Он глубоко и всесторонне охарактеризовал аграрные отношения в среде казачества края, горских и кочевых народов, крестьянства, осуществил их сравнительный анализ, сформулировал новые важные научные выводы.

Результаты этой большой и многоаспектной исследовательской работы В.Н. Ратушняк изложил в опубликованном в 1989 г. монографическом исследовании «Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (к проблеме развития аграрного капитализма)». Монография получила заслуженную высокую оценку научного сообщества, что нашло отражение в ряде положительных рецензий в ведущих научных журналах страны. Закономерным итогом плодотворных многолетних исследований В.Н. Ратушняка стала успешная защита им в том же году докторской диссертации «Развитие капитализма в сельскохозяйственном производстве Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века». В.Н. Ратушняк стал одним из авторов фундаментальной коллективной монографии «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)» под редакцией Ю.А. Жданова (М.: Наука, 1988), как заместитель ответственного редактора координировал подготовку уникальных коллективных монографий «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма» (Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1990), «Российское казачество» (М., 2003).

Валерий Николаевич, обладая глубокими научными знаниями, широкой эрудицией, аналитическими способностями, постоянно находясь в неустанном научном поиске, неизменно занимая научно объективные и активные гражданские жизненные позиции, значительно расши-

рил сферу своих научных интересов. Он живо и заинтересованно откликался на научные новации и значимые общественно-политические события всероссийского и регионального планов.

Помимо различных аспектов социально-экономической истории региона, предметом его исследований стал широкий круг проблем истории кубанского и всего российского казачества, актуальные проблемы начавшегося казачьего возрождения, непростые вопросы Кавказской войны, многие аспекты истории Кубани и её выдающихся деятелей. Его заслуги в 2000-х гг. были высоко оценены общественностью. Он лауреат премии администрации Краснодарского края в области науки и культуры им. К. Россинского, дважды лауреат общественного конкурса «Радетели Краснодара» (2004, 2009 гг.). Награжден медалями «За выдающийся вклад в развитие Кубани» I степени, «Патриот России», городской думой – «За заслуги», администрацией края – «70 лет Краснодарскому краю», дипломом I степени и золотой медалью «Гордость науки Кубани», за просветительскую деятельность – медалью академика И.И. Артоболевского, медалью «За мир и гуманизм на Кавказе», знаками отличия за научно-просветительскую деятельность «За содействие МВД», «За службу на Кавказе», «За заслуги перед Кубанским казачеством» (2005, 2010 гг.)

Глубоко чуждый таким негативным, но весьма распространенным явлениям, как научная и общественно-политическая конъюнктура, ангажированность, угодничество, подобострастие, сенсационность, В.Н. Ратушняк во всех своих научных и историко-публицистических статьях и книгах неизменно занимал объективные научные позиции, аргументированно излагал свои взгляды и выводы, в непростых дискуссиях по самым сложным и неоднозначным проблемам убедительно доказывал свою правоту.

В начале 1990-х гг., когда Россия стала погружаться в хаос и оказалась на грани братоубийственной войны, голос профессора зазвучал особенно громко. На страницах кубанской прессы ученый призывал не повторять ошибок прошлого, не спекулировать на исторической памяти, не допустить развала России [1]. В.Н. Ратушняк также четко выразил свое отношение к самым болезненным вопросам истории и возрождения казачества. В частности, он в 2009 г. отметил: «Казачи сами себе навредили, когда некоторые начали бредить идеей об этническом единстве, якобы казаки — особый народ. Да и сейчас такое мнение порой проскальзывает. Безусловно, у них есть субэтнические черты (казачье самосознание, культура и так далее), но сами они – часть русского народа, и сказать, что это особый народ, значит противоречить самой истории. Уже поэтому к ним могут относиться с недоверием. Так что легенд много придумано в отношении казачества. Но, к сожалению, среди казаков немало людей, которые такие легенды воспринимают как истину» [2].

К настоящему времени В.Н. Ратушняк опубликовал более 580 научных и научно-публицистических работ, в том числе десятки индивидуальных и коллективных монографий, учебников и учебных пособий, статей в 42 центральных академических изданиях, целом ряде энциклопедических изданий, включая тома новой фундаментальной «Российской энциклопедии». Он научный редактор и автор разделов в трудах «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» (1996 г.), «История Кубанского казачества», «Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.)» (2002 г.), «Летопись Кубанского казачьего войска» (2006 г.), «Кубановедение от А до Я. Энциклопедия» (2008 г.), «Энциклопедия кубанского казачества» (2011, 2013 гг.), «Кубанские хроники. Малоизвестное об известном: очерки» (2015 г.) и др. Всего под его научной редакцией вышли в свет более 80 сборников материалов и тезисов научных конференций, сборников научных статей, коллективных монографических исследований, энциклопедических изданий.

Книга для школьников «Родная Кубань: страницы истории», подготовленная под руководством В.Н. Ратушняка, стала лауреатом Всероссийского конкурса «Лучшая книга 2003 г.». Ученый разработал учебные курсы для студентов ФИСМО КубГУ по истории России дореволюционного периода, истории внешней политики России (для международного отделения), источниковедения по истории России, спецкурсы по аграрной истории Северного Кавказа, истории российского самодержавия, истории кубанской полиции. В 1997 г. В.Н. Ратушняку было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Кубани», а в 2005 г. – почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В.Н. Ратушняк основал в Кубанском государственном университете и успешно возглавляет известную научную школу, в состав которой входят многие авторитетные исследователи Кубани и Северного Кавказа. Под его руководством сложилось полноценное неформальное объединение самостоятельно работающих исследователей. Они отличаются общностью научных интересов и наличием качественных собственных научных результатов в русле концептуальных идей общепризнанного лидера. Научный и педагогический авторитет этой школы очень высок, работы ее членов широко известны не только в нашем регионе, но и во всей стране, в ближнем и дальнем зарубежье.

Под непосредственным научным руководством В.Н. Ратушняка защищено 27 кандидатских и 5 докторских диссертаций. В их числе – А.М. Авраменко, Л.М. Галутво, В.Н. Мальцев, М.Ю. Горожанина, И.Д. Золотарёва, В.В. Бондарь, В.А. Кумпан и др. (в местном научном обществе их называют «ратушняки»).

Известный кавказовед, доктор исторических наук, профессор В.Б. Виноградов констатировал, что «Краснодарская научно-педагогическая школа В.Н. Ратушняка совершает убедительный прорыв в область исторической антропологии». Действительно, он является инициатором начала изучения жизнедеятельности видных исторических фигур, которые внесли большой вклад в становление культуры Кубани, определяли и задавали векторы ее социально-экономического развития. Например, под его научным руководством была написана одна из первых работ этого направления – исследование Л.М. Галутво «Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины» [3]. Кроме того, авторитетный ученый десятки раз выступал в качестве научного оппонента на защите докторских и кандидатских диссертационных исследований.

Валерий Николаевич ведёт большую и плодотворную научно-организаторскую и общественную деятельность. С 1992 г. он был председателем диссертационного совета при Кубанском государственном университете по защите кандидатских и докторских диссертаций по истории, редактором первого кубанского исторического журнала «Голос минувшего». В.Н. Ратушняк является членом Совета при Президенте РФ по делам казачества, совета по культуре при губернаторе Краснодарского края, президиума Краснодарского отделения Российского фонда культуры, председателем экспертной комиссии Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследию) Краснодарского края, сопредседателем Кубанской организации содействия развитию исторической науки и образования и членом еще целого ряда экспертных советов и организаций. При его непосредственном и деятельном участии как члена и во многих случаях сопредседателя организационных комитетов учреждено и проведено несколько десятков международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций.

С 80-х гг. XX в. и по настоящее время В.Н. Ратушняку принадлежит важная роль в организации и проведении всесоюзных и всероссийских научных конференций по истории казачества России. Они проходили постоянно на Дону и Кубани, Северном Кавказе, становились крупными общественно-политическими событиями. Их деятельность совпала с процессами возрождения казачества страны, его поисками своего места в новых современных политических и социально-экономических реалиях. Научные дискуссии, наработки, выводы и предложения конференций становились основой для понимания казачьего движения, сохранения его культурно-исторических традиций, разработки государственной политики по отношению к казачеству.

Свой 85-летний юбилей Валерий Николаевич Ратушняк встречает в многогранной и плодотворной научной, педагогической и общественной работе. В 2021 г. он выпустил книгу «Кубанские исторические этюды». Вместе со своим сыном – профессором О.В. Ратушняком он издал книгу «История казачества России», в которой дается систематическое изложение истории этого феномена от начала его происхождения до времени возрождения и современного развития. Отличительной чертой этой работы является отказ от политизации истории казачества на всех этапах его развития, особенно в XX в.

О В.Н. Ратушняке написан большой цикл биографических справок и очерков на сайтах КубГУ, других вузов, музеев, издательств, библиотек, книжных магазинов, а также научных статей, в которых раскрывается многогранный талант исследователя, преподавателя, генерато-

ра идей и организатора исторической науки на Кубани, подробно охарактеризованы все вехи жизненного пути ученого, теснейшим образом связанные с Краснодаром и Кубанью.

Авторитетный ученый, выдающийся вдохновитель и организатор исторической науки, незаурядный педагог, известный общественный деятель, настоящий патриот Кубани и России В.Н. Ратушняк полон научных, образовательных, просветительских, общественных планов и проектов.

От всей души поздравляем юбиляра и желаем ему здоровья, творческих и физических сил, дальнейших достижений во всех сферах своей многогранной деятельности!

Список источников

1. Профессор КубГУ В.Н. Ратушняк – герой труда Кубани. URL: <https://kubsu.ru/ru/node/19347?ysclid=m27dw1ewip478908149> (дата обращения: 20.07.2024).
2. URL: <https://gazetavk.ru/?d=2009-02-03&r=22&s=2089> (дата обращения: 20.07.2024).
3. Становление школы исторической антропологии на Кубани (1980– 2010-е гг.). Историки, научные школы и исторические сообщества юга Российской империи, СССР и России. URL: https://vuzdoc.ru/164641/istoriya/stanovlenie_shkoly_istoricheskoy_antropologii_kubani_1980_2010?ysclid=m27fpol2ty155733171 (дата обращения: 20.07.2024).

References

1. *Professor of KubSU V.N. Ratushnyak - Hero of Labor of Kuban*. Available from: <https://kubsu.ru/ru/node/19347?ysclid=m27dw1ewip478908149> [Accessed 20th July 2024]. (In Russ.).
2. Available from: <https://gazetavk.ru/?d=2009-02-03&r=22&s=2089> [Accessed 20th July 2024]. (In Russ.).
3. *Formation of the school of historical anthropology in Kuban (1980-2010s). Historians, scientific schools and historical communities of the south of the Russian Empire, the USSR and Russia*. Available from: https://vuzdoc.ru/164641/istoriya/stanovlenie_shkoly_istoricheskoy_antropologii_kubani_1980_2010?ysclid=m27fpol2ty155733171 [Accessed 20th July 2024]. (In Russ.).

А.И. Агафонов,
доктор исторических наук, профессор,
Донской государственной технической университет

С.А. Кислицын,
доктор исторических наук, профессор,
Южно-Российский институт управления (филиал)
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

В.П. Трут,
доктор исторических наук, профессор,
Донской государственной технической университет

**Указатель материалов, опубликованных в журнале
«Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2024 году**

**Index of Materials, published in the Journal
“Bulletin of Higher Educational Institutions.
North Caucasus Region. Social Science” in 2024**

К 110-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЮФУ

Кислицын С.А. Юрий Жданов – гений места (genius loci): Ростова, Дона и Северного Кавказа 3

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Акаев А.В. Духовно-культурное наследие народов Северного Кавказа в условиях современной цивилизации: проблемы сохранения и изучения	3
Авдеенко Е.В. Художественное кино как инструмент манипуляции поведением личности и общества	1
Золотухин А.А. Анализ профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел: философско-антропологический ракурс	3
Киричек А.В., Ходикова Н.А. Уроки Фейерабенда: ограниченность науки, значение ценностей и разнообразия	2
Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. Социально-философский анализ проблем номофобии и интернет-зависимости	1
Пантузенко Е.С. Сепаратизм в политике и религии: сравнительный анализ	2
Перекрыстова А.В. Метафизика точки: путь в трансцендентное	1
Пилавов Г.Ш. Шахматы как отражение культурного пространства Арабского халифата	3
Плеханов И.Н. Философско-антропологическая проблематика в работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения»	3
Сорокин Г.В., Ерошенко Т.И. Философский анализ проблем современной науки	4
Хоконов М.А., Лиссев Р.П. К вопросу о междисциплинарном изучении традиционного черкесского праздника Созереш	2

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аганов А. А. Становление Общества друзей воздушного флота на Юго-Востоке РСФСР в 20-е годы XX века (по архивным материалам)	4
Агафонов А.И. Герб на графское Российской империи достоинство и его версии генерала от кавалерии, атамана Донского Войска графа М.И. Платова	3
Агафонов А.И. Самобытные (неутвержденные) дворянские гербы М.И. Платова на гравированных портретах	2
Агеева В.А., Жбанникова М.И., Асташев А.А. Акты комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков как источник по теме угона мирного населения Ростовской области на принудительные работы в нацистскую Германию	4
Ануфриенко М.С. К истории становления русско-горской торговли на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века	2
Венков А.В. Матримониальные связи казачьей верхушки Дона в XVIII веке	2
Гапсаламов А.Р. Проблемы эффективности советской индустрии в 1920-е годы: региональный аспект	3
Горбик К.А. Городские кредитные учреждения Области войска Донского в пореформенный период	1
Гречишкина С.А. США на пути к рестрикционизму в иммиграционной политике (вторая половина XIX – начало XX века)	1
Денильханов И.С. Культурные трансформации в жизни чеченского общества к началу XX века	1
Димитренко Н.В. Организация работы Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по подготовке «Свода памятников истории и культуры Пензенской области»	4
Егоров А. А., Пашенко Э. К. Битва народов в освещении британской прессы	4
Казаров С.С. К вопросу о «древности» Додонского оракула	4
Козлов С.С. К вопросу об озеленении города Нахичевани-на-Дону в XIX – начале XX века	3

Козлов С.С., Лебеденко В.А., Рылова Н.Е. Александр Рубенович Ханамиров – основатель школы оториноларингологии в Ростовском государственном медицинском институте	2
Кравец В.С. О становлении авиации на Дону	1
Кувшинов А.Н. Горцы на стороне Российской империи в вооруженном противостоянии на Кавказе	1
Марченко А. Н. Протест и революционная деятельность в семинарской среде в начале 60-х годов XIX века (на материале Пермской духовной семинарии)	4
Мачульский А.Н. Отдельные аспекты эволюции инсигний в контексте развития основ государственной идеологии в период становления Русского государства	4
Мордовин П. С. Обстоятельства развития внутренней и внешней экспансии горцев Северного Кавказа в начале XIX века	2
Мутушев И.А. Особенности социальных конструкций Дагестана и их влияние на общественно-политические процессы в регионе	1
Огорельцев П.А., Пономарева М.А. Донская периодическая печать и ее роль в формировании общественных настроений в первые месяцы Великой Отечественной войны	4
Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Толопченко О.В. Социально-правовые аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России (X – XVIII века)	3
Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Борьба с детской беспризорностью и забота о детях-сиротах в начальный период существования Советского государства как одно из направлений социальной политики (1917–1930 годы)	4
Петров А.С. Преподавание восточных языков в мужских гимназиях Казанского учебного округа как элемент национальной политики Российской империи в XIX – начале XX века (на материалах Казанской и Астраханской мужских гимназий)	2
Платонов Р.Д. Причины стачечного движения на текстильных предприятиях Владимирской губернии в 1905–1907 годах	1
Подольников В.П. Роль Анвара Садата в ухудшении советско-египетских отношений в 1971 – первой половине 1972 года (по воспоминаниям)	4
Полчаева Ф.А. Чанка и чанка-беки: социальное положение и правовой статус (XVIII – первая половина XIX века)	4
Сень Д.В. Новые данные о походе султанов Бахты-Гирея (Дели-султана) и Мурад-Гирея на Кабарду весной 1729 года	3
Середина И.В. Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века	2
Слепцов А.С. География оскорблений членов императорской семьи в Области войска Донского в начале XX века	1
Талтангов Л. Понимание пролетарского интернационализма в документах ВЛКСМ в 1950–1960-е годы	4
Ткаленко Н.С. Меры российских властей по развитию здравоохранения на Северо-Западном Кавказе в 20–30-е годы XIX века	2
Цечоев А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII–XIX веках	4
Шадрина А.В. Инициатива Русского географического общества середины XIX века и ее реализация в творчестве донского протоиерея Григория Левитского	4
Эмирханов И.А. Производственная повседневность рабочих и служащих промышленных предприятий Дагестана в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)	4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Альбекова С.А. Концепция и реализация альтернативной методики оценки национальной конкурентоспособности	2
Боровская М.А., Грановская М.В., Масыч М.А., Афанасьев А.А. Международное гуманитарное сотрудничество в формирующемся многополярном мире: основные тенденции	4
Боровская М.А., Масыч М.А., Федосова Т.В. Инструменты финансового сопровождения научно-технологического трансфера	1
Декина М.П., Макаров А.В., Найминова Э.А., Подгорных И.В. Оценка территориальной дифференциации показателей уровня жизни в Российской Федерации	2
Османова М.М. Специфика ведения учета непроектированных активов в бюджетных учреждениях	3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Исраилова Э.А., Мезинова И.А., Узнародов И.М. II Всероссийская конференция с международным участием «Черноморский регион и Кавказ в международных отношениях» (Ростов-на-Дону, 23–24 мая 2024 г.)	3
--	---

Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Баталпашинские чтения – 2024», посвященная 110-летию начала Первой мировой войны (Черкесск, 5–6 октября 2024 г.)	4
Сухов Р.И. Итоги проведения Международной научно-практической конференции «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено» (Ростов-на-Дону, 3–4 апреля 2024 г.)	3

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Кислицын С.А. Новое исследование истории казачества и Донского края (<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939 гг.). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2024. 334 с.)	3
Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б. Историческая наука, партийная и научная элита в эпоху сталинизма (<i>Дубровский А.М.</i> Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.)	1
Мининков Н.А. – <i>Авраменко А. М.</i> От куреней Запорожской Сечи к станицам и городам Кубани (проблемы происхождения названий, исторической географии, топографии и культурного наследия). М.: Директ-медиа, 2023. 424 с.	1
Узнародов И.М. Черноморско-Каспийский регион в мировой геополитике (<i>Рябцев В.Н., Смагин С.А.</i> Черноморско-Каспийский регион как особый сегмент мирового геополитического пространства (современный ракурс рассмотрения). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. 498 с.)	1

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Агафонов А.И., Кислицын С.А., Трут В.П. Выдающийся ученый и педагог высшей школы В.Н. Ратушняк (к 85-летию)	4
Мининков Н.А. Дмитрий Владимирович Сень – историк казачества (к 50-летию со дня рождения)	2

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Билалов М.И. В точках отсчета дагестанской национальной философии (к 100-летию Ахеда Агаева)	2
---	---

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Виктор Исидорович Литвиненко (1940–2024)	1
--	---

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, М.С. Шипитко

Подписано в печать 20.12.2024. Выход в свет 23.12.2024.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 250 экз. Заказ № 9787

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, M.S. Shipitko

Signed print December 20, 2024. Publication December 23, 2024.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 15.81. Publ. sign 16.2. Edition 250 copies. Order number 9787

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2024-4.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2024. № 4